

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2008 ГОДУ

М.А. МАРУСЕНКО

Н.М. МАРУСЕНКО

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И АМЕРИКАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

МОНОГРАФИЯ

znanium

электронно-библиотечная система

Москва

ИНФРА-М

2025

УДК
ББК
М

Рецензенты:

Марусенко М.А.

М Языковые идеологии и американский языковой империализм : монография / М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 240 с. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/2171043.

ISBN 978-5-16-020391-1 (print)

ISBN 978-5-16-112974-6 (online)

Монография посвящена изучению связей между языковыми идеологиями, языковыми политиками и языковым строительством и их влиянием на американский языковой империализм. Анализ языковых идеологий позволил выявить преемственность между идеологическими течениями, сформировавшимися в Англии и Германии начиная с XVI в. и определившими эпоху модерна, и постмодерновыми американскими идеологиями, послужившими основой для внутреннего и внешнего американского языкового империализма.

Данное исследование языковых идеологий является первым в отечественной лингвистической и социолингвистической научной литературе.

Монография предназначена для широких кругов обучающихся и специалистов, интересующихся проблемами взаимодействия языка и общества.

УДК
ББК

Данная книга доступна в цветном исполнении в электронно-библиотечной системе Znanium

ISBN 978-5-16-020391-1 (print)
ISBN 978-5-16-112974-6 (online)

© Марусенко М.А.,
Марусенко Н.М., 2025

Предисловие

Языковые идеологии представляют относительно новое направление исследований, возникшее в рамках школы этнографии речи в 1960–1970-х гг. и подчеркивающее важность влияния культуры на язык, что приводит к культурно различным моделям речи. Но уже в 1980-х гг. многие исследователи обратились к изучению отношений языка с властью и политической экономией. В это же время возрос интерес к проблемам воздействия и встроенности политики и социальных процессов в языковые структуры.

Сегодня теоретическое понятие «языковые идеологии» (во множественном числе) относится к совокупности исследований, которые изучают проблемы осознания носителями своего языка и дискурса, а также то, как их положение в политико-экономической системе определяет их мысли, высказывания и оценки языковых форм и дискурсивных практик¹. Работы по этой тематике зародились в рамках лингвистической антропологии благодаря пионерской работе М. Сильверштейна «Языковая структура и языковая идеология»², который, основываясь на идеях Б.Л. Уорфа, показал влияние языковых идеологий на формирование языковых структур. Благодаря этой работе языковые идеологии стали новым уровнем *лингвистического анализа*. Сильверштейн утверждал, что рефлексия носителей относительно своего языка часто является основным фактором, определяющим эволюцию языковых структур. Он определил языковые идеологии как «любой набор мыслей о языке, выражаемых его носителями для рационализации или оправдания существующих языковых структур и их использования»³.

В 1980–1990-х гг. в исследованиях лингвистических антропологов языковые идеологии стали больше ориентироваться на социально-культурный аспект отношения языка и общества. Дж. Ирвин в 1989 г. дала свое определение языковых идеологий: «система культурных

¹ *Kroskrity P.V. Regimenting Languages / ed. P. Kroskrity // Regimes of language: Ideologies, politics, and identities (School of American Research Advanced Seminar Series). Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, 2000. P. 1–34.*

² *Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology / eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer // The Elements. Chicago Linguistics Society, 1979. P. 193–248.*

³ *Ibid.*

идей об отношениях языка и общества, с учетом давления на них моральных и политических интересов»¹.

Языковые идеологии всегда несут моральную и (или) политическую нагрузку, потому что имплицитно или эксплицитно они сосредоточены не только на том, что представляют собой языки, но и на том, какими они должны быть. Они наделяют некоторые языковые формы или варианты языка большей ценностью, чем другие, в некоторых обстоятельствах и для некоторых носителей. Языковая идеология может конвертировать определенные языковые практики человека в символический капитал, который приносит экономические и социальные выгоды и лежит в основе социального доминирования. Через эту «алхимию» языковой идеологии языковой капитал доминирующей группы наделяется различием, которое кажется связанным с самой сутью языка, а не с исторической случайностью. Это приводит к тому, что доминируемые носители вынуждены признавать превосходство языковой формы, которую они не могут контролировать².

Объектом языковых идеологий является не только сам язык: они осуществляют связь между языком и другими социальными явлениями, начиная с идентичностей (этнической, гендерной, расовой, национальной, локальной, возрастной, субкультурной) и кончая концепциями личности и моделями человеческого поведения³. Языковые идеологии существуют не только в виде ментальных конструкторов и их вербальных выражений, но и в форме воплощенных практик и предрасположенностей, т.е. того, что П. Бурдьё называл *габитусом*, т.е. имплицитным знанием и укорененными ощущениями, которые закрепляются в человеке благодаря повторяющемуся социальному опыту⁴.

Термин «идеология» является многозначным и спорным. В нейтральном значении он обозначает просто общую систему знаний, но чаще употребляется в уничижительном смысле, ассоциируясь с ложным сознанием или искажениями с целью доминирования. Эти отрицательные коннотации влияют на отношение к этой сфере

¹ Irvine J.T. When talk isn't cheap: Language and political economy // *American Ethnologist*. 1989. Vol. 16. P. 248–267.

² Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / пер. с фр. О.И. Кирчик // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.

³ Woolard K. Language ideology / ed. J. Stanlaw // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. JohnWiley & Sons, 2021. P. 2.

⁴ Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 304 с.

исследований. Даже сегодня многие лингвистические антропологи не считают идеологии такой же достоверной формой знания, как наука, относя их к экспертным моделям, которые считаются альтернативными формами истины.

Принципиальное положение о том, что идеологии системно влияют на языковые формы, было отправной точкой рассуждений как в антропологии, так и в лингвистике. В основном потоке лингвистических идей XX в. языковые идеи носителей рассматривались как малоценные и вторичные, которые не могут корректно отражать фундаментальные автономные языковые структуры. Но в конце XX в. центр интереса лингвистической антропологии был перенесен на изучение коммуникации как социального взаимодействия, что заставило признать большее значение роли носителей. В 1980-х гг. исследования в области языковых идеологий сконцентрировались вокруг идеологических корней социального неравенства и доминирования, форм сознания, которые поддерживали или сопротивлялись доминированию стандартных языков над нестандартными вариантами, мажоритарных языков над миноритарными и культурной власти некоторых социальных групп над другими.

Переломный момент, благодаря которому языковые идеологии заняли центральное место в научной повестке лингвистической антропологии, наступил в 1991 г. после ежегодного собрания Американской антропологической ассоциации, пробудившего большой международный интерес к этой дисциплине, которая до этого считалась чисто американской. С тех пор возможности и ограничения языкового сознания стали все в большей степени рассматриваться с точки зрения социальной власти, инициировав семиотические и когнитивные исследования языковой идеологии как металингвистического подхода.

Признание центральной роли языковых идеологий произвело драматический концептуальный переворот как в антропологии, так и в лингвистике. В антропологии это связано с работами Ф. Боаса, уделявшего больше внимания дескриптивному анализу и исторической лингвистике, чем культурной обусловленности речи. Что касается лингвистики, в начале и середине XX в. доминирующими были маргинализация или прямой запрет языковых идеологий, основанные на идеях Ф. Соссюра и В.Н. Волошинова, которые изучали только внутреннюю логику системы знаков, отрицая, что значащие знаки идеологичны по своей сути¹. Поскольку американские структуралисты, следуя за Л. Блумфильдом, игнорировали значения, пренебрежение идеологиями приобрело массовый характер. На смену

¹ *Волошинов В. Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / коммент. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.*

таксономическому структурализму Блумфильда во второй половине XX в. пришла трансформационно-генеративная грамматика Н. Хомского, который не считает языковые идеологии частью языка и доказательством участия человека в его изменениях.

Такая ситуация продолжалась до 1980-х гг., когда лингвистическим антропологам удалось найти аналитический баланс между активностью носителей языка и структурой социальных систем. Сегодня идеологический подход к языку получил широкое распространение в разных частях света, особенно в Северной Америке.

За то время, что языковые идеологии превращались из маргинальной тематики в центральную проблему, они выработали свой собственный набор понятий, отличающий их от других направлений лингвистических исследований¹:

1) языковые идеологии представляют язык и дискурс как конструируемые, действующие в интересах отдельных социальных или культурных групп;

2) языковые идеологии имеют намеренно множественный характер, объясняющийся множественностью социальных делений (класс, гендер, элиты, поколения и т.д.);

3) носители могут иметь разную степень осведомленности о локальных языковых идеологиях;

4) языковые идеологии членов языковых групп являются посредниками между социальными структурами и языковыми формами.

Историография языковых идеологий свидетельствует не только об их производстве, но и о постоянном воспроизводстве. Это объясняется тем, что конфликты и споры вокруг языковых проблем воспроизводятся в разных странах в разных исторических и социальных условиях. Так, если рассматривать роль языковых идеологий в формировании социальных идентичностей (включая этническую, гендерную, автохтонную и национальную), видно, что языки давно используются для определения границ между социальными группами. Еще Гердер и другие европейские философы считали естественным примордиальное единство языка, нации и государства, а современные теоретики национализма настаивают на использовании общего языка как на главном способе сохранения «воображаемого сообщества» национальной идентичности². Использование или неиспользование общего языка исторически служил также инструментом социальной стратификации, когда те группы, которые не владеют стандартным языком, оказываются в подчинении у доминирующих.

¹ *Kroskrity P.V.* Language ideologies: Evolving perspectives. URL: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives (дата обращения: 12.12.2023). P. 195–200.

² *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. London: Verso, 1991.

Концептуальное поле языковых идеологий исследуется с целью нахождения ответов на следующие вопросы: 1) Какова структура языковой идеологии? 2) Каковы последствия таких идеологий? 3) Как языковые идеологии определяют языковые идентичности? 4) Сохраняется ли субъектность носителей в идеологически обусловленной социальной структуре?¹

П. Кроскрити выделил следующие уровни организации языковых идеологий: групповые интересы, множественность, диалектическое отношение с языковыми практиками и языковые идентичности².

Для обслуживания или представления интересов определенных групп языковые идеологии часто опираются на идеологию стандартного языка — представление о том, что некоторые варианты языка по своей природе являются высшими по отношению к другим. Этот предубеждение порождает иерархические отношения между разными социальными группами и между языковыми вариантами, ассоциирующимися с этими группами. Представление о стандартном языке как о «лучшем» или репрезентативном для гегемонической социальной группы оправдывает неравенство языков и рациональный подход к выбору языка. Стандартизация национальных языков, которые подвергаются кодификации государственными учреждениями, например языковыми академиями, ведет к распространению идеологии стандартного языка, несмотря на то, что публичной целью стандартизации языков обычно объявляется повышение эффективности коммуникации. Стандартизация создает нормы, которые создают «иерархическую разнородность», в результате которой формы речи, отклоняющиеся от стандартных норм, вместе со своими носителями считаются неполноценными³. Идеология стандартного языка может вырождаться в языковую идеологию, названную «нормативным моноязычием», утверждающую, что моноязычие является идеальным представлением для воображаемого национального государства. Одним из последствий этой эксклюзивной идеологии становится стигматизация отдельных вариантов языка, что ведет к смене или потере языка. Другим последствием является языковой пуризм, при котором носители стараются избегать заимствований из других языков, на которых они говорят, чтобы не запятнать стандартный вариант нестандартными и тем самым неполноценными языковыми формами⁴.

¹ Gal S. Contradictions of standard language in Europe; Implications for practices and publics // *Social Anthropology*. 2006. Vol. 14 (2). P. 163–181.

² Kroskrity P.V. Language ideologies / ed. A. Duranti // *A companion to linguistic anthropology*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2004. P. 496–517.

³ Gal S. Contradictions of standard language in Europe; Implications for practices and publics // *Social Anthropology*. 2006. Vol. 14 (2). P. 171.

⁴ Fuller J. Spanish speakers in the US. Bristol: Multilingual Matters, 2012. P. 10.

Идеологические представления языковых различий основываются на трех семиотических процессах: 1) иконизация, подразумевающая трансформацию, которая вызывается связью языковых явлений и социальных форм; 2) фрактальная рекурсивность, т.е. процесс, при котором одна сильная оппозиция проецируется на другую оппозицию; 3) стирание — процесс, при котором социолингвистические различия становятся невидимыми¹.

Что касается множественного характера языковых идеологий, он объясняется наличием многих социальных делений, таких как класс, раса, этничность, гендер и языковые компетенции. Люди, принадлежащие к одному языковому сообществу, часто придерживаются конфликтующих идеологий, что ведет к использованию разных языковых моделей и формированию разных языковых идентичностей.

Следующий уровень языковых идеологий связан с тем, как строятся и оцениваются *языковые* идентичности. Общеизвестно, что язык играет центральную роль в том, как социальные акторы проводят границы социальных групп. При этом члены многоязычных языковых сообществ часто используют более сложные модели самоидентификации и ассоциируют себя с набором языков, включающим языковые признаки, заимствованные из разных языков, и часто прибегают к использованию переключения кодов (*codeswitching*)².

Языковые идеологии необходимо учитывать при анализе подчиненных, измененных и приобретенных идентичностей. Часто собственные идентичности строятся путем противопоставления их идентичностям Других, демонизации некоторых аспектов *чужих* идентичностей и восхваления собственных. Так, многие автохтонные группы на юго-западе США считают доминирующий английский язык ущербным, потому что ему недостает духовности, воображения и чувствительности, что повышает значимость их собственных наследственных языков. Местные языковые идеологии пуризма и разграничения языков способствуют поддержке максимального количества различных языков и иконизации каждого языка в сочетании с определенной идентичностью. Даже при отсутствии формальной стандартизации языковые идеологии могут превозносить речь старейших членов языкового сообщества и отрицать аутентичность речи молодых носителей.

Нельзя игнорировать роль языковых идеологий в практиках языкового расизма, который существует как в открытой (используя расистские эпитеты), так и в скрытой форме, проявляющейся, например,

¹ Irvine J., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation / ed. P.V. Kroskrity // *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.

² Ansaldo U. *Contact Languages. Ecology and Evolution in Asia*. Cambridge University Press, 2009. P. 148.

при использовании неиспаноязычными «насмешки над испанским» (mock Spanish). Те, кто использует его, считают это шуткой, уместной в устном общении, и отклоняют обвинения в намеренном расизме. Тем не менее амеро-мексиканцы и прочие испанофоны постоянно ассоциируются с такими унижительными негативными качествами, как лень, безразличность, пьянство и т.д.

Еще одним аспектом применения языковых идеологий являются ситуации смены языков (language shift) и попытки развернуть эту ситуацию в обратном направлении, именуемые возрождением языка (language renewal или linguistic revitalization).

Поскольку идеологический подход к языкам может включать использование разных идеологий, не обязательно совпадающих с идеологией доминирующей группы, они должны использоваться при анализе динамических ситуаций, в которых задействованы культурные контакты, социально-экономические изменения, гендерные отношения и гегемоническое влияние государства на языковые, этнические и культурные меньшинства. Языковые идеологии уже давно признаны критическими силами для смены языка или его сохранения¹.

Одна из разновидностей языковых идеологий называется «профессиональными языковыми идеологиями», т.е. это идеологии разных профессиональных групп, включая академическую. Раньше других оформилась юридическая языковая идеология, формируемая практикой юридических школ в процессе подготовки юристов. Она рассматривает вопросы, связанные с прозрачностью языка, используемого в законодательстве США, с новыми разделами права и с анализом Племенного права коренных народов Америки².

Огромную роль языковые идеологии играют при изучении проблем языковых контактов. Центральным объектом контактной лингвистики является носитель — человек, имеющий возможность приобретать разные наборы языков, ассоциирующиеся с определенными видами социальной активности, и использующий их в различных коммуникативных целях³. По общему мнению, языковые контакты являются, прежде всего, социальными явлениями, осуществляющимися через языковое взаимодействие: «языковой контакт — это ситуация, в которой носители физически сталкиваются с языковыми означающими, которые идентифицируются этими носителями как

¹ Dorian N. Western Language Ideologies and Small Language Prospects / eds. L. Grenoble, L. Whaley // *Endangered Languages*. Cambridge University Press, 1998. P. 3–21.

² Richland J.B. *Arguing With Tradition: the Language of Law in Hopi Tribal Court*. University of Chicago Press, 2008.

³ Rodríguez I. The role of linguistic ideologies in language contact situations // *Language and Linguistics Compass*. 2019. Vol. 13 (1). P. 1.

“разные языки”, и строят знаки на основе использования этих означающих со значениями того языка, к которому, по их мнению, они принадлежат»¹. Фактически каждый носитель некоторым образом находится в ситуации языкового контакта с другими людьми, поэтому это понятие охватывает широкий круг коммуникативных ситуаций.

У. Вайнрайх в 1953 г. впервые показал, что чисто лингвистические критерии являются недостаточными для понимания последствий языковых контактов, и что задачи лингвистической теории требуют изучения носителей и социумов, в которых они живут². Носители как социальные существа живут не в вакууме, но являются участниками широкой сети речевых взаимодействий, которая позволяет им формировать понимание Себя по отношению к Другим и находить пути использования языкового материала, которые соответствовали бы этим контактам. Поэтому изучение языковых контактов должно производиться параллельно с изучением непосредственного контекста, т.е. социальных структур, внутри которых взаимодействуют носители. Существуют два сценария развития языковых контактов (сохранение языка или интерференция путем смены языка), выбор одного из которых определяется иерархией языковых и социальных факторов, зависящих от языковых идеологий. Каждый сценарий имеет свой набор параметров, от которых зависит, какой языковой материал должен передаваться, заимствоваться или воспроизводиться, и почему в ситуации устойчивого двуязычия заимствование происходит на лексическом уровне, а в стадии смены языка в первую очередь страдают фонологические и синтаксические элементы. Несмотря на некоторые разногласия, в научном сообществе сложился консенсус относительно того, что социальные факторы являются важными детерминантами результатов контактов и взаимодействуют с языковыми факторами³.

В эпоху глобализации и неолиберализма возникли новые идеологические основания для легитимации лингвистических исследований. Уже в эпоху раннего капитализма широкое распространение получила коммодификация языка (превращение языка в товар). Примером является фонетист Генри Хиггинс, персонаж пьесы Б. Шоу, получавший доход от того, что сегодня называется «акцентной терапией» для новых богачей. Составители коммерческих словарей, рекламщики, преподаватели и адвокаты в буквальном смысле торгуют своими языковыми компетенциями. Со времен Шоу изменился

¹ *Enfield N.J.* Linguistic epidemiology: Semantics and grammar of language contact in mainland Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2003. P. 19.

² *Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems. Walter de Gruyter, 2010. 160 p.

³ *Ravindranath M.* Sociolinguistic variation and language contact // *Language and Linguistics Compass*. 2015. Vol. 9 (6). P. 243–255.

не сам факт, что язык является товаром, а только масштаб и стиль, которые определяют торговлю языком в неолиберальную эпоху.

В конце XX в. раздался голос ученых, заговоривших о «провинциализации» Европы. Они имели в виду, что категории и отношения, связанные с определенными местами и временами, усилиями европейских исследователей были возведены в ранг универсалий и стали использоваться для описания всего мира и доминирования над ним¹. Сегодня Европа, а с ней и весь мир, пытаются депровинциализироваться. В этом постмодернистском проекте центральную роль играют языковые конструкции (включая языковые идеологии и метадискурсивные практики) и традиции.

Когда язык стал центром проекта модерна, существующий сегодня комплекс социальных форм еще не существовал ни в Европе, ни где-нибудь еще. Поэтому Джон Локк не принял европейские (континентальные) идеи о языке или о письменных и устных формах и не возводил их в ранг универсалий. Он унаследовал мысли Френсиса Бэкона и его единомышленников из Королевского общества, принял их дискурсивные практики, которые сегодня ассоциируются со схоластикой, а разговорные формы оставил беднякам, торговцам и женщинам, считающимся главными препятствиями для модерна. Многие формы языка (поэтические, риторические, рефлексивные и персуазивные) он считал враждебными концептуальному и политическому порядку. Эта редукционистская, атомистическая и индивидуалистическая концепция языка стала образцом, но не для коммуникации, а для рационального и социального мышления.

Задачей Локка и его последователей было формирование современной субъектности и субъектов, познающих истину и выражающих интересы человечества, истины и природы, а не свои собственные или какого-нибудь социально или территориально ограниченного сообщества.

Язык стал ключевым маркером в дихотомии локальное/глобальное или провинциальное/космополитическое. Поскольку все высказывания, как письменные, так и устные, должны были подвергаться пурификации, деконтекстуализации, уточнению и рационализации, каждый человек находился под постоянным наблюдением, в зависимости от того, насколько он воплощал в себе модель современного субъекта. Идеологическая чистота и языковой пуризм создали основу для широкого распространения социолингвистических гибридов. Являясь теоретиком образования, Локк создал модели для обучения индивидов тому, как использовать речь в тех или иных

¹ *Chakrabarty D.* Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for Indian Pasts? // *Representations*. 1992. Vol. 37; *Chatterjee P.* The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

ситуациях. Так как речевые формы были очень разнородными, стандартизация языка создавала формы и практики, которые становились образцами для привилегированных социальных категорий, а также гибриды, которые связывали чистые речевые формы с просвещенными социальными классами. В центр процесса гибридизации Локк ставил образование, потому что именно в нем создаются гибридные языковые формы и формы социолингвистического подчинения, которые определяют социальные отношения через ограничения доступа к образованию и создание механизмов контроля. Напомним, что женщины, даже принадлежащие к земельной аристократии, должны были получать только элементарное домашнее образование, тогда как мужчины, принадлежащие к элите, должны были изучать грамматику и становиться образцовыми языковыми моделями. Научно-языковые гибриды, возникающие в дискурсивных практиках, ассоциирующихся с механистической философией, становились моделями языкового, социального и политического порядка¹.

Век спустя, Иоганн Гердер возродил проект модерна, включив в него некоторые языковые конструкции, которые Локк хотел ликвидировать. Этот тип гибридизации, объединивший социальные категории, народ (*das Volk*) и языковую картографию в конце XVIII и в XIX вв. стал доминирующим. Затем братья Гримм овестьили эти намерения и поставили их изучение на научную основу, создав для германской нации национальный язык, словарь, грамматику, легенды и сказки, оправдав таким образом идеологию гибридизации.

В завершение этой научной парадигмы Франц Боас разработал средства пурификации и гибридизации языка в новых условиях модерна, рационализма и космополитизма. Традиция связи языка с природой, наукой, обществом и политикой продолжает выполнять ключевую роль в постмодерновых проектах и создании новых форм социального неравенства. И то, что сегодня кажется новым, часто имеет поразительные сходства с тем, что существовало ранее, иногда за несколько веков до нашего времени.

В целом, языковые идеологии составляют направление теоретических исследований и полезный инструмент анализа переплетений этнографических проблем с формами дискурса, который должен использоваться при изучении сложных языковых и дискурсивных явлений в ситуациях глобализации, деколонизации и всеобъемлющей трансформации современных языков и речевых сообществ².

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 298–300.*

² *Kroskrity P.V. Language ideologies: Evolving perspectives. URL: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives (дата обращения: 12.12.2023). P. 207.*

Сегодня языковые идеологии модерна представляют собой системы идей, которые обслуживали и продолжают обслуживать национальные государства и их институциональные придатки, такие, например, как образование, с целью установления или поддержания существующего политического режима. Они рассматривают языки как кодифицированные с помощью специальных языковых артефактов (словарей, грамматик и т.д.), имеющие собственные имена (английский, турецкий, арабский и т.д.), носители которых имеют четко определенные этноязыковые идентичности (Я являюсь носителем языка X, следовательно, я принадлежу к группе Y). Эти идеологии, содействующие поддержанию национального порядка, концентрируются вокруг двух основных идей: создания стандарта или нормы языкового поведения, общих для всех жителей национального государства, и отказа от гибридности или двусмысленности любой формы языкового поведения. Первая из этих двух тесно связанных идей является целью, достижению которой способствует вторая. Так, отказ от гибридности в любой форме (на письме или в произношении) подразумевается при выработке языкового стандарта. Стандартный язык представляется как норма и торгуется на рынке как правильная форма официального или национального языка. Он часто ассоциируется с правильными моральными ценностями своих носителей¹.

Поскольку языки рассматриваются как конечные сущности, ограниченные синтаксическими правилами и грамматиками, их использование может подвергаться оценке: некоторые носители языка могут оцениваться выше, чем другие. Так, в образовательных учреждениях разделение учеников по уровням владения стандартным языком или использования школьного варианта какого-либо языка оказывает сильное влияние на формирование идентичности.

С этим связано понятие индексации: любая языковая единица несет идеологическую нагрузку дополнительно к своему референциальному значению, кроме того, она обладает прагматическим или социальным значением, т.е. индексируемостью. Другими словами, любая единица языка, которую мы используем, потенциально может оцениваться по отношению к стандартной норме и сравниваться с другими, используемыми в том же социальном пространстве. Самым наглядным примером индексации является оценка акцентов, которая встроена в народный дискурс о языке (деревенский или столичный акценты). Так, акцент может оцениваться как «красивый», потому что он индексируется от стандартного в сторону престижности и определяет идентичность говорящего как «хорошо образованного». Индексирование является когнитивным цементом, который связывает

¹ Agha A. The social life of cultural value // *Language & Communication*. 2003. Vol. 23. P. 231–273.

использование языка с социальными понятиями, и это происходит с помощью институционально одобряемого оценочного дискурса. Это означает, что любой речевой акт включает в себя идентичностный аспект, и что индексация является показателем групповой принадлежности¹.

Что касается идентичности, самыми важными для нас являются три ее аспекта. Во-первых, она не является принадлежностью субъекта. Он строит ее в процессе социальной практики внутри пространства своей социализации. Во-вторых, идентичность не является монолитной: она включает ряд перформативных актов, происходящих в пространстве социализации субъекта. Поэтому правильнее было бы говорить об «идентичностях», а не об «идентичности», и эти идентичности являются конструктами, которые строятся на основе семиотических ресурсов, которыми субъект располагает в своем пространстве социализации. В-третьих, идентичности бывают собственными и аскриптивными (приписываемыми). Собственные идентичности — это самообразующиеся идентичности, с помощью которых субъект сам заявляет о своей принадлежности к определенной группе. И, наоборот, аскриптивные идентичности — это те, которые субъекту назначают другие на основе оценочных критериев, которые более или менее подходят для социально значимой категории (хороший ученик — плохой ученик).

Языковые идеологии модерна всегда опираются на индексированность и идентичности. Однако, согласно М.М. Бахтину, в любом стратифицированном городском сообществе связь между языковыми вариантами и идентичностями разных групп вовсе не такая прямолнейная, как это стараются представить языковые идеологии². Варианты индексируются по отношению к разным, часто противоположным символическим понятиям, относящимся к социальной, культурной или этнической сферам. Более того, языковые единицы могут использоваться не только для прямого выражения намерений субъекта, но и для индексирования идентичностной принадлежности как в своих собственных глазах (собственная идентичность), так и в глазах других (аскриптивная идентичность).

Поскольку языки и слова, из которых они состоят, несут идеологическую нагрузку, формирующаяся идентичность оценивается как «хорошая» (инсайдерская) или «плохая» (аутсайдерская). Это зависит от того, как хорошо или плохо субъект справляется со сложными задачами индексирования в своем индивидуальном пространстве

¹ *Spotti. M.* Modernist language ideologies, indexicalities and identities: Looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens // *Applied Linguistics Review*. 2011. Vol. 2. P. 29–50. P. 32.

² *Bakhtin M.* The dialogic imagination. Austin: University of Texas Press, 1981. P. 293.

социализации. Оценочный дискурс, который формирует идентичности, основывается на соблюдении или нарушении ситуативных языковых норм.

В течение последних десятилетий символом социалингвистики было многоязычие. Провозглашалось, что многоязычие и сохранение этноязыковых идентичностей, как правило, являются положительными явлениями. Социалингвисты рассматривали людей как носителей одного или более языков или языковых вариантов, а языки рассматривались как дискретные знаковые или языковые системы. Соответственно, их носители изучались в зависимости от того, на каком языке (варианте) они говорят или пишут, и с какой целью. В рамках этого подхода были выработаны такие понятия, как поддержка языков, языковая лояльность, смена языков, языковой репертуар, смерть языка и т.д.¹

На основе этих понятий социалингвистические исследования концентрировались вокруг использования миноритарных иммигрантских языков в иммигрантских домохозяйствах, поддерживая их использование как залог этноязыковой жизнеспособности иммигрантских групп. Некоторые варианты считались находящимися под угрозой, исходящей от официальных языков вследствие нарушения языковых прав. Это направление в социалингвистике провозглашало многоязычие как благо для иммигрантских сообществ и для сохранения их идентичности, а также для сохранения национального порядка.

Эти социалингвистические представления потерпели провал при контакте с реалиями многоязычия и формирования идентичностей. Этот провал имеет три причины. Во-первых, они не смогли снять напряженность между собственным языковым разнообразием иммигрантских сообществ и общей тенденцией приобщать иммигрантов к доминирующему сообществу через изучение мажоритарного языка, преимущественно в его школьном варианте. Во-вторых, они не учитывали, что институциональные идеологии гомогенности также являются неотъемлемой частью дискурса самих представителей иммигрантских меньшинств, когда речь идет об анализе идентичности, т.е. связи языка и этнической принадлежности. В-третьих, они не учитывали тот факт, что смешивание, гибридность и амбивалентность в использовании языка и конструировании идентичности являются эндемическим состоянием людей, живущих в (городской) глобализованной образовательной среде².

¹ *Fishman J., Ferguson Ch., Das Gupta J.* Language problems of developing nations. New York: Wiley, 1968.

² *Spotti M.* Modernist language ideologies, indexicalities and identities: Looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens // *Applied Linguistics Review*. 2011. Vol. 2. P. 29–50. P. 46.

Глава 1

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ ЭПОХИ МОДЕРНА

В триаде «языковая идеология → языковая политика → языковое строительство» целеполагающей является языковая идеология.

Языковые идеологии (language ideologies, linguistic ideologies, ideologies of language) — это убеждения, чувства и представления о языковых структурах и их использовании, которые часто связаны с политическими и экономическими интересами индивидуальных носителей, этнических и прочих групп и национальных государств. Эти концепции, либо эксплицитно формулируемые, либо встроенные в коммуникативную практику, представляют неудачные или частично удачные попытки рационализации использования языка. Такие рационализации обычно имеют разные формы, обусловлены контекстом и обязательно исходят из социально-культурного опыта носителей.

Все общества имеют языковые идеологии. Как маленькие традиционные общества, для которых характерна культурная и языковая однородность, так и многоязычные, мультиэтнические общества эпохи позднего капитализма используют языковые идеологии как в публичных, так и в межличностных отношениях. Идеологические представления о языках используются простыми членами языковых сообществ, официальными представителями и элитами, включая научные.

Все идеологии тесно связаны с социальной властью и работают на ее легитимность. Они укрепляют асимметричные отношения с властью и поддерживают доминирование одних групп над другими. Идеологии всегда являются инструментом или собственностью доминирующих социальных групп, а культурные концепции, принадлежащие оппозиционным или доминируемым группам, по определению лежат вне идеологии¹.

Языковые идеологии представляют собой сравнительно новую область исследований, зародившуюся в 1970-х гг. в североамериканской лингвистической антропологии, а сегодня являющуюся частью критического дискурсивного анализа, тесно связанного с изучением проблем власти и социального неравенства².

В последней четверти XX в. специалисты по лингвистической антропологии и смежным дисциплинам пришли к мнению, что языковая вариативность определяется распределением власти и ресурсов

¹ Thompson J.B. Studies in the theory of ideology. Cambridge: Polity Press, 1984. 347 p.

² Kroskrity P.V. Language Ideologies // Handbook of Pragmatics. 2010. Vol. 14. P. 1–24.

как на межличностном, так и на институциональном уровнях: между языком и речью находится социальная структура¹. Этнографы, социолингвисты и лингвистические антропологи изучали язык не как абстрактную структуру, но как материальную коммуникативную практику, осуществляемую в социальном контексте и создающим его в процессе использования.

Такой подход позволил сформулировать важнейший вопрос, стоящий перед социальной теорией в тот период: какова роль воли человека в определении социальных целей и всей своей жизни в противостоянии институциональным структурам? Вопрос воли был связан с участием доминируемых людей в воспроизводстве (или сопротивлении) собственного подчиненного положения. Для лингвистических антропологов вопрос воли имел две стороны: какова роль индивидуальной воли в выборе коммуникативных форм и какова роль этих коммуникативных практик в формировании социальных структур?²

Проблематика данной области исследований впервые была описана в книге «Языковые идеологии: практика и теория»³, ограничивающей ее областью лингвистической антропологии, но вскоре исследователи из других научных областей осознали, что теории и достижения в сфере языковых идеологий имеют большой потенциал применения в их собственных областях. С другой стороны, и сами языковые идеологии эффективно заимствуют теории и методы других наук.

Целью исследований по языковым идеологиям является изучение связей между такими, на первый взгляд разнородными, категориями, как язык, орфография, грамматика, с одной стороны, и нация, гендер, простота, интенциональность, аутентичность, знание, развитие, власть, с другой. Эти категории и связи между ними оказывают реальное влияние на социальную практику и в долгосрочной перспективе могут приводить к значительным общественно-политическим изменениям⁴.

¹ *Bernstein B.* Class, codes and control. Vol. 1 — Theoretical studies towards a sociology of language. London: Routledge & Kegan Paul, 1971. 238 p.

² *Woolard K.* Language ideology / ed. J. Stanlaw // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. John Wiley & Sons, 2021. P. 1; *Woolard K.* Language Ideology: Issues and Approaches // Pragmatics. 1989. Vol. 2 (3). P. 235–249.

³ *Schieffelin B.B., Woolard K.A., Kroskrity P.V.* Language Ideologies: Practice and Theory. Oxford University Press, 1998. 352 p.

⁴ *Milani T.M., Johnson S.* CDA and language ideology: Towards a reflexive approach to discourse data / eds. I.H. Warnke, J. Spitzmuller // Methoden der Diskurslinguistik Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene. Mouton de Gruyter, 2008. P. 373.

Так, например, исследования по языкам и языковой политике уже давно используют теории и результаты, полученные языковыми идеологиями, для объяснения и предсказания эффективности языковой политики.

Языковые идеологии существуют не только как ментальные конструкции, имеющие вербальную форму (идеи, представления, дискурсы), но они встроены в практики, предрасположения и в материальные феномены, такие как визуальные представления. Они составляют то, что Пьер Бурдьё называл габитусом, т.е. имплицитное знание и встроенную предрасположенность, которые записаны в человеке благодаря постоянной социальной практике¹. Языковые идеологии существуют также в форме институциональных механизмов и объективизированных представлений, которые определяют практики членов языковых сообществ, например, стратификации разных вариантов языка в школьном обучении, СМИ или языковом ландшафте.

Идеологии несут также моральную и политическую нагрузку, потому что что эксплицитно или имплицитно они представляют не только, каким является язык, но и то, каким он должен быть. Они поддерживают определенные языковые признаки или варианты, обладающие в некоторых обстоятельствах или для некоторых носителей большей ценностью, чем другие. Они могут превращать определенные языковые практики в символический капитал, который дает социальные и экономические преимущества и укрепляет социальное доминирование. Благодаря языковой идеологии языковой капитал доминирующей группы наделяется достоинствами, которые приписываются самому *языку*, а не исторической случайности, заставляя доминируемых носителей признавать высшую ценность за формой, которую они сами не могут контролировать.

Языковые идеологии касаются не только языка: они создают связь между языком и другими социальными явлениями, такими как идентичность (этническая, гендерная, расовая, национальная, локальная, возрастная, субкультурная), концепции личности, поведение человека, интеллект, эстетика и мораль и т.д. Даже если представления носят чисто лингвистический характер, например, в сфере формальной грамматики или классификации языковых семей, они подразумевают учет социальных отношений. Сам акт категоризации вариантов или диалектов одного языка или выбор одного варианта в качестве стандартного, подлежащего кодификации, придает легитимность границам между этническими и национальными группами и определяет властные отношения между ними. Дискретные языки

¹ Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 137–138.

являются итогом работы профессиональных лингвистов и их носителей, получаемым в результате непрерывного процесса дифференциации и консолидации, которые М.М. Бахтин называл центробежными и центростремительными силами языка.

Никого не обвиняя и никого не осуждая, языковые идеологии делают акцент на социальной природе всех представлений о языке и на их предвзятости. Во-первых, поскольку идеологии обусловлены социально, они отражают только часть реальности; во-вторых, такие точки зрения являются предвзятыми, поскольку они выражают интересы некоторых социальных акторов в ущерб другим. Связь между представлениями и социальными последствиями носит опосредованный характер и не всегда лежит на поверхности. Как подчеркивал Бурдьё, эти связи действуют в полях социальной и культурной деятельности, таких как образование, предпринимательство, юриспруденция, которые выражают интересы заинтересованных сторон в соответствии с исторической логикой каждого поля.

Основным постулатом данной области исследований является то, что идеологические представления о языке оказывают реальное воздействие как на языковые структуры, так и на социальные отношения. Языковые идеологии не просто пассивно связывают социальные структуры с языковыми формами; они рефлексивно формируют как социальные, так и языковые структуры, которые они представляют. Так, например, использование местоимения *he* в английском языке как слова общего рода стало считаться сексистским и дискриминационным, и это семантическое изменение повлияло на его употребление. Аналогичные явления происходят и в испанском языке, где гендерно маркированные этнонимы *Latino* (m) и *Latina* (f) стали заменяться на гендерно нейтральную письменную форму *Latin@* или небинарную форму *Latinx*. Это влечет за собой изменения системы обязательного гендерного маркирования существительных и прилагательных в испанском языке¹.

Идея, что языковые идеологии оказывают систематическое воздействие на языковые формы, оформилась в конце XX в. До этого лингвистические идеи считались вторичными и не оказывающими значительного влияния на автономные языковые структуры.

Хотя сегодня термины *language ideologies*, *linguistic ideologies*, *ideologies of language* считаются взаимозаменяемыми, каждый из них с 1980-х гг. прошел процесс семантического развития. *Language ideologies* появились в то же время и были направлены на изучение социального неравенства и доминирования главным образом при языковых контактах. Многие исследователи считают, что термин *language ideologies* является самым институционализированным и прескрип-

¹ Woolard K. Language ideology / ed. J. Stanlaw // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. John Wiley & Sons, 2021. P. 4.

тивным, потому что он определяет коллективные социально-политические идеи и действия по выбору языка. В этом концептуальном поле велись исследования по стандартным языкам. Language ideologies вписываются в неомарксистское направление политической экономики и изучают влияние политических и экономических интересов на язык, доминирование стандартных языков над нестандартными, мажоритарных над миноритарными и культурную власть некоторых социальных групп (этнических, классовых, гендерных) над другими.

Термин *linguistic ideology*, обозначающий комплекс идей о языке, составленный носителями для рационализации или оправдания сложившихся языковых структур и узусов, опирался на работы философа-семиотика Чарльза Пирса и труды Пражской школы функциональной лингвистики, в частности, Романа Якобсона.

Третье направление — *ideologies of language* — занималось критическим анализом научных лингвистических теорий. Основываясь на работах Мишеля Фуко, посвященных дискурсивным трансформациям в Европе XVI–XVII вв. и рассматривающих язык как систему естественных знаков, исследователи подходили к языку как к нейтральному инструменту, независимому от социального порядка.

Хотя в начальный период эти три направления исследований старались эмпирически поделить область исследований, в дальнейшем они стали перекрывать друг друга как по объектам исследования, так и по метаязыку, выработав общий понятийный аппарат.

Ключевым понятием языковой идеологии является социальная индексация (*indexality*). Индекс — это знак, значение которого отклоняется от экзистенциальной ассоциации с его объектом. Носители языка всегда ассоциируют особые языковые формы с определенными носителями или контекстами, в которых они реализуются. Таким образом, языковые формы индексируются по региональному или классовому происхождению, уважению к адресату, сексуальной ориентации, состоянию ума, индивидуальным отличиям и т.д.

Социолингвисты, занимающиеся языковым варьированием, связывают индексные отношения языковых форм с такими категориями социального анализа, как класс, гендер, раса и этничность. Благодаря этому можно описать огромное число социальных идентичностей при помощи социолингвистических переменных, таких как принадлежность к молодежной субкультуре, профессиональная квалификация, родственные отношения, а также более индивидуальные и частные межличностные взаимодействия. Социальные индексы не только предполагают и механически отражают существующие социальные статусы, но говорящие и слушающие сами создают их через свою интерпретацию знаковых ценностей¹.

¹ Woolard K. Language ideology / ed. J. Stanlaw // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. John Wiley & Sons, 2021. P. 7–8.

Социальная индексация языковых переменных имеет динамический и системный характер. Первый (или n -й) уровень социальной индексации языковых форм возникает, когда акторы интерпретируют свои высказывания и социально позиционируют их в соответствии со своими социальными задачами. На втором (или $n+1$ -м) уровне они пытаются логически объяснить социолингвистические ассоциации, которые возникли благодаря культурным шаблонам. По мере возникновения таких интерпретаций говорящие стараются использовать идеологически ценные формы, меняя стиль собственной речи для повышения ее качества или декларирования идентичности. Таким образом, используя индексацию в своих целях, говорящие создают второй уровень интерпретации на основе первого. Так, например, использование языковых вариантов местоимений второго лица, используемых для вежливых обращений во многих европейских языках (русс. вы, франц. vous, исп. usted и т.д.), на первом уровне воспринимается как показатель уважения к адресату. Но использование таких вежливых форм на втором уровне создает у говорящего мнение о своем собственном воспитании или социальном положении, противопоставляемым носителям языка, использующим только фамильярные формы обращений (соответственно ты, tu, tú)¹.

Такое же полезное применение индексация находит для объяснения различий между ситуативным и метафорическим переключением кодов. Двуязычные или двудиалектные носители обычно ассоциируют один из своих вариантов с формальным образованием и используют его в учебных заведениях: это ситуативный выбор на первом уровне индексации. На основе этой ассоциации первого уровня они могут использовать стандартный вариант для непринужденных бесед с одноклассниками вне класса, где обычно используется местный диалект. Такое использование стандартного варианта в неформальном общении повышает самооценку говорящего благодаря ассоциации этого варианта с образованием. Существуют переменные (языковые формы), которые Уильям Лабов назвал индикаторами, которые имеют устойчивые ассоциации с социальными категориями, такими как этническое происхождение или социальный класс, и действуют на первом уровне индексации. Когда член языкового сообщества использует подобные индикаторы в определенных ситуациях или стилях для создания определенного социального эффекта, они становятся стилистическими маркерами, по Лабову или индексам второго уровня, по Сильверштейну.

Семиотическим процессом второго уровня, позволяющим производить социальную типизацию **языков** и признаковую типизацию носителей, является регистрация (enregistrement). Регистрация ис-

¹ Silverstein M. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life // Language & Communication. 2003. Vol. 23. P. 193–229.

пользует наборы языковых признаков (типичных стилей) или регистров, ассоциируя их с типами носителей и типами речевых ситуаций в рамках данного набора вариантов языка. Зарегистрированные варианты могут использоваться для индексации более высоких порядков. Так, например, языковые формы, зарегистрированные в местном городском варианте языка, могут использоваться как символический городской бренд, фигурирующий на сувенирах для туристов. Индексированные понятия разных уровней вступают в конкуренцию между собой, и понятия высших уровней могут вытеснять понятия низших уровней. Таким образом, понятие уровня индексации позволяет социально и семиотически объяснить изменение языковых моделей под влиянием идеологических представлений.

Языковая вариативность и регистрация в языковой идеологии связаны с понятием хронотопа, сформулированным М.М. Бахтиным¹. Формы речи не просто соотносятся с типами носителей и социальными пространствами, но эти пространства и эти носители помещаются в изменяющиеся временные рамки. Понятие хронотопа важно потому, что он ограничивает типы признаков, которые могут использоваться, и степень самостоятельности, которой наделяются социальные акторы. Так, например, сельский «народ» характеризуется не только территориально (периферия), но также как отсталый и традиционный. Такие хронотопические рамки накладывают ограничения на те высказывания, которые горожане и космополиты могут и хотят слышать от сельских жителей. Фольклорные традиции ценятся именно потому, что они во временном отношении или хронотопически оторваны от современности. Отнесение некоторых местных вариантов к фольклорным языкам может защитить их от политических репрессий, потому что в таком статусе они не могут представлять опасность для существующей власти. Но в перспективе фольклоризация языка грозит опасностью его исчезновения (*language loss*)².

Ценность понятия хронотопа увеличивается и потому, что он не обязательно обращен только в прошлое. Так, положение латиносов (*Latino/as*) в США хронотопически оценивается в публичном дискурсе как положительно, так и отрицательно. Их реальное социальное присутствие в англоязычной Америке дискурсивно относится к будущему или вообще считается утопией в зависимости от того, перейдут ли все они на английский или испанский победит

¹ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

² *Cavanaugh J.* Living Memory: The Social Aesthetics of Language in a Northern Italian Town. Malden, MA: Wiley Blackwell, 2009. 272 p.

английский. В современном хронотопе испанофоны оцениваются как ориентированные в прошлое¹.

Концептуальное поле языковой идеологии началось с изучения проблем языковой и социальной дифференциации. Вторым центром изучения стали проблемы языковой власти, включающей как власть определенных языковых вариантов, так и языковые структуры политической и социальной власти. Согласно исследованиям П. Бурдьё, переоценка источников ценности доминирующих языков укрепляет существующий социальный порядок и согласие доминируемых языковых групп. Соглашаясь с позицией М. Фуко относительно всеобъемлющего присутствия власти во всех социальных отношениях, лингвистические антропологи показали, что не только доминируемые, но и доминирующие группы, а также индивиды во всех типах отношений сталкиваются с разными формами языковой власти.

В современных западных странах доминируют две главные идеологии, порождающие два вида языковой власти: анонимность и аутентичность.

Идеология анонимности представляет варианты языка как «голоса ниоткуда», которые могут принадлежать любому, потому что якобы они не принадлежат никому. Эта идея унаследована от идеалов эпохи Просвещения, когда языки считались нейтральными инструментами, прозрачными окнами в универсальную истину. Идея сформировалась в буржуазной среде европейских государств и США в XVI–XVII вв. Лингвистические антропологи считают, что эта форма власти, опирающаяся на социолингвистические критерии, сохраняется как в языковой идеологии, так и в языковых практиках.

Идеология аутентичности, напротив, представляет варианты языка как голос конкретных носителей, проживающих в конкретных населенных пунктах. Аутентичность придает большее значение социальному индексированию (кто говорит), чем ссылкам на анонимные привилегии (что сказано). Восходящая к эпохе Романтизма, идеология аутентичности признает ценность за языковыми формами, выражающими сущность группы или индивида и дающими доступ к истине, характерной для данного социального опыта. Говорение на чем-либо «собственном» языке является гарантией такой истины, как это рассматривается в протестантской религии и в большинстве языковых национализмов. Романтический подход уводит нас от вопроса об общей природе языка к вопросу о природе отдельных языков.

Как анонимность, так и аутентичность связаны с западноевропейской традицией и идеологией языкового натурализма, которая

¹ Woolard K. Bernardo De Aldrete and the Morisco Problem: A Study in Early Modern Spanish Language Ideology // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44 (3). P. 446–480.

маргинализует историчность и человеческую волю в пользу подхода к языку как к «естественному» и не зависящему от человеческой воли.

Однако среди источников языковой власти находятся не только модерновые западные языковые идеологии. Идеологическими основами многих языков, начиная с эпохи раннего модерна в Европе, были священное происхождение и ритуальная власть. Так, противники вариативности современного арабского языка настаивают на его священном происхождении, несовместимом с языковой модернизацией. Священный языковой знак не является произвольным, поэтому языковые инновации вызывают негативное отношение. Носители священного языка являются его хранителями, а не общими собственниками, и не имеют права изменять что-либо из-за его божественного происхождения¹.

Современные науки о языке являются наследницами обеих идеологий, просвещенческой анонимности и романтической аутентичности, к которым добавились сосюрровский структурализм и картезианская формальная лингвистика в лице Н. Хомского. Дискретные языки, которые мы изучаем, сегодня признаются не естественными образованиями, но историческими артефактами, существующими в рамках современных языковых практик. Унитарные языки, которые позиционируются как естественные образования, являются результатом постоянных идеологических и институциональных репрессий против языковой вариативности. Эти репрессии способствовали созданию национальных государств и появлению профессиональных лингвистических дисциплин, легитимность которых основывается на различных предметах изучения и на особых методах.

В эпоху глобализма и неолиберализма появились новые идеологии, в частности, постмодернизм, практически вытеснивший натуралистический органицизм и приведший к внедрению лингвистической эклектики во многие области исследований.

Широкое распространение получила идеология коммодификации языка (превращения языка в товар). Язык превратился в товар в ранний период развития капитализма, что прекрасно показал Б. Шоу в пьесе «Пигмалион». Сегодня лексикографы, создающие коммерческие словари, рекламные копирайтеры, преподаватели, адвокаты зарабатывают деньги, продавая свои языковые компетенции. Язык не перестал быть товаром, но в эпоху неолиберализма изменились масштабы и стиль торговли им на глобальном рынке. Благодаря технократическому менеджменту работники на рынке

¹ Woolard K. Language ideology / ed. J. Stanlaw // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. John Wiley & Sons, 2021. P. 13.

труда превратились в анонимные «наборы навыков», необходимые для производства прибавочной стоимости¹.

Заключения о политической принадлежности языковых форм и постулаты языковой идеологии не выводятся непосредственно из языковых практик или социальных структур, но должны вписываться в логику культурного и социального полей, в которых они функционируют в данный исторический момент. Это замечание применимо также к пуристскому дискурсу, который порицает влияние других языков на то, что считается исконной и аутентичной формой языка. Языковой пуризм обычно считается формой социального пуризма, который борется с этническими интервенциями и устанавливает этноязыковые границы между языками и языковыми группами. Но практика показывает, что пуристский дискурс часто используется членами языковых сообществ против членов своих же сообществ в борьбе за контроль над культурными и материальными ресурсами. Так, пуризм Испанской королевской академии, на первый взгляд, кажется направленным против англоязычного империализма. Но при ближайшем рассмотрении он оказывается осуществляемым в интересах одного сегмента испаноязычного языкового сообщества — европейских испанских элит — против других сегментов, впервые очередь двуязычных испанофонов в США, которые покидают языковое сообщество, стигматизируя свой язык².

Применения пуристского дискурса в разных ситуациях могут приводить к неожиданным и незапланированным результатам. Так, последние носители мексикано — автохтонного языка коренного населения Мексики — являются самыми ярыми адептами пуризма в надежде избежать исчезновения языка, видя в нем средство защиты и помеху колеблющимся носителям использовать альтернативные языки. Однако пуризм ведет к сужению языковых ресурсов и лишению языка целых регистров, особенно разговорных, которые оцениваются носителями и экспертами как испорченные. Но эти потери не были запланированной целью пуризма.

Важным источником языковых идеологий являются новостные СМИ, потому что новостной дискурс воспроизводит язык и идеологии, уже циркулирующие в обществе. Журналисты стараются адаптировать языковые нормы к потребностям своей целевой аудитории. Закрепление этих норм в газетном дискурсе ставит читателей в определенные идеологические рамки. Новостные СМИ воспроизводят языковые идеологии двумя способами: во-первых, они явля-

¹ *Urciuoli B.* Skills and Selves in the New Workplace // *American Ethnologist*. 2008. Vol. 35 (2). P. 211–228.

² *Zentella A.C.* Spanglish / eds. D.R. Vargas, L. La Fountain-Stokes, N.R. Mirabal // *Keywords for Latina/o Studies*. New York: New York University Press, 2017. P. 209–211.

ются местом, где публичные фигуры прямо или косвенно обсуждают идеи в своих интервью, статьях и новостных репортажах, во-вторых, как письменные тексты они навязывают определенную идеологию орфографии, синтаксиса и узуса¹.

Языковые идеологии образуют металингвистическое знание, которое говорящие используют для того, чтобы представлять себя как особую группу людей в определенных ситуациях, а слушатели — чтобы определять и оценивать социальные характеристики говорящих. Говорящие и слушатели зависят от языковых идеологий для конструирования и определения речевых ситуаций и для установления того, какие языки и языковые варианты уместны в данных ситуациях.

Анализ языковых идеологий обычно начинается с вычленения из них идей и представлений, которые оправдывают, объясняют или рационализируют языковые структуры и узусы. Идеологии позволяют произвести концептуальную организацию языковых вариантов, в частности, с целью отличия одних индивидов и групп индивидов от других и для интерпретации сходств между индивидами и группами индивидов. Критическая концепция языковых идеологий не только эффективно объединяет лингвистический и социальный анализ, но также позволяет изучать проблемы, связанные с потенциалом языка для участия в процессах маргинализации².

Языковые идеологии, как правило, используются для построения норм и маркеров, которые позволяют, при наличии вариативности, определять, какой из речевых вариантов является правильным. Идеологические представления относительно правильности одного варианта по сравнению с другими служат основанием для проведения стандартизации языков и существования стандартных языков. Внутри определенного языкового сообщества идеи, связанные со стандартным языком, создают предпосылки для социальной дискриминации на основе языка. Носители стандартного языка часто разделяют представления о том, что стандартный язык обладает точностью, ясностью и логичностью.

Языковые идеологии часто выдаются за формы здравого смысла, которые рационализируют и оправдывают формы и функции текстов и речевых высказываний.

Кроме того, что эти идеологии создаются и развиваются внутри языковых сообществ, их распространение провоцирует негативное

¹ *DiGiacomo S.M.* Language ideological debates in an Olympic city: Barcelona 1992–1996 / ed. J. Blommaert // *Language Ideological Debates*. Mouton de Gruyter, 1999. P. 105.

² *Rosa J.D., Burdick C.* Language ideologies / eds. O. Garcia, N. Flores, M. Spotti // *The Oxford Handbook of Language and Society*. New York: Oxford Univ. Press, 2016. P. 117.

отношение к ненормированным формам языка. Сторонники стандартных вариантов часто ссылаются на социальные и экономические выгоды, связанные с их использованием, а отклонение от стандартной нормы свидетельствует о моральных или социальных недостатках носителей нестандартных вариантов.

Социальная оценка индивидов связана с тем, как слушатели оценивают многочисленные языковые формы, используемые говорящим. Если языковые формы отклоняются от стандарта, говорящий ставится на более низкое место в релевантной языковой иерархии, потому что он считается менее образованным или умным.

1.1. ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Особую роль в дискриминации по языку играет система образования. Социализация ребенка происходит в ходе начального и среднего образования, когда ребенок изучает устную и письменную формы стандартного варианта языка, которыми редко кто владеет от рождения. У тех, кто с трудом достигает эти цели, возникают проблемы с дальнейшим прохождением образовательной траектории.

Проблема в том, что моноязычный габитус, доминирующий в обязательном государственном образовании, всегда борется с языковым разнообразием, и часто его главной целью является подавление миноритарных автохтонных языков. Ученики-мигранты также часто оказываются в неблагоприятных языковых условиях обучения. Методы обучения, применяемые в обычных школах, оказываются менее эффективными для детей мигрантов, чем для детей коренного населения, поэтому сдача стандартных тестов представляет для них большую проблему.

Так, например, в США штаты с большой долей миноритарных этнических групп являются центрами дебатов по вопросам двуязычия и двудиалектности. В 1900-х гг. дебаты велись вокруг разговорного варианта английского (Ebonics), используемого черным населением, сегодня их объектом стали учащиеся-латиносы со вторым испанским языком, обучение которых требует дополнительной финансовой и инфраструктурной поддержки. В американских школах они подвергаются тройной сегрегации: по расе, по социально-экономическому статусу и по языку¹.

Борьба за равенство всех людей и против эксплицитных или имплицитных представлений о том, что один человек имеет большую ценность, чем другой, должны распространяться и на любые практики дискриминации по языку, являющиеся проявлениями подавля-

¹ *Hernandez S.J.* Are they all language learners? Educational labeling and raciolinguistic identifying in a California middle school dual language program // *Catesol Journal*. 2017. Vol. 29 (1). P. 135.

ющих идеологических систем. Доминирующий нарратив о том, что некоторые виды использования языка в письменной или устной форме для альтернативной или расширенной коммуникации имеют большую ценность, чем другие, не имеет лингвистического смысла. Понятия престиж языка или стигматизация какого-либо языка возникли не из-за существования объективных различий, а из-за определенных социально-исторических условий, в которых используются и развиваются языки.

Лингвисты не поддерживают точку зрения, что все должны пользоваться стандартным языком, а те, кто им не пользуется, должны быть наказаны. Идеология стандартного языка устанавливает иерархические отношения между языками и вариантами одного языка, внушая носителям мысль о том, что одни варианты ценнее других. Это является формой дискриминации по языку, которая тесно связана с дискриминацией по этническому происхождению, гендеру, классу, месту происхождения и т.д.

Справедливость и равенство в отношении использования языков осуществляются как на уровне межличностного взаимодействия, так и на уровнях формального образования и более широких институциональных ситуаций. Люди, пользующиеся относительными социальными и институциональными привилегиями, должны использовать их для достижения изменений¹.

На индивидуальном уровне они должны:

- отбросить надежду на то, что все другие должны использовать виды речи, обладающие институциональной/социальной силой (стандартные варианты);

- анализировать предубеждения относительно использования («стандартного») языка: как языковая дискриминация усиливает другие типы дискриминации;

- думать о том, как дать отпор при встрече с комментариями и поведением, усиливающими дискриминацию.

В учебных заведениях и при разработке учебных планов:

- предусматривать разные способы использования языка в процессе обучения, а не только в письменной форме. Иметь в виду, что язык является одним из аспектов равенства и инклюзии;

- признавать варианты стандартного языка образовательным контентом. Учителя должны отдельно оценивать компетенции в этом варианте, являющемся маркером идентичности учеников. Ученики могут потребовать большей поддержки в изучении этого варианта;

¹ Statement about Standard Language Ideology and Equity among Languages. URL: <https://lsa.umich.edu/linguistics/about-us/values-statement/standard-language-ideology-statement.html> (дата обращения: 28.10.2023).

— при возможности предоставлять ученикам возможность демонстрировать владение контентом на варианте языка, наиболее комфортном для них;

— при обучении письму учитывать цели обучения и рассматривать владение письменным стилем как обязательную часть обучения;

— при определении целей и задач пересмотреть роль «профессионализации». Уважительное отношение к ученикам является необходимой частью обучения, но многие нормы профессионального поведения и применение этих норм к ученикам ассоциируют моральное превосходство с определенными видами существ (белый, мужчина, цисгендер и т.д.).

На административном уровне:

— обеспечивать, чтобы языковое варьирование включалось в парадигму взглядов учебного заведения на языковое разнообразие и равенство;

— следить за тем, как результаты языкового тестирования учитываются при поступлении: не подвергаются ли перспективные ученики эксклюзии из-за языка?

1.2. ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО И НАУКА В XVII ВЕКЕ

Эпистемологический поворот, произошедший благодаря экспериментальному подходу к механистической философии, воплощен в работах Роберта Бойля (1627–1691) и Томаса Гоббса (1588–1679). Бойль первым, а вслед за ним Гоббс, определили науку и общество как разные сферы, каждая из которых имеет свой собственный набор принципов функционирования. В трактате «Левиафан» (1651), опираясь на философию механики и геометрии, Гоббс заявил, что вывел принципы, которые лежат в основе движения человеческих тел, из политических отношений¹.

Продолжая идеи Френсиса Бэкона, Гоббс утверждал, что знание должно облекаться в простую, описательную непретенциозную прозу, соответствующую вежливому общению. Дискуссии в Королевском обществе, в которых участвовали его члены и их гости, представлялись им как образец беспристрастной и обезличенной беседы, исключающей раздраженность, беспорядок или конфликтность. Этот метадискурсивный стиль стал доминирующим в научных кругах, вытеснив все другие практики, включая схоластическое восхваление интертекстуальности и диалога, а также гоббсовскую неэкспериментальную и дедуктивную натурфилософию. Эта модель вежливого общения была возведена протестантскими джентльменами в статус социальной и коммуникативной нормы. Они пытались контроли-

¹ *Hobbes T. The Leviathan. Create Space Independent Publishing Platform, 2011. (I, 531).*

ровать язык, сводя его роль к пурификации науки и созданию надежной основы для современного знания¹.

Хотя этот дискурс зародился под сенью Королевского общества, принятие языка Королевским обществом проходило с большими трудностями. Бэкон утверждал, что фундаментальный недостаток слов и понятий коренится в их неполноценности по сравнению с научными наблюдениями и математическими моделями как средствами представления «природы вещей». Пренебрежение языком и авторитетом текстов со стороны Королевского общества объясняется его девизом «Nullius in verba». Риторика больше не считалась помощницей разума, как у Бэкона, но стала его врагом.

Для группы, которая хотела явно дистанцироваться от языка, публикации Королевского общества слишком фокусировались на нем, потому что его члены старались продемонстрировать свою полезность королю и обществу. Комитет по улучшению английского языка (Committee for Improving the English Tongue) желал показать, что натурфилософия может стать основой для решения проблем, которые язык ставит перед социальным, политическим и экономическим порядком. Джон Уилкинс, который был назначен председателем этого комитета, был одним из столпов новой науки в Англии. Он считал язык одним из двух всеобщих проклятий, наложенных на человечество после изгнания из рая. На Уилкинса также была возложена задача сформулировать четыре базовых принципа для философского языка, который был бы не только универсальным, но включал бы маркеры, надежно связанные с природой вещей, компенсируя природное несовершенство языка. Свои идеи он изложил в эссе, в котором восхвалял «универсальные преимущества» искусственного языка не только для натурфилософии, но и для разрешения религиозных конфликтов, расширения торговли между народами и укрепления социального и политического порядка².

Дискуссия между членами Королевского общества требует уточнения роли языка в возникновении модерна. Они рассматривали модернизированный язык с двух сторон: 1) как центральную проблему порядка, знания, науки и политики; 2) как порождающий глубокое недоверие среди элит, стремящихся соответствовать проекту модерна. Предложения по сведению речи и письма к «простым и понятным словам», возникновение антириторической риторики и причудливого идеала искусственного универсального языка породили набор прагматических принципов для деконтекстуализации и деисторизации дискурса для того, чтобы высказывания отделялись от социальных,

¹ *Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth century England. Chicago: University of Chicago Press, 1995.*

² *Wilkins J. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language. London: Scolar Press, 1968.*

политических и исторических условий их создания. Они выдавали свои пристрастные попытки очистить язык от его социальных основ за создание более эффективных гибридов слов и вещей, выдвигая еще больше обвинений против языка за его социальный характер. По их мнению, дорога к модерну лежала в обход языка, соединяя ум непосредственно с природой. Однако приемы, используемые для пурификации отношений между природой и обществом, автоматически и неизбежно не ведут к формированию современных взглядов на язык¹.

Переход слова из звуковой формы в письменную обычно ассоциируется с Великим разрывом, который обозначил исторический перелом между прошлым и настоящим, и остается по сей день центральным моментом в понимании модернизации, образуя точку отсчета не только для начала модерна, но и для футуристических построений новой эпохи, например, относительно будущего цифровых технологий. Одной из интеллектуальных областей, на которые повлияло распространение печатной культуры, стали исследования эпистемологических и социальных последствий печатной культуры, истории книги, авторства и авторитетов. Именно в XVI–XVII вв. утвердился современная концепция авторства, а «авторское слово» приобрело авторитет².

Распространение печатной культуры привело к тому, что печатное слово, особенно книга, приобрело авторитет и ценность, основанные на том, что они несли *знание*, ориентированное на определенные коммерческие и классовые интересы, выражаемые некоторыми производственными и потребительскими структурами. Этот процесс исторически совпал с наступлением эры модерна, сопровождавшегося возникновением меркантильного (или печатного) капитализма, формированием класса буржуазии, распространением натуралистического мировоззрения как основы научной эпистемологии. Поскольку печатная культура несла на себе налет конкуренции разных партий, каждая из которых имела свои экономические и политические интересы, а также четкое социальное и институциональное позиционирование, она была не просто «культурой» в нейтральном смысле этого слова, а идеологией.

1.2.1. Френсис Бэкон и научное недоверие к языку

Непосредственным предшественником Локка в области лингвистической философии можно считать Френсиса Бэкона (1561–1626), изложившего свои взгляды на язык в труде «Новый органон» (1620),

¹ Baumann R., Briggs C.L. *Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge University Press, 2003. P. 26–29.

² Woodmansee M., Jaszi P. *The Construction of Authorship: Textual Appropriation in Law and Literature*. Durham: Duke University Press, 1994. 472 p.

в противовес «Органону» Аристотеля. Он же сформулировал знаменитый афоризм «Знание — сила» (*Scientia potentia est*).

Нужно отметить, что Бэкон не внес непосредственного вклада в современную концепцию языка, что объясняется его приверженностью теории языка как автономной области, отделенной от вещей и социальных отношений. Он считал, что язык, по крайней мере в его естественном состоянии, не может быть частью проекта модерна. Его вклад в модернизацию языка сводится к представлению языка как самого большого препятствия для модерна и прогресса. Он не только пробудил предубеждение будущих поколений против антимодерновых характеристик языка, но и убедил многих натурфилософов в том, что единственный выход кроется в создании философской грамматики и универсального языка — искусственного кода, который сможет избежать недостатков своего естественного прототипа.

Бэкон придерживался точки зрения, что знание создается через чувства. Однако он не переоценивал значимость чувственного опыта, заявляя, что чувство само по себе есть вещь немощная и ошибочная¹. Чувства образуют «кривое зеркало», потому что индивидуальный характер, воспитание и социальные взаимодействия искажают природу вещей.

Излагая свой новый способ получения знания, Бэкон отказывался от использования логики как средства обобщения чувственных данных. Он особенно возражал против использования силлогизмов: «Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова — это лишь текущие символы или знаки популярных представлений о вещах»². Поскольку чувственные данные подвержены искажениям, они являются основным источником авторитарного знания и нуждаются в совершенствовании. С другой стороны, слова также являются ненадежным инструментом и могут только исказить знание, а не способствовать его приросту.

По Бэкону, естественный язык не может быть изолирован внутри своей автономной области, потому что он глубоко связан с самыми проблемными идолами рынка, которые владеют умами людей. Вместо того, чтобы быть верными слугами понимания, слова мешают разуму и блокируют усилия по приведению мыслей и наблюдений в большее соответствие с природой. «Жонглирование словами и их очарование» омрачают разум, давая имена несуществующим вещам или внося путаницу в плохо определенные отношения между вещами. Даже когда они не искажают реальность, слова неэффективны как инструмент познания мира, потому что «тонкость природы гораздо больше, чем тонкость слов»³.

¹ Bacon F. *Novum Organum*. Bottom of the Hill Publishing, 2012. P. 58.

² Ibid. P. 411.

³ Ibid.

Критика Бэконом языка основана на его сильном чувстве классового антагонизма. Принадлежность к социально-политической элите английского общества (должности канцлера, генерального прокурора и т.д.) не только заставляла его кодифицировать понятия о вещах как «народные» или «вульгарные», но и считать их препятствием для прогресса в философии и науке для «более острого интеллекта». Красной нитью через «Новый органон» проходит идея, что знание получает свою значимость через эксперименты и чувственные данные, а не через дедукцию, диалог или дебаты. Бэкон не пытается разорвать связи между языком и природой. В то же самое время, когда он представляет язык как самую большую опасность для дела пурификации, главной задачи в деле отделения природы и науки от общества, он полагает, что единственной надеждой в борьбе с этим мощным источником эпистемологического беспорядка является преобразование слов в непосредственные продолжения природы вещей.

Взгляды Бэкона на язык носят глубоко социальный характер: язык состоит из слов и речевых единиц большего объема, и все они формируются в процессе социального взаимодействия. Эта социальная природа составляет суть бэконовской концепции языка. Он уделяет особое внимание способности языка изменять общество в направлении, несовместимом с монархическим строем, ярким защитником которого он являлся, особенно, когда Палата общин выходила из повиновения королю Якову I. Бэкон считал, что речь изначально склонна к разнузданности и заговорам и был главным надсмотрщиком короля над публичным дискурсом в Палате общин, судах, в гражданской сфере и церкви. Как генеральный прокурор он расследовал много дел об уголовных наказаниях за недозволенные слова¹.

Все вышесказанное не означает, что Бэкон не внес никакого вклада в модернизацию языка. Напротив, он указал на целый ряд направлений, которые позднее позволили сделать из языка угловой камень модерна.

Во-первых, своими нападка на риторику он предсказал модернистские взгляды на язык. Благодаря ему в начале XVII в. риторика была сведена к чистому украшательству. Бэкон понизил ее значимость, поставив на привилегированное место систематическое наблюдение и эксперимент. Хотя он признавал практическую ценность риторики, особенно в гражданских делах, он сыграл ключевую роль в эпистемологическом превращении риторики в маргинальную зону, ассоциировавшуюся с фантазией, остроумием и воображением, поскольку считал, что риторика и воображение несовместимы с *разумом*.

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 22.*

Во-вторых, Бэкон постарался свести функции речи к референциальной, считая ее нейтральным средством передачи информации. В отличие от него Р. Якобсон, например, считал, что кроме референциальной функции, язык может использоваться для привлечения внимания говорящего, пишущего или адресата к форме сообщения (поэтическая функция), к элементам языкового кода, для установления акустического или психологического контакта между ними¹. Бэкон же ограничился определением языка только в рамках референциальной функции.

В-третьих, придавая повышенную значимость референциальности языка, Бэкон отрицал его рефлексивность. Язык неизбежно рефлексивен, поскольку воплощает в себе те дискурсивные свойства, которые он стремится регулировать. Как утверждал Жак Деррида, мы можем утверждать, что язык постоянно генерирует профицит или избыточность, обеспечивая ряд сообщений о языковом поведении, благодаря как собственным текстовым признакам, так и референциально закодированным утверждениям². Тогда цель получения деконтекстуализованного, надежного и универсального знания о мире не может быть полностью отделена от общества, потому что язык бессознательно содержит комментарии о себе самом и о своем социальном окружении, используя такие языковые признаки, как формы времен и наклонений, а также дейктики (местоимения, указательные прилагательные и т.д.). Когда авторы комментируют свои тексты или рассказывают о них читателям, тексты становятся эксплицитно рефлексивными, потому что нарративы о мире несут отпечатки языковых и социальных процессов, в которых они создаются.

Бэкон предвосхитил современные практики строительства и регулирования языков, предположив, что для того, чтобы удержаться в новом порядке, порожденном наукой, язык должен отказаться от собственной рефлексивности и стремиться привлекать внимание к природе, а не к себе. Дискурсу можно доверять, только если он состоит из «простых и понятных» слов. Он считал, что такой упрощенный язык будет максимально функциональным, экономичным и ясным, свободным от конфликтов значений. Такая позиция несет на себе отпечаток королевской языковой идеологии, которая помещала в себе божественное языковое право с моделью королевской речи как наследницы ясности, существовавшей до вавилонского смешения языков. Этот призыв к простоте, который Локк использовал с совершенно другой теоретической целью, стал одним из принципов языкового модерна. Свою собственную речь, состоящую из «простых и понятных» слов, Бэкон считал образцом пурифицированного языка,

¹ *Jacobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics / ed. T.A. Sebeok // Style in Language. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.*

² *Derrida J. De la grammatologie. Paris: Les Editions de Minuit, 1967. P. 17–23.*

представляющего меньшую опасность для модернизации и прогресса. Таким образом, Бэкон начал преобразования не только содержания языковых идеологий и практик, но и тех понятий и социальных баз, в которых они возникают и получают легитимность¹.

Самые радикальные предложения Бэкона по ликвидации разрыва между словами и вещами сводятся к созданию искусственного корпуса знаков, производных от природы вещей и отражающих естественные законы и отношения рационально и просто. После этого универсальный язык станет логической моделью натурфилософии, средством контроля воображения и инструментом сохранения политического, т.е. монархического, порядка. В другом своем сочинении (1638) Бэкон сформулировал предложения по созданию искусственного языка, основанного на реальных знаках, понятных для носителей разных языков и связанных между собой логической грамматикой². Однако практическую реализацию своих моделей Бэкон оставил другим, в частности, членам Королевского общества.

В свете сочинений Бэкона язык рассматривался как главное препятствие для развития натурфилософии, знания и модерна. Его искусственный язык, даже если он был создан под влиянием политических и религиозных разногласий, не был ограничен автономной областью, но был непосредственно связан с природой и обществом, т.е. с властью монарха указывать, чья речь является авторитетной, чья дозволенной, а чья запретной. Желая очистить язык от разного рода гибридов, угрожавших королевской власти, Бэкон рассматривал язык как конструкт, тесно связанный с вещами и обществом, и как объект всеобъемлющей кампании по пурификации. В его лице язык имел самого ярого и последовательного врага, пока не появился его спаситель — Джон Локк.

1.2.2. От Френсиса Бэкона к Джону Локку

Изучение истории модерна невозможно без работ мыслителей XVII в., начало которым положил Френсис Бэкон, который без ложной скромности назвал свое основное сочинение «Новый органон», противопоставленное аристотелевскому «Органону» и направленное на ниспровержение «античной философии» и того, как она изучалась в колледжах и университетах того времени³.

Создавая социальную и философскую базу для научного экспериментирования, Бэкон считал, что природа прячет или маскирует некоторые свои свойства. Эксперименты призваны изолировать такие свойства и заставить природу открывать свои секреты, а роль чувств

¹ Bacon F. *Novum Organum*. Bottom of the Hill Publishing, 2012. P. 92.

² Bacon F. *De augmentis scientiarum*. Cambridge University Press, 2011. P. 413–414.

³ Bacon F. *Novum Organum*. Bottom of the Hill Publishing, 2012.

ограничена интерпретацией результатов экспериментов. Бэкон приветствовал технологический прогресс и научное знание, которые должны составить базу для утопического патриархального и рационального общества, пользующегося доминированием над природой, которое оно потеряло после изгнания из рая: «человеческая раса возвращает себе власть над природой, которая принадлежит ей по божественному завету»¹. Современные ученые-феминистки называют эпистемологию Бэкона «сексуализированной картографией», имея в виду, что она основана на доминировании мужчин над природой и над женщинами².

Возможно, в глубине души Бэкон не был до конца модернистом, но он сыграл огромную роль в претворении в жизнь идеологии модерна. По его инициативе было создано Королевское общество, изучавшее природу в любых видах, причем идеи Бэкона имели явную технологическую и промышленную ориентацию и были направлены на конкретные материальные выгоды для людей. Он стал настоящим пропагандистом будущего развития науки и новых способов получения знания.

Что касается современной концепции языка, Бэкон был ограничен точкой зрения, отделявшей язык от вещей и социальных отношений. Поэтому он считал, что язык, по крайней мере в его естественном (природном) состоянии, не может быть частью проекта модерна и является самым большим препятствием для прогресса и модернизации. Связывая языковой беспорядок с политическими угрозами для роялистского режима, Бэкон предлагал будущим поколениям единственную альтернативу — создание философской грамматики и универсального языка, т.е. искусственного кода, избавленного от пороков естественного языка.

На смену Бэкону пришел Локк, идеи которого по многим вопросам кардинально отличались от идей его предшественника.

В своих работах Локк выполнил важную миссию — сделал язык краеугольным камнем модерна. Первая редакция его «*Essay Concerning Human Understanding*» появилась в 1671 г. и была написана под сильным влиянием его друзей из Королевского общества, прежде всего, Исаака Ньютона и Роберта Бойля, чьи работы он высоко ценил³.

Первоначальный нарратив Локка относительно языка дискурсивно позиционировал его среди ученых, скептически относящихся к ценности языка, но затем он сумел создать ему положительный публичный образ через использование «вежливого дискурса». В от-

¹ Bacon F. *Novum Organum*. Bottom of the Hill Publishing, 2012. P. 115.

² Keller E.F. *Reflections on Gender and Science*. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.

³ Locke J. *An Essay Concerning Humane Understanding*. Penguin Classics, 1998.

личие от предшественников, исключавших язык из модерна, он риторически не только интегрировал его в модерн, но и отвел ему центральное место. Локк добился легитимности своего проекта, связав его с доминирующим нарративом Англии XVII в. — истории индивида мужского пола, философа или исследователя, который ощущает себя окруженным беспорядком и неопределенностью. Для выхода из этой ситуации он возложил на себя миссию создания модели нового языкового порядка и призвал своих читателей распространять его или, по крайней мере, признавать его легитимность. В число своих читателей он включал не только своих друзей из Королевского общества, но и всех просвещенных людей, готовых бороться с беспорядком и незнанием.

В рамках этой миссии Локк создал воображаемое пространство, порвав с собственным историческим и письменным опытом, изложенным в работах по эпистемологии и языку, сосредоточившись на природе вещей, а не на своих отношениях с другими текстами и писателями. В «Послании к читателю» он писал, что его точка зрения основана на глубочайшем убеждении, что несовершенство языка довело философию до такой степени деградации, которая делала невозможным прогресс знания и непригодным использование языка в воспитанном обществе и для вежливого общения¹.

Хотя Локк сознавал масштаб поставленной перед собой задачи, он сумел предложить блестящие и оригинальные решения. Если необходимо спасти язык, он должен функционировать как другие «авторитетные» формы знания. Он считал, что ценность языка для приобретения знания кроется в том, что он фундаментально отличается от других средств, используемых для познания природы. Поэтому реформирование языка должно строиться с учетом его особой природы, а не подгонкой его под механистическую философию. Он также заявил, что язык может и должен быть отделен от общества, а пурификация языка от связей с определенными социальными интересами и от различий между разными людьми является его главной задачей. Вопреки позиции других членов Королевского общества, Локк утверждал, что язык является надежным инструментом познания или может стать таковым, а его пресловутые опасности происходят из-за появления гибридов, от попыток скрестить язык с природой и обществом.

1.2.3. Джон Локк и его миссия

Пуристские практики, которые лежат в основе эссе Локка, направлены на разрыв прямых связей языка с вещами или социальными формами: это должно позволить рационально организовать язык, при-

¹ *Locke J. An Essay Concerning Humane Understanding. Penguin Classics, 1998. P. 14.*

годный для использования в публичной сфере. Как ни парадоксально, Локк сам создал гибридную триаду «язык — природа — общество», которая признавала естественную природу власти и неравенства как последствия разных языковых способностей.

Амбиции автора «Эссе» и модернизаторов языка в целом простирались гораздо дальше изменения языковых идеологий, закрепленных в прецедентных текстах. Локк хотел создать новый режим, который требовал бы от каждого человека в любых обстоятельствах следить за набором своих языковых средств. Человек, который добровольно подчиняется такому режиму, получает право контролировать речь других, создавать модели языковой точности и постоянства и отмечать ошибки своих коллег. Таким образом, Локк создал эффективный набор пуристских практик, создавших новую форму государственного управления, метадискурсивный режим, основанный на убеждениях, видящих задачу языка в регулировании языковых конфликтов и наделении некоторых форм устной и письменной речи авторитетом, что делает другие формы речи объектами стигматизации и эксклюзии.

Поскольку этот режим выводится непосредственно из собственных свойств языка, он становится мощным инструментом признания естественными возникающих форм социального неравенства. Локк рассматривал свою языковую программу как прочную основу для формирования экономических, религиозных, научных и политических принципов, которые должны быть усвоены людьми, желающими приобрести современную субъектность.

Многие мысли Локка быстро стали положениями здравого смысла, даже для тех людей, которые не согласны с его политической программой. Сегодня существует целое направление лингвистических исследований, центром которых является работа по пурификации языка — локковская лингвистика¹.

Как часть обширного проекта модернизации переход от устных форм к письменным и печатным потребовал такой же работы по пурификации, которых требовали схемы Большого разрыва. Уже в XVIII в. это привело к формированию двух противопоставляемых типологических категорий — «естественного языка» (*language of nature*) и «договорного языка» (*language of compact*), которые отражали фундаментальное противопоставление природы обществу, которое лежит в основе эпистемологии модерна².

Естественный язык для филологов XVIII в. — это был язык поэзии, унаследованный от поэтических форм прошлого и сохранившийся до настоящего времени в виде устных традиций. Связь с устной тра-

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 32.*

² *Wood R. The Ruins of Balbec, Otherwise Heliopolis in Coelosyria. Farnborough: Gregg International Publishers, 1971 [1775]. 28 p.*

дицией использовалась для диагностики степени модернизации. Следование устной традиции стало маркером поэтики премодерна, характерной для Других в современном обществе. Оно ассоциировалось с плохим образованием, деревенским происхождением, бедностью, женским полом. Эта поэтика Других, противопоставляемых модернистам, стала поводом для двух гибридных процессов: культурного релятивизма и вернакуляризации. Культурный релятивизм был связан с герменевтической ориентацией на литературу экзотических Других, гомеровских греков, древних евреев и американских индейцев. Он делает чужие миры соизмеримыми, давая измерительный стандарт, общие рамки для соотнесения культур, позволяя эпистемологический переход от одной культуры к другой. Этот филологический мостик делает экзотических Других, их литературы и культуры доступными и понятными для западных читателей благодаря переводам. Вернакуляризация, в противоположность культурному релятивизму, подразумевает переосмысление своих местных Других при помощи двух процессов: *literization* — в результате которого местные языки признаются в качестве письменных форм, и *literarization* — в ходе которого устные традиционные формы, создаваемые на местных языках и диалектах, приравниваются к «литературе», которая должна культивироваться, сохраняться и распространяться. Вернакуляризация, как, впрочем, и релятивизм, соединяет провинциальное, разобщенное, локальное и периферийное, с космополитическим и универсальным¹. Наследие Просвещения и просветителей способствовало появлению как языкового космополитизма, преодолевшего частности времени и места, так и вернакуляризации, поднявшей статус автохтонных и традиционных форм. Ключевым элементом модерна было интеллектуальное вмешательство в устную традицию, поставленную на службу таких разнородных интересов, как колониализм, национальное освобождение, этнические чистки, рационализация систем образования и формирование научных дисциплин.

Во втором из своих «*Two Treatises of Government*» Джон Локк сформулировал понятия гражданского общества, индивидуальных прав человека и управления, которыми современные общества пользуются по сей день². Его теория общественного договора ясно показывает, что общество есть результат человеческих действий. Он был членом Королевского общества и сотрудничал с ведущими учеными в установлении господства механистической философии. В то же время он имел собственные представления о социальных задачах науки и считал себя «неполноценным работником, который должен немного расчистить землю и убрать часть мусора, который лежит

¹ Pollock S. Cosmopolitan and Vernacular in History // *Public Culture*. 2000. Vol. 12 (3). P. 591–625.

² Locke J. *Two Treatises of Government*. Cambridge University Press, 1988.

на пути к знаниям» по сравнению с такими вершинами в мире знаний, как Бойль, Гюйгенс и Ньютон¹. Локк выделял три «большие провинции» в интеллектуальном мире, отличающиеся друг от друга: вещи, действия и знаки. Первым двум из этих больших провинций в современной науке соответствуют области, которые относятся к естественно-научным и социальным. А знаки (язык) Локк выделял в отдельную провинцию и рьяно защищал ее границы против смешивания с природой и обществом. Его идеи о пурификации (purification) языка, положившие начало языковому пуризму, были направлены на отделение языка от науки и общества, и он рассматривал две последние области отдельно. Поскольку лингвистические идеи того времени были основаны на ложных концепциях относительно происхождения языка, хотя и разделялись ученым сообществом, язык не мог служить надежной основой для механистической философии, делая научный прогресс и коммуникацию между учеными практически невозможными².

В период гражданской войны в Англии Локк считал, что отношения между языком и обществом, гибридная область, которую мы сегодня называем дискурсом, являются главной причиной социальных беспорядков, религиозного раскола и политических конфликтов. Считая образование необходимым условием для достижения языком точности, он писал, что женщины, бедняки и крестьяне настолько поглощены конкретными, местными проблемами, что они мало нуждаются в образовании. Он сделал языковые формы, которым отдавал предпочтение, маркерами социального статуса и хранителями механизмов, предоставляющих право участвовать в политической жизни или говорить в политической сфере.

Современная наука во многом преодолела историческую обусловленность взглядов Локка. Так, Мишель Фуко считал, что языковой опыт имеет ту же историческую природу, что и познание вещей и природы; тем не менее выделение отдельной области языка в XVII в., кроме того, что это давало инструмент для создания науки и общества, было движущей силой развития современного знания.

Возникновение в XVIII в. классической филологии было связано с философией Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), которая дискурсивно озаменовала наступление эры модерна, рассматривающий язык как гибридное образование, имеющее как естественную, так и социальную природу, но все в большей степени подвергающееся социальной эволюции.

¹ *Locke J.* An Essay Concerning Humane Understanding. Vol. I. MDCXC, Based on the 2nd Edition, Books I. and II (of 4). URL: <https://www.gutenberg.org/files/10615/10615-h/10615-h.htm> (дата обращения: 06.11.2023).

² *Baumann R., Briggs C.L.* Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 25.

Бруно Латур в исследованиях по философии науки, посвященных противоречиям модерна, показал, что модерн обязан своим происхождением не столько научному мышлению, сколько разделению и обособлению таких сфер культуры, как наука и общество¹. С одной стороны, наука мыслилась не как социальный продукт, а как продукт сферы природы, существующий вне человека. С другой стороны, мыслители Просвещения рассматривали общество как результат деятельности человека. По Латуру, идеологические, социальные и политические источники модерна обусловили два противоречия в отношениях между обществом и наукой. Обе сферы постоянно пересекались и порождали гибридные формы, в которых социальные характеристики сливались с научными или технологическими. Как воздушный насос стал выдающимся рычагом социального развития в XVII в., так ядерное оружие, мобильные телефоны и прочие технологические достижения XX в. породили мощные социальные сдвиги. Когда процессы гибридизации связали научные и социальные формы с политической, экономической и социальной властью, идеи пурификации перестали поддерживать иллюзию самостоятельности этих областей.

Понятия чистоты (*purity*) и гибридности (*hybridity*), широко употребляемые в разных лингвистических контекстах, нуждаются в некотором уточнении. Как эпистемологический конструкт, применяемый к формам культуры, гибридность представляет собой метафору, заимствованную из таксономической биологии: гибридный потомок является разнородной смесью релевантных признаков, унаследованных от однородных (чистых) родительских форм. Что касается классификационной чистоты, она также является эпистемологическим конструктом, и каждая «чистая» форма в той или иной степени может считаться гибридной.

Тем не менее пурификация языка остается отдельной областью, работу в которой выполняют лингвисты, например, Ноам Хомский, преподаватели языков и современные языковые пуристы, например, американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии Уильям Сафир².

Таким образом, история модерна показывает, что язык является результатом как пурификации, так и гибридизации, что делает из него мощнейшее средство структурирования социальных отношений. С одной стороны, он похож на науку и на общество — тем, что все эти три области постоянно подвергаются пурификации и гибриди-

¹ *Latour B. We Have Never Been Modern / trans. by Catherine Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.*

² *Silverstein M. Monoglot «Standard» in America: Standardization and Metaphors of Linguistic Hegemony / eds. D. Brenneis, R.H.S. Macauley // The Matrix of Language. Boulder: Westview, 1996. P. 284–306.*

зации. С другой стороны, он отличается от этих двух областей. Тогда как пурификация и гибридизация сделали общество и науку почти всесильными, они же достигли успеха в строительстве языка и управления дискурсивными практиками, но только теми, которые считаются достойными внимания лингвистов и преподавателей языков.

В отличие от Б. Латура, М. Фуко придерживался другой эпистемологической ориентации: учитывая развитие лингвистической мысли в XVI–XVII вв., когда считалось, что слова и вещи неразрывно связаны между собой, он придерживался мысли, что язык образует отдельную эпистемологическую область, являющуюся частью классической эпистемы¹. Фуко считал, что «языковой опыт принадлежит к той же археологической сети, что знание о вещах и о природе»². В центре анализа, проделанного Фуко, лежит утверждение, что в классический период существовал единый подход к языку как к нейтральному, репрезентативному и автономному объекту. Однако большинство человеческих языков не являются ни транспарентными, ни нейтральными, ни репрезентативными, ни автономными. Сама идея о единой унифицированной концепции языка в классической эпистеме подрывает смысл работы по пурификации и гибридизации, которую Локк считал необходимой для расширения возможностей власти и укрепления социального неравенства.

1.2.4. Учение Локка о знаках

Квинтэссенцией мыслей Локка о языке как неотъемлемой части проекта модерна является заключительная фраза его «Эссе»: «Ибо человек не может заниматься мыслями ни о чем, кроме как о созерцании самих вещей для открытия истины, или о вещах в себе самом, которые являются его собственными действиями для достижения его собственных целей; или о знаках, которые разум использует как в одном, так и в другом случае, и о правильном упорядочении их для более ясного познания. Все эти три понятия, а именно: вещи, поскольку они сами по себе познаваемы; действия, поскольку они зависят от нас, чтобы стать счастливыми; и правильное употребление знаков для познания, будучи *toto coelo* различными, они казались мне тремя великими провинциями интеллектуального мира, совершенно отдельными и отличными одна от другой»³.

¹ Мазуркевич А. От эпистемы к эпистеме. «Археологический подход» Мишеля Фуко. URL: <https://concepture.club/post/filosofskie-koncepcii-istoricheskogo-processa/statja-5-ot-epistemy-k-episteme-arheologicheskij-podhod-mishelja-fuko> (дата обращения: 06.11.2023).

² Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Psychology Press, 2002. P. 41.

³ Locke J. *An Essay Concerning Humane Understanding*. Penguin Classics, 1998. P. xxi.

Заявив о новой структуре мира модерна, в котором язык имеет такую же важность, как и природа/наука и общество/политика, наделенные автономностью, Локк сформулировал свое учение о знаках, которые ум использует для постижения вещей или передачи своих знаний другим. Он начал с того, чтобы попытаться заставить слова непосредственно обозначать вещи в умах людей. Он утверждал, что мы никогда не сможем познать внутреннюю структуру вещей, которую он называл «настоящие сущности»; распространенное мнение о том, что слова обозначают «реальность вещей», соответственно, ошибочно. Выстраивая свою теорию об условных и произвольных ассоциациях между словами и идеями, Локк различал слова, которые используются для выражения простых идей, и общие слова. Простые идеи являются результатами ощущений. Их значение определяется чувственным опытом, а не с помощью языка. Хотя язык более пассивно ведет себя при формировании простых идей, он не только просто отражает вещи или ощущения. Простая идея яблока абстрагируется от множества конкретных яблок; в процессе образования понятия происходит отбор информации из имеющегося ряда чувственных впечатлений. Даже в таком экстремальном случае модерна теория языка отделяет слова от вещей, особенно от единичных объектов.

Большинство слов являются общими терминами, которые создаются в уме путем комбинирования некоторого числа простых идей. Поскольку язык свободен в способах комбинирования простых идей, которые в природе не ассоциируются друг с другом, он неизбежно отбирает некоторые сенсорные характеристики и отбрасывает остальные. Эта концепция позволила Локку использовать теорию Бэкона о приоритетности чувственных данных и в то же время утверждать, что они играют совершенно другую роль в языке, чем в познании «самих вещей». Она также стала эпистемологическим обоснованием его тезиса об автономности языка от природы и механистической философии. Язык может очищаться только с учетом способов, которыми слова абстрагируются от внешнего мира, а не с ростом знаний о физических свойствах вещей или законов, управляющих ими. Локковская идея о произвольности языкового знака основана на представлении о том, что идеи в уме не связаны с вещами непосредственно, а являются мощным средством утверждения главенства современного знания, признающего автономию языка и природы. Хотя проект Локка по пурификации языка дискредитировал преобладавшие взгляды на природу вещей, он внес большой вклад в эпистемологию модерна.

Экспериментальный характер современной науки не позволял Локку поднять язык до привилегированного статуса, каким пользовалась механистическая философия. Для того чтобы стать частью

модерна и создать пурифицированный язык, способный стать инструментом укрепления социального неравенства, язык должен был стать экспериментальной наукой. Отделение слов от вещей, абстрагирование, деконтекстуализация и генерализация в языке дали Локку возможность претендовать на такой же статус языка, что и для механистической философии, декларировать автономию языка и его чистоту¹. Пурификация языка была направлена на создание метадискурсивных практик и техник для его контроля и изменения с целью отделить речь от условий ее порождения и восприятия и от конкретных вещей. Это вполне соответствовало космополитической точке зрения, которая считала язык свободным от всякой связи с конкретными обстоятельствами и местными проблемами.

Локк сделал важный шаг на пути к решению проблемы конфликта между языком и природой, но встроенность языка в общество была серьезным препятствием для признания легитимности языка. Отделение языка от общества требовало по-другому определить язык с тем, чтобы его встроенность в общество стала периферийной, патологической и устранимой, в то время как пурифицированный язык мог бы подняться до статуса привилегированной формы порождения знания.

Взгляды Локка в этом отношении были близки к позиции Томаса Гоббса (1588–1679), писавшего о «злоупотреблениях словами», имея в виду семантическое непостоянство и метафорические употребления². Гоббс утверждал, что различия в нашем восприятии слов обусловлены «настойкой из различных наших страстей». Поэтому слова, из которых строится наша речь, имеют значения, зависящие от происхождения, расположенности и интересов говорящего. Гоббс считал противоречия между страстями и разумом основной проблемой своей номиналистской политической лингвистики. Для Локка центральной проблемой исследования были «обман и злоупотребление словами». Он приравнивал использование одного слова в нескольких значениях и изменения, обусловленные контекстом, к обману и рыночному мошенничеству.

Локк полагал, что усилия по отделению языка от общества и природы должны способствовать процессу деконтекстуализации. Поскольку слова эксплицитно связаны с отдельными носителями, писателями, слушателями и читателями, с условиями порождения и восприятия и с другими социальными условиями, работа по пурификации языка не может начаться. Раз язык строится из ощущений индивидуального ума, Локк считал основным препятствием «сво-

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 35.*

² *Hobbes T. The Leviathan. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2011.*

бодный выбор ума» при создании знаков. Для того чтобы обеспечить передачу точных значений слов, они должны идентично использоваться производителем и адресатом сообщения. По Локку, сохранение одно-однозначного соответствия между звуком и понятием является обязательным условием коммуникации.

Дискурсивные практики, развиваемые членами Королевского общества, формировали модель вежливой беседы джентльменов. Вежливая речь была приемлемой в обществе благодаря незаинтересованному поведению автора и его свободы от ограничений или от необходимости подчиняться воле других индивидов. Разрешение кому-нибудь вставлять в свои работы цитаты из других авторов или текстов не только снижало доверие к ним, но также ставило автора в низшее положение в классовой иерархии. Аналогично индивидуальные или общеупотребительные метафоры и интертекстуальность приравнивались к «заимствованному богатству» и «фальшивым деньгам», которые не могли использоваться для расчетов и способствовать приросту богатства. Хотя Локк много времени и усилий посвятил борьбе с интертекстуальностью, записи в его записных книжках полны цитатами из книг других писателей, идеями которых он широко пользовался. Создается впечатление, что работа по пурификации сводилась к тому, чтобы сделать интертекстуальные пассажи незаметными, тщательно деконтекстуализируя чужие тексты от их связи с другими текстами¹.

Не только гибридизация языка из-за интертекстуальности представляла опасность для общества: главным традиционно являлось противопоставление между современной субъективностью (включая природу/науку и общество) и языком. Получение современного знания как продукта индивидуальной рефлексии человека над индивидуальными объектами, которая позволяла получать универсальное, абстрактное и общее знание, которое могло передаваться с помощью печатных текстов космополитическим современным субъектам, противоречило традиции, которую Локк представлял себе как интертекстуальную цепочку свидетельств, каждое последующее звено которой находится все дальше от эмпирической основы истинного знания.

1.2.5. Языковые реформы, социальное неравенство и общественный порядок

Хотя Локк пытался отделить язык от общества, его модель встраивала язык и работу по его пурификации в социальную практику, создавая гибриды, которые маркировали множество форм социального неравенства. Тогда как одни люди придерживались чистой и модер-

¹ *Laslett P. Introduction / ed. P. Laslett // Two Treatises of Government by John Locke. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 87.*

новой стороны языка, другие поддавались «обману и злоупотреблению словами». Создавая свою программу реформирования языка, Локк надеялся, что ее реализация будет способствовать увеличению социальной пропасти, существующей между этими категориями.

Локк утверждал, что язык по-разному функционирует в гражданской и философской сферах. В гражданской сфере слова служат для поддержания обычного общения и торговли, для обычных дел и удобств гражданской жизни. В философской сфере они используются для выражения точного содержания понятий и предложений, передающих точные и несомненные истины. Он считал, что требования семантической точности и постоянства более строгие в философской области, тогда как «вульгарные понятия соответствуют вульгарным дискурсам... Торговцы и влюбленные, повара и портные пользуются словами, пригодными для выполнения своих обычных дел»¹. Положительно оценивая процессы стабилизации и строгого разграничения значений, Локк считал полезным их распространение на обычные разговоры и повседневные дела, хотя и сомневался, что простые люди извлекут непосредственную пользу из языковой реформы. Задача пурификации языка и разрыва его связей с природой и обществом возлагалась на элиту и должна была проводиться в интересах элиты. Локк совершенно искренне считал, что если элита получит значительные выгоды от этого мероприятия, интересы других классов можно оставить без внимания.

Его концепция понимания и языка стала прочным когнитивным и лингвистическим основанием для учения о естественных правах. Каждый человек рождается со способностями и возможностями, которые позволяют ему развивать свое понимание и повышать точность своего языка. Однако не каждый мужчина или каждая женщина имеют желание и возможности, необходимые для длительного процесса языковой рефлексии. Социальный класс, профессия и гендер создают большие различия в способности людей к рассуждению, пониманию и в языковых компетенциях². Считая, что классовые различия накладывают отпечаток на тело человека, Локк обосновывал различие между физическим трудом и умственной деятельностью тем, что большая часть человечества способна только на элементарные формы разума, которые сводятся к простым и конкретным действиям.

Философы, искатели истины и джентльмены должны развивать свою способность к пониманию, рациональному мышлению и языковые навыки. Значение гендера и социального класса не подлежит

¹ *Locke J. An Essay Concerning Humane Understanding. Penguin Classics, 1998. (III. xi.10).*

² *Locke J. The Reasonableness of Christianity, as Delivered in the Scriptures. Clarendon Press, 2000.*

сомнению: Локк отмечает, что женщины, так же, как и мужчины, занимающиеся только повседневными проблемами, могут развивать свои языковые навыки только заучиванием наизусть, тогда как джентльмены и философы могут в совершенстве владеть грамматикой и совершенствовать свой стиль. При подъеме по социальной лестнице, как по классу, так и по рангу, сознательный подход к языковым структурам и их использованию становится не только возможным, но и все более необходимым. Развитие мыслительных способностей и точности выражения определяются профессиональным опытом и наличием свободного времени: крестьяне не имеют времени для размышлений о точности языковых средств. Локк подчеркивал, что социальный класс отпечатывается на теле человека и еще более на его языке. Он призывал к языковой самодисциплине, потому что человек, который «использует слова без ясных и четких значений, вводит себя и других в заблуждение и может рассматриваться как враг правды и знания»¹. Проповедуя языковую самодисциплину, Локк подразумевал, что в процессе пурификации языка индивиды имеют право дисциплинировать других: совместные усилия сделают слова более ясными и гарантируют, что люди понимают их одинаково. Лингвистически просвещенные люди должны также играть важную роль в языковом образовании детей с целью предупредить неправильную связь идей в умах молодежи. Языковой контроль становится главной задачей программы обучения языку, а пурификация языка становится гегемонией².

В трактате «Некоторые мысли о воспитании» (1693) Локк заявляет, что самое большое внимание должно уделяться воспитанию джентльменов. Можно сказать, что он предвосхитил появление теории образования, когда заявил, что предоставление языковых преимуществ элитам в конечном итоге обеспечит прямые преимущества даже наименее обеспеченным слоям населения³. Задача пурификации языка и тем самым перехода к модерну была возложена на элиты, которые сделали из него средство воспроизводства своего социального, политического и экономического капитала. Естественно, женщины, бедные, сельские жители и неевропейцы исключались из этих практик, требующих участия в процессах воспроизводства. Язык стал ключевым инструментом создания новых форм эксклюзии и признания интеллектуальной и моральной неполноценности женщин, бедняков, селян и неевропейцев. Пурификация языка привела к созданию гибридов языка и общества, которые продолжают

¹ *Locke J. An Essay Concerning Humane Understanding*. Penguin Classics, 1998. (III. xi.24).

² *Ibid.*

³ *Locke J. Some Thoughts Concerning Education and of the Conduct of the Understanding*. Hackett Publishing Company, Inc., 1996.

играть важную роль в создании и поддержке социального неравенства и эксклюзии. Неравный доступ к образовательным ресурсам в зависимости от класса, расы, гендера и иммиграционного статуса все сильнее проявляется во всем современном мире, а первым, кто привлек к нему внимание, был Локк¹.

Предложенная Локком модель вежливого разговора дискурсивно ассоциировалась с джентльменами. Носители языка тесно связывались с образом джентльмена — самостоятельного, свободного, бескорыстного и ни от кого не зависящего. Речь джентльмена представлялась Королевским обществом как образец научного дискурса. В это же время Бойль и его сторонники старались изменить разговорные практики и социальную предрасположенность джентльмена, направляя их от рыцарской модели, стремящейся к получению удовольствия, к благочестию, протестантству и рационализму.

Локк определил три направления гегемонии рационального элитного языка. Во-первых, он считал его не только средством устранения недостатков в процессе коммуникации, но и воплощением истины и разума. Во-вторых, видел в нем не только модель для языка науки, но и для языка гражданского общества в целом, т.е. коммуникативный и социальный стандарт. В-третьих, поскольку женщины, бедные, земледельцы и Другие не могут надеяться на развитие своих языковых навыков до уровня джентльмена, язык становится инструментом системной индивидуальной и социальной оценки человека в зависимости от языковой точности, словаря, социальных качеств речи, рациональности и независимости.

Провозглашая необходимость стандартизации языка, Локк сделал его мощным инструментом организации социального неравенства, когда речь человека оценивается по соответствию норме, установленной принадлежащими к элите мужчинами, тогда как все остальные заведомо обречены на провал. Джентльмен может стремиться к пурифицированной речи, все остальные могут порождать только гибридные формы, которые он считал «обманом и злоупотреблением словами». Принадлежность к определенному социальному классу и гендеру сужает доступ к практикам, которые дают возможность носителям овладеть стандартным кодом, поэтому индивидуальная речь индексирует и легитимизирует его или ее в социальной структуре. Признание вредоносного характера языковых гибридов и их роли в возникновении социального неравенства, дожившие до наших дней, свидетельствуют о зловещем гении Локка.

Рациональная вежливая речь, предлагаемая Бойлем и другими членами Королевского общества, напрямую связывалась с общественным порядком, потому что она должна была обеспечивать

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 44.*

консенсус и сводить различия в мнениях к дружеским разногласиям. При построении модели связей гражданского рационального дискурса с социальной гармонией Локк переоценивал роль языка в создании социального порядка. Он изменил статус своего учения о знаках с «опасности для науки и общества» до «признака научного и джентльменского поведения», мощного источника знания и силы общественного порядка.

Результаты пурификации языка послужили основой для определения границ человеческого знания. В Англии эпохи Реставрации экспериментальные достижения механистической философии давали надежду перейти из сферы дискуссий в сферу фактов. Программа Локка давала два дополнительных инструмента для достижения этой цели: во-первых, он утверждал, что многие дискуссии реально ведутся не о вещах, а о неопределимых расхождениях в определениях слов; только пурификация и стандартизация языка, а не эксперимент, могут ликвидировать этот источник недовольства и беспорядка. Во-вторых, необходимо определить границы познаваемого, поскольку выход за их пределы является главным источником интеллектуального и социального беспорядка.

Для того чтобы контролировать эти процессы, Локк предполагал создать дискурсивную элиту, арбитров эпистемологического и социального порядка, к которой в первую очередь он относил себя самого. Для того чтобы призвать к дисциплине других, он включил в свое «Эссе» самоучитель для тех, кто стремится к языковому самоусовершенствованию¹. В то время, когда джентльмены должны были изучать латынь, а студенты греческий, он считал единственно достойным для передачи мыслей английский язык, порицая учителей, которые обучали риторике и логике на латыни и на греческом.

Схемы пурификации и гибридизации, предложенные Локком, глубоко укоренились в социальных практиках модерна и постмодерна. Доступ к образованию открывает некоторым людям возможность создавать символический капитал, оцениваемый другими. Сегодня еще сильнее, чем три века тому назад, проявляются вопиющие неравенства внутри учебных заведений (системы оценивания), между учебными заведениями (особенно связанные с расовой сегрегацией) и между системами образования (особенно в мультирасовых сообществах). Эти неравенства заменили бинарную схему инклюзии или эксклюзии в образовании, создав систему, которая дает множество вариантов отношений престижных и стигматизированных социально-языковых гибридов. Стандартизация языка создала педагогику, основанную на критике ошибок и классификации людей по их речи. В схеме Локка язык имеет двойное значение: как инструмент, определяющий принадлежность к модерну и регулирующий доступ

¹ *Locke J. An Essay Concerning Humane Understanding. Penguin Classics, 1998.*

к нему, и как показатель вхождения в другие социальные поля, в частности, образующий собственную провинцию знания.

1.2.6. Иоганн Готфрид Гердер: язык, поэзия и Volk

В XVIII в. немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) исследовал связи поэзии и культуры на протяжении всей истории человечества. Он основывался на глубоких связях между языком, поэзией и историей, а его концепция устной традиции стала основой преемственности культуры и признания аффективной силы значащих форм. Гердер был наследником британской филологической традиции, но его собственным интеллектуальным достижением было включение идей его предшественников в метадискурсивную теорию культуры, общества и истории, синтез которых давал мощный импульс проекту модерна на протяжении более двух веков. Гердер создал концепцию традиции как основы народной литературы и национальной идентичности, основываясь на том, что устная передача служила мостиком литературной преемственности между старинными песнями бардов и современной устной поэзией в процессе формирования национального эпоса. По Гердеру, поэтическая, коллективная, чувствительная, пропитанная национальным духом традиция, всегда подвергающаяся давлению в мире модерна, требует поддержки интеллектуалов ради здоровья нации.

В центре философского проекта Гердера, а также у вдохновлявшихся им филологов, находилась развитая идеология языка. Для того чтобы понять суть его теории, необходимо рассмотреть интеллектуальный контекст, в котором эта идеология формировалась. В XVIII в. немецкая интеллектуальная жизнь характеризовалась большим интересом к языку. В значительной степени это объяснялось последствиями Тридцатилетней войны (1618–1648), военное и политическое поражение в которой породило у немцев чувство культурной неполноценности по сравнению с блестящей Францией. Одним из проявлений этого культурного кризиса было глубокое беспокойство по поводу способности немецкого языка использоваться для литературы, философии и других форм интеллектуального творчества. Положительным было то, что это беспокойство не ограничивалось только пассивным недовольством, но сопровождалось решительным намерением исправить ситуацию¹.

Толчок для начала работы по реформированию и воссозданию немецкого языка был дан Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716), который составил программу по развитию языка в патриотических целях, что было необходимо для возрождения гордости за свое отечество, и Христианом Томазиусом (1655–1728), для которого

¹ *Blackall E.* The Emergence of German as a Literary Language, 1700–1775. Ithaca: Cornell University Press, 1978. P. 1–2.

развитие немецкого было продолжением идей Просвещения, которые требовали освобождения от устаревших габитусов мысли, отделения ученого мира от повседневной жизни и отказа от латыни в интеллектуальной коммуникации. Работа по реформированию языка базировалась на «Германских обществах», объединявших интеллектуалов из среднего класса, связанных с университетами (священники, учителя, профессора, студенты). Программа реформирования включала много пунктов, которые сводились к двум главным направлениям: 1) природа языка и его роль в формировании немецкой культуры, 2) отношения языка и литературы с национальной идентичностью.

Проблемы происхождения и развития языка широко обсуждались в середине — второй половине XVIII в. не только в Германии, но и во Франции и в Англии, поэтому отношения между языками и литературными формами формулировались в универсальных терминах. В дебатах участвовали, с одной стороны, сторонники латыни и французского, как языков, превосходящих немецкий для использования в литературе, и, с другой стороны, сторонники местных диалектов немецкого, как единственных носителей для аутентичной немецкой литературы. Первые превозносили французскую классическую драму как литературный стандарт, а вторые — немецкие диалекты в качестве литературного языка.

Гердер вступил в эту дискуссию публикацией эссе «О происхождении языка» (1772), получившего приз на конкурсе Берлинской академии и хорошо известного филологам и историкам лингвистики¹. Эссе начиналось с провокационного утверждения: «Еще оставаясь животным, человек уже обладает языком». Из текста становится ясно, что тот язык, которым мы обязаны своей животной природе, представляет собой один из видов языка, но еще не человеческий язык. Этот язык, который мы делим с животными как разумные существа среди других разумных существ, состоит из криков, звуков, стонов, диких невнятных рычаний, которые являются реакциями на сильные ощущения тела. Этот «язык ощущений», несомненно, обладает коммуникативной силой, но настоящий человеческий язык, по Гердеру, связан с особыми человеческими способностями, которые отличают нас от других животных. Эти способности он назвал рефлексией (нем. *Besonnenheit*), которая стала одним из основных понятий его философии. В понятии рефлексии Гердер отказался от разделения способностей (разума, эмоций, воли и т.д.), на которых строилась кантовская философия, преодолев, таким образом, антиномию Канта. Рефлексию он считал отличительным признаком человеческого рода, так же, как и язык: «Человек, находящийся в состоянии рефлексии, которая ему свойственна, благодаря этой рефлексии впервые получил

¹ Herder, J.G., von. *Treatise on the Origin of Language // Philosophical Writings*. Cambridge University Press, 2002. P. 65–164.

полную свободу действий и изобрел язык»¹. Важно подчеркнуть, что язык не является абстрактным набором звуков, отражавших реакции на природу. Для Гердера он был средством контактов, социальным инструментом, немислимым без диалога и коммуникации с другими. По его мнению, грамматика является надстройкой над языком, и чем более примитивным является язык, тем меньше в нем грамматики, а самые старые языки представляют собой просто словари. Примитивные языки имеют много синонимов, потому что в них еще не развиты общие категории, для которых необходима способность к абстракции. Говоря о силах и механизмах развития языка, Гердер сформулировал ряд «естественных законов», объектами которых являются индивиды, социальное взаимодействие и нация, т.е. народ (Volk).

Первый естественный закон формулируется так: «Человек — свободно мыслящее и деятельное существо, чьи силы действуют непрерывно, по этой причине он создание языка»². Движущей силой развития является способность к рефлексии: самые рефлексивные мысли появляются в процессе познания мира, и самые развитые языки стали такими благодаря человеческому опыту. Более совершенное мышление ведет к лучшему говорению, так постепенно реализуется человеческий потенциал.

Второй естественный закон формулировался так: «Человек по своей судьбе — существо стадное, т.е. общественное, и непрерывное развитие его языка является естественным, важным и необходимым для него»³. Социальное развитие языка происходит, прежде всего, в семье, где знание языка разделяется между супругами и передается детям, что создает долгосрочный кумулятивный эффект. Как инструмент социального взаимодействия оно является частью естественной сущности языка и обязательным условием его непрерывной эволюции.

Переходя от индивидов к языковому взаимодействию малых групп, а от них к социальным единицам большего масштаба, т.е. нациям, Гердер сформулировал третий⁴ естественный закон: «Как невозможно было, чтобы весь род человеческий оставался одним стадом, так он не может оставаться ограниченным одним языком. В результате развились разные национальные языки»⁵. Таким

¹ Herder J.G. *Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 5. P. 34.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 112.

⁴ Четвертый естественный закон, посвященный моногенезису языка, не относится к нашей теме.

⁵ Herder J.G. *Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 5. P. 123.

образом, его концепция социальной организации языка основана на признании языкового разнообразия на любом уровне, от индивидуального до интернационального. Из-за различий индивидуального языкового опыта нет двух людей, говорящих на совершенно одинаковом языке. Каждая семья, каждая группа формирует свой язык своим особенным образом. В свою очередь, социальные силы под влиянием различий окружающей среды вызывают, по мнению Гердера, изменения органов речи, порождают диалекты и, при необходимости, национальные языки. По его убеждению, наличие своего собственного отличного языка является пробным камнем существования народа (Volk), обязательным условием его национальной идентичности и национального духа: «Народ может существовать только благодаря языку»¹.

Гердер так сформулировал фундаментальный принцип своей идеологии: «У каждого народа есть своя сокровищница мысли, воплощенной в знаках... Это национальный язык, хранилище, которое пополнялось веками, которое менялось и убывало как луна, которое пережило революции и изменения, сокровищница мысли всего народа»². Он настаивал на том, что язык является центром национальной идентичности: «Что может быть дороже языка своих отцов? В этом языке живет весь мир, традиции, история, религия и принципы жизни, все его сердце и душа»³. «Он выражает самые отличительные черты характера каждой национальности и является зеркалом его истории, его поступков, радостей и горестей»⁴.

Что является несомненным достижением гердеровского анализа отношений между языком и нацией, так это глубокое укоренение языка в национальном характере, истории и обществе. Его концепция модерна сильно отличалась от идей Локка, и основывалась на коллективной, исторически обусловленной силе традиции, противопоставленной индивидуальному, деконтекстуализованному разуму, составляющему базис языковой идеологии Локка.

Центральным компонентом его языковой идеологии была поэзия — термин, который Локк использовал в двух связанных значениях. В первом значении этот термин обозначал качество языка, присущее его природе: во втором — он относился к текстам, включающим все жанры словесного искусства, включая пословицы, басни, марши, мифы, легенды и различные драматические формы, а также стихотворные формы, такие как зонги, оды, баллады и эпосы⁵.

¹ Herder J.G. *Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 18. P. 387.

² Ibid. Vol. 2. P. 13.

³ Ibid. Vol. 17. P. 58.

⁴ Ibid. Vol. 1. P. 225.

⁵ Baumann R., Briggs C.L. *Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge University Press, 2003. P. 170.

По мнению Гердера, в котором он сходилcя с британскими филологами, возникновение поэзии неотделимо от происхождения самого языка. Первый человеческий язык состоял из словаря значащих имен и выражений, полных образности и чувств и представлял из себя «коллекцию поэтических элементов»¹. Он подчеркивал роль поэзии в функциональной дифференциации языка: «первая грамматика были не чем иным, как философской попыткой превратить эпос в более регулярную историю. Сначала поэзия, затем история, затем формальная философия, глагольные формы (особенно времена) и именные склонения постепенно приобретали системный характер»².

Не только грамматика подвергалась функциональной дифференциации, но и коммуникативные стили. Такие признаки, как метр, порядок образов, округление периодической речи являются элементами дискурса, формальными параметрами, которые организуют дискурсивную структуру. По гердеровской схеме перехода от поэзии к языку, возникновение поэзии сопровождалось формальной регламентацией на уровне дискурса. В то же время поэзия, как и другие функциональные варианты, сама по себе мультифункциональна. Ведь поэт «учит, осуждает, утешает, приказывает, созерцает прошлое и предсказывает будущее»³. При этом Гердер четко различает естественную поэзию (*Naturpoesie*) и искусственную поэзию (*Kunstpoesie*), причем, по его мнению, поэзия должна укреплять связи с языком природы. В поэзии самую большую критику у него вызывает гибридный характер языка, унаследованный от нашей животной природы, но социализированный благодаря рефлексии, которая сделала нас людьми. По мере того как общество становится все более цивилизованным, язык теряет свои связи с природой. Самый большой урон ему нанесло распространение письменности: чем больше народ удален от искусственной культурной мысли, тем меньше его песни будут записаны на бумаге мертвым литературным стихом. Сила поэзии заключается в ее сиюминутности: стихи древних и диких народов возникают в значительной степени от непосредственного присутствия, от непосредственного возбуждения чувств и воображения⁴. Этим Гердер, считавший, что чем больше выразительные средства языка определяются непосредственным чувственным опытом, тем правдивей, подлинней и эффективней они становятся, отличается от Бэкона и Локка, настаивавших на том, чтобы чувственный опыт ставился в жесткие дисциплинарные рамки для службы разуму.

¹ *Herder J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 5. P. 56.

² *Ibid.* P. 84.

³ *Ibid.* Vol. 12. P. 22.

⁴ *Herder J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 32. P. 74.

Идеализация непосредственности и сиюминутности, унаследованная от своих британских предшественников, вызвала интерес Гердера к воспоминаниям путешественников к «дикарям Северной Америки». После этого он захотел сам услышать песни «живых народов», не довольствуясь литературными теориями и отчетами путешественников. Для знакомства с примитивной поэзией, существовавшей до изобретения печати, он предпринял два путешествия.

Первое путешествие было совершено в Латвию, где он служил священником в немецком сообществе после уступки Латвии Швецией России. Путешествуя из Риги по селам, он имел «возможность увидеть живые остатки древних, диких песен, ритмов, танцев живых народов»¹. Очевидно, он имел в виду латвийские народные песни «дайны», фольклорный жанр, канонизированный как ключевой символ латвийской национальной идентичности одним из многочисленных романтических националистических движений XVIII в., вдохновляемых его же собственной философией².

Второе путешествие было из Риги в Нант по водам, по которым в старину путешествовали скальды и викинги, распеваящие свои песни. Оно наложило глубокий отпечаток на Гердера, впечатленного местами, о которых пелось в столь любимых ими песнях, составлявших «вечное наследие народа». Эта поэтическая традиция стала не просто сокровищем художественных развлечений, но настоящей основой культуры и носителем национального характера: «Народ, у которого нет национальных песен, вряд ли имеет характер»³.

Для того чтобы быть максимально эффективной и аутентичной, настоящая национальная поэзия должна быть естественной (*naturpoesie*) и созвучной духу народа (*volksmässig*), времени и месту.

Роль поэта и культуры всегда имеет политическое измерение. Гердер считал поэтов законодателями (*Gesetzgeber*). Библейский Моисей, великий поэт, был в то же время основателем еврейской нации. Гердер полагал, что традиция, т.е. процесс, в ходе которого поэтические формы культуры дошли до нашего времени с древнейших времен, носит политический характер: «Человек рожден под мягким управлением отца и матери, поскольку никакая власть не превосходит родительскую власть, ни мудрость — родительскую мудрость, ни доброты — родительскую доброту, то это правительство в миниатюре является самым совершенным, какое только можно найти». По его мнению, политическая власть укрепляется благодаря пословицам

¹ *Herder J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 5. P. 170.

² *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge University Press, 2003. P. 174.

³ *Herder J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 27. P. 180.

и поговоркам, басням, генеалогиям, песням, которые всегда связаны с древним родительским правлением.

Гердер рассматривал патерналистское и домашнее правление в семье, в которой власть подкрепляется поэтической традицией, как самую естественную форму политического режима. Естественные принципы семейного правления должны быть распространены за пределами семьи, позволяя людям выбирать лучших поэтов-законодателей для управления собой. Гердер восхищался демократией и свободами греческой Республики, где все ораторы были воспитаны поэзией, песнями, искусством, драмой на самом изысканном языке в мире¹.

Осуждая империалистические захваты и доминирование, Гердер утверждал необходимость органической чистоты (пуризма) как единственной естественной основы жизнеспособной политики: «Самое естественное государство — это государство одного народа с единым национальным характером»². Народ (Volk), нация, культура и государство должны быть однородными, потому что разнообразие противостоит естественному и деструктивно для единства народа.

Необходимо уточнить значение, в котором Гердер употреблял термин Volk. В самом широком смысле Volk обозначает нацию, народ, но может также обозначать часть более сложного, стратифицированного общества, которое крепко укоренено в своем наследственном языке и традициях, в отличие от тех, кто оторвался от своих корней из-за сверхрациональной утонченности или космополитического принятия иностранных языков и чужих образов жизни. Гердер не всегда последовательно употребляет это слово, но в общем, Volk обозначает самую большую, самую полезную, самую уважаемую и самую чувствительную часть населения: крестьян, ремесленников и бюргеров (т.е. буржуазию — *das Volk der Bürger*). Члены этого Volk ближе к природе, чем интеллектуалы, которые остаются его частью (*das Volk der Gelehrsamkeit*), пока они преданы его характеру, но сверхрациональные, сверхутонченные интеллектуалы (*der Grübler*) не входят в понятие Volk³. Дворянство образует отдельную категорию, как и сброд (*der Pöbel*), и они также не входят в понятие Volk. Не совсем понятно, кого Гердер подразумевал под сбродом, скорее всего, бесправных бродяг и городскую бедноту: «Volk не включает уличных бродяг, которые никогда не поют и не создают поэзию, но кричат и калечат», т.е. их отличие с Volk осуществляется на основе поэтической

¹ *Herder, J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 9. P. 325.

² *Ibid.* Vol. 13. P. 384.

³ *Ibid.* Vol. 7. P. 265.

креативности. Соответственно, настоящий Volk является источником поэзии и носителем поэтической традиции¹.

Расширенное толкование гердеровского понятия Volk включает в себя структуры неравенства. Когда он говорит о Volk в целом, этот собирательный термин обозначает нацию или народ, чьи аутентичные культурные традиции исходят от этой социальной формации в целом, но дух народа в ней распределяется неравномерно. Аристократическое и космополитическое дворянство отделяется от народной культуры, потому что они говорят по-французски. На самом нижнем уровне иерархии находится сброд, который не способен участвовать в создании истинно народного поэтического дискурса. Дискурсивные практики, которые положительно оцениваются Гердером, создаются буржуазией, землевладельцами, ремесленниками и рыночными торговцами: «Из среднего класса исходит самая известная и основная часть духовной активности и культуры; то, что вдохновляет целое, воздействует как на высшие, так и на низшие классы»².

К этим членам буржуазного народа (*das Volk der Bürger*) он причисляет и некоторых интеллектуалов, которые солидаризируются с духом народа (*Volksgeist*). К их числу он относит себя самого и своих соратников, которые готовы возрождать и развивать немецкий фольклор. Задачей интеллектуалов — ученых людей (*das Volk der Gelehrsamkeit*) — является собирание и сохранение народной поэзии, расширение использования немецкого языка, развитие образовательных и литературных институций, укрепляющих истинную народную культуру. Эти ученые люди должны также создавать поэзию, которая будет возрождать народный дух германской нации и нести его в будущее. Такова была задача всех лексикографов, филологов, грамматистов, фольклористов и других интеллектуалов в XVIII в., которые обеспечивали мельницу печатного капитализма, перемалывая материалы для чтения для буржуазных читателей. Эту задачу Б. Андерсон считает необходимой для развития современного национализма³.

Закрепление ведущей роли за интеллектуалами объясняется тем, что простые люди не могут спасти народную культуру от неминуемого упадка. Недостаточная способность управлять своими выразительными средствами и незнание рефлексивных возможностей языка необразованными мужчинами исключают их участие в этом процессе и выдвигают на первое место задачу их обучения. Что касается женщин, они должны саморазвиваться в рамках своего предназ-

¹ *Herder J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 25. P. 323.

² *Ibid.* Vol. 24. P. 174.

³ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso, 1991. P. 71.

начения, т.е. совершенствовать свою душу и становиться предметом восхищения мужчин. Женщины должны приспосабливать свой ум к своей сфере деятельности, т.е. вырабатывать здравый смысл для использования в жизни, в доме и на кухне¹. Предложенный Гердером метадискурсивный режим интеллектуального (*das Volk der Gelehrsamkeit*) вмешательства в народную культуру, основанный на интеллектуальном и гендерном неравенстве, сохраняется и в наши дни.

Важным элементом гердеровской риторики была борьба с космополитизмом. Он постоянно упрекал своих соотечественников в отказе от культуры своих отцов ради бездушного и сверхуточенного космополитизма. Одним из последствий эпохи Просвещения и распространения духа универсализма он считал исчезновение национального характера: «у нас нет отечества или каких-либо родственных чувств; вместо этого все мы — филантропические граждане мира. Принцы говорят по-французски и вскоре все станут следовать их примеру, и тогда настанет совершенное блаженство, золотой век: весь мир будет говорить на одном языке, одном универсальном языке... Национальные культуры, где вы?»² Страстно критикуя гомогенизирующий космополитизм, враждебный настоящей народной литературе, Гердер противоречил своей собственной культурной идеологии, требующей такой же сильной гомогенизации, но только внутри национальных границ.

В сфере политики, считал Гердер, аутентичный национальный голос скальдов и поэтов должен стать мощным средством пурификации и исправления современного изнеженного политического дискурса, «развращенного искусственностью, рабскими ожиданиями, подлой политикой и непонятными намерениями»³.

Прослеживая преемственность идей от Локка к Гердеру, мы приходим к выводу, что идеологическая позиция Гердера во многих принципиальных отношениях была противоположна идеологии Локка. Локк отвергал традиционные авторитеты, Гердер высоко ценил традиции; Локк боролся за абстрактный и универсальный научный рационализм, Гердер проповедовал конкретный релятивистский эстетический партикуляризм; Локк критиковал индексальность и интертекстуальность, Гердер заявлял, что эти ассоциативные принципы лежат в основе культуры; Локк отвергал эмоции, Гердер превозносил чувства и страсти; Локк концентрировался на слове, Гердер — на тексте; Локк не признавал ценности поэзии и риторики, Гердер воспевал поэтический дискурс и его силу.

¹ *Herder, J.G. Sämtliche Werke* / ed. B. Suphan). 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 1. P. 393.

² *Ibid.* Vol. 5. P. 550.

³ *Ibid.* P. 181.

В итоге Локк предвидел появление чистого языка, независимого от природы и общества и пригодного для научного изучения природы и становления рационально организованного, стабильного общества. Гердер с самого начала рассматривал язык как природно-социальный гибрид, который одновременно имел и природный, и социальный характер, использовался как инструмент социального пуризма, как основа однородного национального общества и в то же время был воплощением человеческой природы. Теория языка Локка, изложенная в третьей книге «*Essay Concerning Human Understanding*»¹, представляет «научную» концепцию языка, основанную на условности языкового знака, на когнитивной связи языкового знака с идеями, которая опирается на референциальную и пропозициональную функции языка, предназначенного для выражения строгой, рациональной философской мысли.

Благодаря работам Локка и Гердера, языковая идеология расширила свои метадискурсивные практики и вышла в публичную сферу. Политическая потребность в единой нации, достигаемой через дискурсивное единство и укрепление народного духа, возможные благодаря силе традиции, привела к появлению лозунга: «Один народ, одно отечество, один язык»².

1.2.7. Братья Гримм и немецкая филология: на службе нации

Гердер продолжил работу по языковому обоснованию проекта модерна, начатую Локком. Романтический национализм и языковые идеологии и практики сыграли решающую роль в определении модерна, который представлялся, благодаря Гердеру, как совокупность национальных государств, т.е. территорий, населенных национальными гражданами. Националистический проект, сформулированный Гердером, был продолжен братьями Гримм, Якобом (1785–1862) и Вильгельмом (1786–1859). Их усилия сделать научным и профессиональным изучение языка и литературы продолжили работы Локка по пурификации отношений между языком и обществом. Попытки объединить две различные идеологии и метадискурсивные практики привели к созданию мощных гибридов, позволяющих изучать язык и диалектные литературы с точки зрения социального неравенства, как между, так и внутри одной нации. После того, как Кант провозгласил рационалистический и универсалистский космополитизм, братья Гримм стали пионерами космополитических практик, в основе которых лежала ассимиляция провинциализма и национализма. Эта гибридизация дала возможность понять, как противоречия между языковыми идеологиями и текстовыми практиками позволяют со-

¹ *Locke J.* An Essay Concerning Humane Understanding. Penguin Classics, 1998.

² *Herder J.G.* Sämtliche Werke / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 18. P. 347.

здать новые схемы для структурирования времени, пространства и общества¹. Якоб Гримм сыграл более значительную роль, чем его младший брат, в создании языковых идеологий и практик лингвистического анализа, во многом определивших современную лингвистическую науку.

Синтетическая программа Якоба Гримма была изложена в работе «О происхождении языка»² (1851), которая продолжила дискуссию, начатую Гердером в эссе на ту же тему³. Он сразу же заявил, что изучение языка должно осуществляться при покровительстве науки, а центральной проблемой такого изучения является пурификация. По его мнению, работы по классической филологии направлены на продление долголетия греческих и латинских литературных памятников, не имеющих прямого отношения ни к связям языков между собой, ни к происхождению языков, ни к их внутренним структурам, ни к их историческим изменениям. Якоб считал, что лингвистика как наука о естественных явлениях должна перейти от практических задач к широкому исследованию своего объекта в своих собственных целях. Исследователь языка с научных позиций должен принять точку зрения Локка о бескорыстии (объективности). — *Прим. наше*⁴. Он включил изучение традиций языка и культуры в состав естественных (Naturwissenschaften), а не гуманитарных (Geisteswissenschaften) наук, что отделяет его от более гуманистической и филологической позиции Гердера. Если гуманитарные науки рассматривали анализ текстов как конечную цель, подход Я. Гримма отводил им роль инструмента для более глубокого аналитического и исторического подхода. Соответственно, объекты исследования у этих двух подходов должны быть разными. Если лингвистика претендует на использование научного метода естественных наук, ее объект должен рассматриваться как природный, отделенный от общества. Следуя заветам Локка, Гримм рассматривал язык как архитектонику, которая вращается вокруг фонологического, грамматического и семантического содержания, в отличие от Гердера, для которого грамматика была позднейшей надстройкой над лексической основой. Грамматика становится ключевой проблемой — внутренним механизмом, внутренней структурой языка, центральным объектом исследования. Перед Гриммом стояла проблема: как соединить лок-

¹ Baumann R., Briggs C.L. *Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge University Press, 2003. P. 198.

² Grimm J. *On the Origin of Language* / trans. R.A. Wiley. Leiden: E. Brill, 1984. 48 p.

³ Herder J.G., von. *Treatise on the Origin of Language // Philosophical Writings*. Cambridge University Press, 2002. P. 65–164.

⁴ Grimm J. *On the Origin of Language* / trans. R.A. Wiley. Leiden: E. Brill, 1984. P. 1.

ковское отделение языка от общества с гердеровским националистическим проектом, не потеряв ценности первого и сохранив преданность второму.

Не покушаясь на саму идею отделения языка от общества, Grimm рассматривал ее с точки зрения теории эволюции общества. Его подход к проблеме происхождения языка основывался на положении, что язык, прежде всего, является инструментом мысли, а свойства языка определяются его качеством носителя мысли: «Человек не только называется человеком, потому что мыслит, но он также является человеком, потому что мыслит, и он говорит, потому что мыслит. Эта тесная связь между способностью мыслить и говорить объясняет и гарантирует нам причину происхождения языка»¹. Исходя из этой концепции происхождения и функции языка, Grimm рассматривал его последующую эволюцию как процесс, в ходе которого язык и мышление развиваются совместно, когда изменения языка определяются постепенным развитием логического и абстрактного мышления, т.е. разума.

Рассматривая вопрос об автономии языка, Grimm задает риторический вопрос: «Разве виды языка не напоминают виды растений, животных, да и самих людей в почти бесконечном разнообразии их изменчивых форм»². Автономия не ограничивается только естественными науками, однако «внутренняя структура» языка существенно отличается от принципов, разработанных для растений и животных. Каждый язык изолирован как отдельная область исследований и представляет собой ограниченную сущность, что делает такое представление языка удобным для использования в националистических проектах. Изучение свойств каждого языка является основной научной задачей, потому что «своеобразие каждого отдельного языка зависит от места и времени, в котором родились и выросли те, кто им пользуется. Место и время являются причиной всех изменений в человеческом языке»³. Таким образом, научный подход подразумевает изучение временных и пространственных характеристик, специально предназначенных для фиксации языковых различий, основанных на относительном расстоянии от современных европейских языков.

Временная схема Grimma носила модернистский характер и предусматривала прерывистое развитие, обусловившее появление изолированных языковых типов. Она стала альтернативой гердеровской модели постепенного развития абстрактной и логической мысли (разума) и вместо нее предлагала рассматривать континуум, между

¹ *Grimm J.* On the Origin of Language / trans. R.A. Wiley. Leiden: E. Brill, 1984. P. 12.

² *Ibid.* P. 4.

³ *Ibid.* P. 6.

экстремумами которого располагаются все языки. Эти оба направления не противопоставляются друг другу, и все языки проходят через одни и те же стадии, например сокращение разных форм началось уже в готском языке и латыни. Более старые и более разнообразные формы встречаются как в одном языке, так и в другом. Пытаясь найти границы внутри континуума развития, Grimm описывал состояние языка при помощи трех категорий: древнейший язык, средний язык, современный язык. Древнейший язык характеризуется простотой, короткими, односложными словами, состоят из кратких гласных и простых согласных. Все понятия, как у Гердера, образованы из чувственных ощущений. Древнейшие языки не образуют «монументов духа» или большой литературы и исчезают, как и счастливая жизнь древнейших людей, не оставляя следов в истории¹.

В средних языках слова становятся более длинными и многосложными. Сам язык снижает свою интеллектуальную силу; развитие системы флексий обеспечивает быстрое распространение идиоматических и устойчивых выражений. Что касается современных языков, Grimm прибегает к овеществлению, приписывая языку полномочия и волю в реализации своего развития. В этот период мысль приобретает большую свободу, хотя красота и сила сложных форм пытаются ограничивать эту свободу. Дух языка стремится вырваться из ограничений, налагаемых этими сильными формами. Можно, конечно, пожалеть об утраченной чистоте системы простых звуков, но трудно не признать, что появляющиеся промежуточные звуки создают новые возможности, позволяющие использовать новую свободу. Существующие корни слов затемняются из-за таких звуковых изменений. Они больше не соответствуют своим первичным чувственным значениям, но только абстрактным идеям².

Иначе говоря, мы имеем дело с переходом от простого, но формально совершенного языка, к языку, более сложному в лексическом, грамматическом и фонологическом отношении, полному формальных несоответствий, но более приспособленному к передаче абстрактных идей. Предыдущие стадии развития языка остаются гипотетическими, но возможна реконструкция их форм путем проекции в прошлое законов изменений, открытых при исследовании более поздних форм.

В эпоху модерна, с его колониализмом и империализмом, особое значение приобрели проблемы картографии. Якобы объективные и универсальные критерии, разработанные европейскими державами для защиты своих представлений о самих себе, стали применяться в качестве общих критериев для сравнения сообществ из разных уголков мира в зависимости от степени отклонения от элитной ев-

¹ *Grimm J.* On the Origin of Language / trans. R.A. Wiley. Leiden: E. Brill, 1984. P. 20.

² *Ibid.* P. 21–22.

ропейской модели отдельной нации с собственными границами. Новая картография основывалась на имеющих границы дискретных языках, каждый из которых обладает «внутренним единством», которое может идентифицироваться и сравниваться только ученым лингвистом. Положение каждой «нации» определяется в зависимости от уровня абстракции и рациональности ее языка, измеряемых независимо от других социальных форм. Эта картография была удобна для применения в колониальных проектах, где предполагалось и реально наблюдалось, что языковые структуры отражают особые способы мышления. Ученый может восхвалять чувственную силу и формальную завершенность языка; это также дает основание считать его жителей способными к абстрактному, рациональному мышлению и даже к самоуправлению¹. Это направление картографических исследований развивалось Вильгельмом фон Гумбольдтом, подробно изучавшим каждый язык, по которому он мог получить документацию. Но если Гумбольдт производил сравнение языков на риторико-эстетическом интуитивном уровне, братья Гримм сделали из него отдельную науку, основываясь на наследии Гердера, уже глубоко укоренившемся в филологических исследованиях. Превращение гердеровской логики в формальный метод добавило этой науке легитимности и сделало из нее политический инструмент, используемый для выделения ограниченных дискретных языковых единиц, соответствующих дискретным нациям.

В основе переосмысления Гриммами языка лежала задача пурификации и разрыва запутанных связей между языком и обществом, описанных Гердером. Связка «язык — речь — мышление» позволила Якобу Гримму признать значимость гибридных форм, в которых языковые модели могут связываться с национальными когнитивными особенностями, а затем размещаться на разных уровнях пространственно-временного развития. С одной стороны, это было представлено как либеральное торжество формальной эlegantности языка и литературы, а с другой — послужило рациональным обоснованием политического порабощения носителей языка и их потомков.

Философские исследования о происхождении языка, выходящие из-под пера Якоба, были не единственным направлением интересов братьев Гримм. Кроме сравнительно-исторических исследований, они выпускали словари, грамматики и свои знаменитые сборники легенд, эпических поэм и сказок. Все эти тексты, написанные на пурифицированном языке в традиции природных объектов, представляли собой гибридные формы, сочетавшие язык, традицию и политические связи, которые показывали, как национальные идентичности и формы социального неравенства производятся в национальных

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 202.*

государствах эпохи модерна. Описывая литературную традицию, родственную природе (Naturpoesie), Гриммы часто использовали ботанические аналогии: «Ведь с помощью легенд, подобных деревьев, природа защищает организм вечным, самовопроизводящимся обновлением. Ни одна человеческая рука не способна подделать основу и произведения народной поэзии. Человек, который попытается это сделать, потратит такую же бесплодную энергию, как если бы он пытался разработать новый язык»¹. Поскольку литературные произведения подобны организмам определенных видов, их эволюция обусловлена свойствами их собственного уникального «внутреннего единства», а не более общих природных или социальных факторов. В то же время *естественная поэзия* (Naturpoesie) особым образом укоренена в социальных сообществах и противопоставляется тому, что Гердер называл искусственной поэзией (Kunstpoesie). Поэтому работы по пурификации и гибридизации должны вестись параллельно. Естественная поэзия неподвластна социальным силам, она возникает сама по себе, в противоположность искусственной поэзии; но она непосредственно связана с традиционными сообществами.

Важным элементом позиционирования поэзии по отношению к науке, обществу и модерну является признание привилегированности определенных жанров и метадискурсивных практик. Говоря о связи поэзии с языком, Якоб Гримм в ранних работах под поэзией подразумевал стихотворные тексты. В других случаях термин поэзия включает у Гриммов вообще все формы словесного творчества без различения традиционных жанров, потому что для них главным было коллективное выражение нации, для которого жанр был неважен. Отдельно выделялся только эпос, потому что «из всех видов поэзии... эпос по времени и важности ближе всего к происхождению языка»². Что касается сказок, материал для них собирался в относительно небольшом географическом ареале и главным образом в семьях, принадлежащих к среднему классу. Хотя Гриммы выдавали сказки за настоящую германскую народную культуру и за источник реконструкции общего германского культурного наследия, многие из их информаторов были франкоговорящими гугенотами. Некоторые из сказок вообще были взяты из опубликованных источников. Поэтому аутентичность, чистота, правдивость и народность этих текстов значительно преувеличены³.

¹ Grimm J., Grimm W. Foreword / ed. D. Ward // The German Legends of the Brothers Grimm. Vol. I. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1981. P. 4.

² Ibid. P. 24.

³ Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 213.

Однако они имеют огромное значение для формирования символического капитала германской нации и осуществления националистических проектов. Хотя понятие символического капитала было сформулировано Пьером Бурдьё совсем в другую эпоху, оно полностью применимо к коммуникативным процессам, сопровождавшим строительство германской нации¹. Одним из последствий работ Гриммов было создание символических форм, которые полностью интегрировались в капиталистическую экономику и прочно обосновались на капиталистическом рынке текстов. Эти символические формы были связаны с социальными идентичностями и развивались таким образом, чтобы свободно циркулировать на свободном рынке текстов. В ходе этого процесса происходило извлечение знания из культурных товаров и превращение его в символический капитал, который контролируется определенными классами, публикационной политикой и торгуется на капиталистическом рынке.

Главным вопросом в этом деле была пурификация языка, направленная на превращение традиционного знания в научный объект. Гриммы считали, что народные тексты имеют двойную связь с обществом. С одной стороны, они являются организмами, подчиняющимися собственным законам и существующими отдельно от общества. До того, как народные сообщества подверглись модернизации, тексты оставались тесно связанными с социальными идентичностями и отношениями, маркерами возраста, класса и гендера. Но постепенно преданность традициям уменьшалась, и дух народа пропорционально исчезал. Поэтому возникла задача вписать традиционное знание в модерновое национальное пространство, учитывая особенности печатной экономики, в которой книга стала товаром, источником прибыли для издателей и печатников.

Если народные тексты становились символическим капиталом, им был нужен свой рынок. Это подразумевало, что истинные немцы должны больше интересоваться немецкими произведениями, чем иностранными. Движение романтиков изменило экономику текстов, преодолев модернистское отвращение к тому, что считалось премодерновыми текстами. То, что Гриммы ставили *Naturpoesie* выше *Kunstpoesie*, изменило иерархии, существовавшие на рынке текстов. В 1856 г. Вильгельм Гримм так описывал результаты их действий по изменению иерархий: «Насколько уникальной была наша коллекция, когда она только появилась, и какой богатый урожай собрала она с тех пор. В то время люди снисходительно улыбались, когда мы утверждали, что в этих историях сохраняются мысли и интуиция,

¹ Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020.

происхождение которых надо искать во мраке древности. Сейчас это практически никто не отрицает. К такого рода рассказам относятся с полным пониманием их научной ценности и с опасением изменить хоть часть их содержания, в то время как раньше они рассматривались лишь как бесполезная забава, которой можно манипулировать по своему усмотрению»¹.

Их сборник «Kinder- und Hausmärchen» был хитом продаж на протяжении десятилетий, но Гриммы не довольствовались завоеванием рынка печатного капитализма: они утверждали, что сравнительно-исторические исследования языка и литературной традиции служат националистическому проекту. Промышленный капитализм изменил Европу, и Гриммы ввели множество новых уникальных элементов, которые вошли в стандартную нарративную модель. Ее статус как символического капитала увеличивался благодаря легкости воспроизводства средствами печатного капитализма. Гриммы присвоили себе право определять ценность текстов на этом рынке, т.е. отделять аутентичные тексты от фальсифицированных или модифицированных, указывать, какие методы подготовки текстов имели большую ценность. Утверждая, что только специалисты могут порождать тексты и оценивать их значимость, они стремились закрепить свою монополию.

Гриммы следовали научной традиции эксплицитно связывать тексты с исчезающим духом народа, что позволяло им создавать имплицитные связи с другим воображаемым сообществом — нацией. Поскольку народные тексты связывали традицию с определенными местностями, они стали использоваться для определения национальной территории. Утверждения о «внутреннем единстве» текстов должны были стереть влияние модерна и выровнять региональные различия. Германская нация представлялась не как политический конструкт, но как реальное целое с глубокими историческими корнями. Модерн не изобрел национализм, он только вывел его на поверхность и обозначил его признаки. Описав массу жанров, диалектов, обычаев, ритуалов и представлений, Гриммы научными методами доказали, что все они образуют единую динамичную систему, создав, таким образом, образ германской нации как сложного, единого, живого сообщества. Если «ни одна человеческая рука не в состоянии подделать основу и текст народной поэмы»², тогда нация, определяемая через традиционные тексты, по своей сути демократична. Природа языка и традиции могут послужить моделью

¹ Цит. по: *Michaelis-Jena R.* The Brothers Grimm. London: Routledge and Kegan Paul, 1970. P. 177–178.

² *Grimm J., Grimm W.* Foreword / ed. D. Ward // The German Legends of the Brothers Grimm. Vol. I. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1981. P. 4.

демократического национального государства, которую Гриммы поддерживали своими политическими декларациями и деятельностью¹.

Б. Андерсон писал, что национализм объединяет два ключевых движения: создание новой идеи и ее овеществление, как если бы народ естественно выводил свои идентичности из преданности нации². Он также отмечал, что национализм представляет новое явление, знаменующее разрыв со старыми порядками и основанное на новом технологическом и экономическом порядке — печатном капитализме. Однако проблема заключается в том, чтобы новая нация казалась старой и исторически непрерывной. При этом использование традиционной ритуальной экономики было мощным средством создания наций и национальных субъектов. Если картографическая традиция сыграла определяющую роль в создании и натурализации нации, то Гриммы и другие специалисты по языку и традиционным текстам сыграли ключевую роль в реализации этого проекта. Когда Андерсон утверждал, что предшественником национализма была экономика текстов, он имел в виду главным образом газеты и романы, недооценивая другую важнейшую часть экономики печатного капитализма — рынок традиционных текстов. Потребление таких текстов стало признаком национального субъекта, а процесс гибридизации, связавший естественные организмы (слова, грамматические формы, ритуалы и тексты) с социальными, эксплицитно распространялся не только на исконный народ (*das Volk*), но имплицитно и прежде всего на буржуазию.

Утверждение, что «нация всегда рассматривается как глубокое горизонтальное товарищество», строилось на представлении, что идея нации и функционирование национального государства всегда включают в себя эксклюзив или подчинение некоторых субъектов, находящихся внутри национальных границ³. Так, чтение ежедневных газет считалось определяющей практикой национальной субъектности, что исключало из нее или маргинализировало женщин, детей, бедняков и людей, не получивших образования. В Германии первой половины XIX в. товарищество, ассоциирующееся с производством и потреблением народных текстов, не было горизонтальным: оно подчинялось формам гендерного и возрастного неравенства, связанного с ростом числа буржуазных семей. Исследователи задокументировали, как Гриммы отбирали тексты сказок и редактировали их содержание для того, чтобы сделать их приемлемыми для чтения детям из буржуазных семей⁴. Сексуальность, жестокое обращение

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 220.*

² *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. London: Verso, 1991.*

³ *Ibid. P. 7.*

⁴ *Tatar M. The Hard Facts of the Grimms' Fairy Tales. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.*

и пренебрежение детьми решительно удалялись из текстов, потому что их назначением было воспитание социальных типов, воплощающих моральное поведение. Потребление таких текстов стало частью гендерных практик, направленных на социальное воспроизводство и потребление в рамках буржуазной модели.

Производство и потребление определенных текстов было частью процесса перестройки классовых отношений. Словари и грамматики национального языка способствовали социальному расслоению, потому что владение стандартными формами и ограничение доступа к ним определяли место человека или сообщества в иерархии социального неравенства. Потребление традиционных текстов отделяло буржуазию от преמודерновых классов. Народ был лишен исторической субъектности, тогда как буржуазия считалась субъектом национализма в эпоху, когда капитализм превращал сельских жителей в бесправных сельскохозяйственных рабочих. Гриммы и другие немецкие романтики воображали *das Volk* не как социальный класс, а как абстрактную идею, воплощенную в преמודерновом мире, где народ жил в гармонии с природой и Богом, пребывая в невинности духа, как дети. Наследниками духа народа они считали не потомков крестьян, которые были вынуждены переселяться в города, но членов буржуазного класса, которые читали их книги.

Националистический проект братьев Гримм вышел за пределы германской нации, создать которую он помог, а их концепция традиционных текстов наложила отпечаток на сравнительно-исторические исследования других европейских языков и фольклорных жанров, не говоря уже о международной популярности собранных ими сказок. Этот проект по своей сути был космополитическим, одной из космополитических моделей, возникших в Германии в XIX в. Европейцы прибегали к разным стратегиям создания монополий над своими социальными и культурными формами. Идея Гриммов о разбиении Европы на национальные государства противоречила моделям, основанным на универсальном разуме, поэтому ее космополитическое измерение было ограничено универсалистскими амбициями, содержащимися, например, в работах Иммануила Канта¹.

1.3. ФРАНЦ БОАС И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Менее популярным в Европе, но не менее значимым исследователем в сфере языковых идеологий является американский антрополог Франц Боас (1858–1942), иммигрант из Германии, который, подобно многим ученым его поколения, считал, что эпоха модерна

¹ *Kant I. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose* / ed. H. Reiss; trans. H.B. Nisbe // *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [1784]. P. 41–53.

должна породить более просвещенный и рациональный мир, в котором будут главенствовать свобода и демократия. Многие специалисты по социальным наукам пришли к убеждению, что исследовательская мысль должна преодолеть рамки национальных государств и существующих структур социального неравенства, и в ее основу должна лечь идеология космополитизма.

Корни либерализма Боаса, как и многих немецких интеллектуалов, лежат в идеалах немецкой Революции 1848 г. Его персональные научные и политические взгляды определялись поисками истины, которая должна освободить человечество от догматических оков. Считая необходимым внедрение науки и рационализма в социальную жизнь, он считал себя «членом всего человечества», а не национальным субъектом¹. Боас был политически прогрессивным человеком для своего времени и старался найти новое измерение модерна, строя мир без расизма, ксенофобии, империализма и колониализма. В академической сфере он боролся с эволюционизмом, считая его лженаукой и обвиняя академические авторитеты в провинциализме и расизме.

Интерес Боаса к лингвистике и языкам был вызван не его академической подготовкой, а изучением коренного населения Северной Америки. Еще во время учебы в Германии он слушал лекции последователей натуралиста и путешественника Александра фон Гумбольдта (младшего брата Вильгельма фон Гумбольдта). Боас никогда не изучал сравнительно-историческую лингвистику индоевропейских языков и не имел адекватного образования для анализа языков коренных американских народов.

Его отношение к языкам было резко отрицательным, и он использовал их для доказательства непригодности категорий, разработанных индоевропеистикой, как точек отсчета. Он оспаривал доминирующую идею европейских и американских элит и заявлял, что грамматические нюансы многих «примитивных языков» могут сделать их образцами точности и элегантности, по сравнению с которыми латынь покажется грубым языком. Однако Боас признавал, что лингвистика имеет «практическое значение» для антропологии, давая ей средства для изучения влияния *lingua franca*, переводчиков и посредников из числа «умных аборигенов», которые вносили собственные теории культуры и представления в то, что хотел услышать исследователь. Язык занимал важное место в его усилиях доказать, что мыслительные процессы человека одинаковы повсюду и что индивидуальные языки и культуры формируют человеческую мысль уникальным образом. Поэтому модель культуры, разработанная

¹ Liss J.E. The Cosmopolitan Imagination: Franz Boas and the Development of American Anthropology. Unpublished Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley, 1990.

Боасом, основывалась на комбинации человеческих универсалий и специфических отличий.

В своем фундаментальном труде «Справочник по языкам американских индейцев» (1911) Боас показал, какой интерес языки представляют для антропологов и какую роль они должны играть в этой науке. Его теоретическая концепция изложена во «Введении» к этой книге¹. Особый интерес представляют его рассуждения о том, как язык влияет на культуру. Нападая на расизм, он утверждал, что язык, культура и раса не образуют единого целого, а каждый элемент развивается по разным историческим траекториям. Здесь он прямо противоречит Гердеру, который считал, что язык формирует народ (*das Volk*) двумя способами: с одной стороны, строительство нации требует общего языка, истории, религии, литературы, фольклора и обычаев, и язык является ключевым в списке основных признаков нации. С другой стороны, язык находится в привилегированном отношении с *das Volk*. Гердер драматически восклицал: «Может ли быть что-либо более дорогое, чем язык отцов? В этом языке живет весь его мир традиций, истории, религии и принципов жизни, все его сердце и душа»². Отношение Боаса к этому высказыванию было более сложным. Он отвергал его первую часть, разбивая органическую формулу Гердера по пунктам и утверждая, что языковые, биологические и культурные признаки никогда не совпадают. При этом он приводил примеры изменения языка и культуры без изменения «физического типа», неизменности языка при изменениях физического типа и изменений культуры при биологической и языковой неизменности.

Это изначальное разделение языка и культуры позволило Боасу использовать языковые конструкции в своем представлении о культуре, которое часто упрощенно называется «языковой аналогией» или «гипотезой языковой относительности»: языковые категории определяют культуру. Сам акт разделения категорий языка и культуры позволил Боасу построить языковую идеологию, основанную на восьми принципах гибридизации.

1. Языки и культуры не развиваются по простой прямолинейной эволюционной схеме³.

2. Все люди имеют язык и культуру, но все языки и культуры уникальны⁴.

¹ *Boas F. Handbook of American Indian Languages. Cambridge University Press, 2013. P. 5–83.*

² *Herder, J.G. Sämtliche Werke / ed. B. Suphan. 33 vols. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. Vol. 17. P. 58.*

³ *Boas F. Primitive Art. Dover Publications, 1955. P. 160.*

⁴ *Boas F. The Mind of Primitive Man. Macritchie Press, 2008. P. 152.*

3. Членство в языковых и культурных сообществах подразумевает согласие с принципами классификации¹.
4. В языке и культуре действует принцип избирательности².
5. Категории используются автоматически и бессознательно³.
6. Постоянная опасность расхождений в межкультурных исследованиях⁴.
7. Разделение широкого спектра возможностей человека⁵.
8. Потребность в «чисто аналитическом» методе описания и анализа⁶.

В целом, Боас рассматривал язык и культуру как отдельные области, требующие разных методов для того, чтобы гибридизировать свою конструкцию культуры, глубоко внедряя в нее языковые идеологии. В этом кроется основное противоречие его эпистемологии: языки и культуры исторически обусловлены и постоянно изменяются. Не являясь разнородными скоплениями социальных практик, которые затем являются объектами изучения, они состоят из звуков, слов и грамматических форм, которые компактно укладываются в голове каждого ребенка в недоступном для сознания месте. Эта модель языка не оставляет места для интерактивных и социальных отношений. Еще в детстве каждый человек выучивает один язык и, по мнению Боаса, виртуально невозможно позднее полностью овладеть вторым языком.

Такой консервативный взгляд на языки и культуры игнорирует возможность жизни в лингвистически и культурно сложных обществах, что обеспечивает индивидам и сообществам множественную идентичностную лояльность. Удивительно, что немецкий иммигрант еврейского происхождения, иммигрировавший в США, отрицал практику критического сравнения культур и стирания границ между ними. Боас писал, что множественные перспективы помогают ребенку развивать критическое отношение к собственной культуре, поэтому он считал ассимиляцию иммигрантов и исчезновение коренных народов в США естественным процессом. Он считал, что национальные языки и их использование в националистических проектах было недавним изобретением, но не признавал, что его собственные пред-

¹ *Boas F. Anthropology and Modern Life. London: Routledge, 2021.*

² *Boas F. The Mind of Primitive Man. Macritchie Press, 2008. P. 188.*

³ *Ibid. P. 189.*

⁴ *Boas F. On Alternating Sounds // American Anthropologist. 1889. Vol. 2. P. 47–53.*

⁵ *Boas F. Primitive Art. Dover Publications, 1955. P. 325.*

⁶ *Boas F. The Educational Functions of Anthropological Museums / ed. G.W. Stocking // A Franz Boas Reader. New York: Basic Books, 1992. P. 297–300.*

ставления о языках и их носителях также являются историческими конструктами, что исключало другие точки зрения¹.

Лингвистические антропологи и другие исследователи рассматривали язык не как объект, существующий до них и независимо от их усилий по его изучению, но как идеологическое поле, которое определяет академические, социальные и политические проекты. Языковые идеологии обуславливают, как люди, в том числе лингвисты, формируют свои взгляды на язык и его использование². Когда интерес исследователей сдвигается с содержания языковых и культурных моделей на их идеологическое измерение, антропологи начинают выделять общие языковые и культурные модели, которые считаются универсальными. Таким образом, составляется особый набор элитарных категорий, присущих всем народам во все времена. Понятие лингвистических универсалий, определяемых фонетическими, лексическими и грамматическими сходствами, основывается на представлении, что язык можно четко отделить от всего не языкового, т.е. культуры и общества: «Только в нашем веке, решающие работы Боаса, Сепира и других антропологов показали лингвистам..., что любая форма человеческой речи имеет “право” внести равный вклад в общую теорию человеческого языка»³.

Современные работы в области лингвистической антропологии и других наук ставят под сомнение предположения, на которых основывалась идея Боаса о «чисто аналитическом» подходе к отдельным языкам и культурам. Они подтверждают правоту взглядов Гердера о формировании индивидуальной и коллективной идентичностей через единую языковую и культурную систему при создании национальных государств и колониальных обществ, и об их участии в создании и управлении социальным неравенством. Они также опровергают мнение о том, что многоязычие невозможно или патологично, хотя современное применение гердеровских идеологий в государственной языковой политике и повседневной практике показывает, что люди с множественной языковой или культурной идентичностью подвергаются подчинению или эксклюзии⁴.

В боасовском понимании культуры и научной методологии важное место отводилось традиции. Разделяя гердеровский подход к тра-

¹ *Boas F.* *Anthropology and Modern Life.* London: Routledge, 2021. P. 91–92.

² *Silverstein M.* *Language and the Culture of Gender: At the Intersection of Structure, Usage and Ideology* / eds. E. Mertz, R. Parmentier // *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives.* Orlando: Academic Press, 1985.

³ *Hymes D.H.* *Essays in the History of Linguistic Anthropology.* Amsterdam: John Benjamins, 1983. 406 p.

⁴ *Baumann R., Briggs C.L.* *Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality.* Cambridge University Press, 2003. P. 265–267.

диции как основному источнику мыслей, практик и социальных отношений, он в то же время, соглашался с Локком в том, что традиция тормозит прогресс, мешает просвещению и рационализму. Он рассматривал культуру как силу, ограничивающую индивидуальную свободу из-за влияния «оков традиции»¹. Этот гибридный подход к традиции, наложивший свой отпечаток на его модель культуры, сформировал, но в то же время и ограничил его модернистский космополитический проект. Он считал, что отношения между модерном и национализмом должны определяться и подчиняться космополитическому определению модерна. Задолго до публикации Б. Андерсоном книги «Воображаемые сообщества» (1991)² Боас заявил, что «национальность» является абстракцией. Изучив историю националистических идеологий во многих европейских странах, он пришел к выводу, что идея национализма не связана с жизненным опытом многих сегментов общества и что она существует в среде наиболее локализованных групп, например, в крестьянстве и особенно в образовательных учреждениях³. Он также считал, что идеи национализма очень неравномерно распространены среди его современников, потому что это понятие было слабо связано с жизнью многих людей. Аналитическое разделение Боасом языка, культуры и расы и его деконструкция якобы естественных и примордиальных связей между языком и нацией показали, что гердеровский «пакет» из общих языка, истории, территории, народа, расы и религии противоречит истории и неправильно объясняет социальные процессы. Национальность становится движущей силой только тогда, когда государства уже существуют. Большие проблемы возникают, если государства используют национализм в своих собственных интересах, склоняя людей к государственной идеологии, и содействуют империализму, колониализму и войнам, возводя национальные убеждения и практики в ранг моральных универсалий⁴.

Развивая идею Канта о «вечном мире»⁵, Боас пришел к заключению, что «федерация наций станет следующим необходимым шагом в развитии человечества»⁶ и что «вся история человечества развивается в направлении гуманистического идеала, противопоставляемого

¹ Boas F. *The Mind of Primitive Man*. Macritchie Press, 2008. P. 201.

² Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso, 1991.

³ Boas F. *Race and Democratic Society*. New York: J.J. Augustin, 1945. P. 117.

⁴ Boas F. *Anthropology and Modern Life*. London: Routledge, 2021. P. 95.

⁵ Kant I. *Perpetual Peace: A Philosophical Sketch* / ed. H. Reiss ; trans. H.B. Nisbet // Kant: *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [1795]. P. 93–130.

⁶ Boas F. *Anthropology and Modern Life*. London: Routledge, 2021. P. 97.

национальному идеалу» (выделено в оригинале)¹. В этом космополитическом будущем человек разовьет критическое отношение к собственному мышлению и станет более рациональным.

Многие лингвисты, включая Романа Якобсона, считают методологической заслугой Боаса то, что он освободился от ограничений традиционной исторической филологии, отвергавшей универсальные модели эволюции в пользу чисто исторического анализа². Его огромная работа по сбору текстов на языках коренных народов Америки, заслужившая ему почетное место среди столпов мировой антропологии, не относится к теме данного исследования.

¹ *Boas F.* Anthropology and Modern Life. London: Routledge, 2021. P. 100.

² *Jakobson R.* Franz Boas' Approach to Language // International Journal of American Linguistics. 1944. Vol. 10 (4). P. 188–195.

Глава 2

АМЕРИКАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Идеи, заложенные в предыдущую эпоху, буквально пронизывают языковые идеологии конца XX — начала XXI в. Благодаря успехам пуризма и гибридизации, в США язык стал главным орудием неоконсерваторов в дебатах о расе и иммиграции, ведущихся в течение последних десятилетий. Сторонники идеи принятия поправки к Конституции, провозглашающей английский официальным языком США, утверждают, что угроза утраты доминирования английского языка представляет реальную опасность для демократии и политического строя. Организация US English, лоббирующая провозглашение английского национальным языком США, требует ограничить право на использование других языков в публичной сфере и ликвидировать двуязычные образовательные программы. Ее основатель сенатор С.И. Хайакава утверждал, что расовые конфликты между белыми и черными представляют не такую опасность для существующего строя (потому что они ссорятся друг с другом на одном языке), как стремление латиносов развивать двуязычное обучение, и что двуязычные избирательные бюллетени могут подрвать основу американского общества¹. Другой сенатор, У. Хаддлстон, внесший в Конгресс поправку об официальном английском, заявил, что только общий язык позволил американцам создать стабильное и единое общество, которому завидуют многие разделенные нации².

Связь между английским и усилиями представить латиносов как угрозу политическим и экономическим правам неиспаноязычных граждан США была подхвачена организациями с евгеническими и ксенофобскими программами. Языковые политики стали главным полем борьбы за ограничение иммиграции, особенно латиносов, и в то же время за экономическую глобализацию, которая невозможна без стабильного и однородного языка, обеспечивающего обмен информацией и достижение взаимопонимания. Пуристские практики явились отголоском идей Локка о том, что отсутствие фиксированного, стабильного языкового кода лишает народ возможности ясно

¹ Hayakawa S.I. The Case for Official English / ed. J. Crawford // *Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 94–100.

² Huddleston W. The Misdirected Policy of Bilingualism / ed. J. Crawford // *Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 114–118.

и рационально мыслить, понимать друг друга и достигать консенсуса в политической жизни, что в итоге может привести к гражданской войне. Риторика в защиту английского утверждала, что люди могут становиться самостоятельными, информированными и рациональными избирателями только тогда, когда у них есть общий язык, а двуязычие и двуязычные избирательные бюллетени поощряют блоковое голосование и участие неквалифицированных и неинформированных избирателей.

С другой стороны, довод о том, что единая нация требует единого языка, который становится социальным клеем, скрепляющим нацию и объединяющим культуру, явно унаследован от идей Гердера. Язык является общим наследием, бессознательно передается во времени, а языковая политика, направленная на его поддержку, стремится сдерживать «частные интересы» (латиносов или других языковых меньшинств) или федеральных чиновников, нарушающих естественные процессы его эволюции своим бюрократическим вмешательством. Хотя некоторые избиратели симпатизировали пуризму, считая, что каждый может иметь доступ к автономному коду, необходимому для обеспечения коммуникации и политического равенства, другие поддерживали логику гибридизации, которая связывала испанский язык с латиносами, стереотипическое представление о которых было как об антидемократах, чрезмерно плодовитых, политически и экономически опасных.

Этот расово-языковой гибрид глубоко укоренился в риторике об официальном английском языке, в которой пуризм представлялся как не имеющий ничего общего с политикой: он якобы просто расширяет возможности иммигрантов овладеть английским языком и стать современными американскими субъектами. В США нет единой, доминирующей языковой идеологии: в них динамически меняются и переплетаются разные практики пурификации и гибридизации, доказавшие свою эффективность.

Эта смесь пуризма и гибридизации стала выполнять гегемоническую функцию в 1996 г., когда Оклендский совет по образованию единогласно принял резолюцию, в которой говорилось, что «многочисленные подтвержденные научные исследования доказали, что афроамериканские учащиеся, являющиеся частью своей культуры и истории, как части африканского народа, имеют и используют язык, называемый в разных научных теориях “эбоникс” (Ebonics — результат словосложения *ebony* — черный и *phonics* — звуки)». Термин был образован в 1973 г. группой черных исследователей, которым не нравились отрицательные коннотации терминов типа *Nonstandard Negro English*, которые употреблялись с 1960-х гг., когда начались широкомасштабные лингвистические исследования афроамериканских речевых сообществ. До этого официальной задачей Совета

по образованию было обучение стандартному английскому, но они решили использовать и поддерживать домашний и этнический язык большинства черных учащихся.

Необходимость таких изменений объяснялась экзаменационными результатами черных учащихся в школах Оклендского учебного округа. В 1995–1996 уч. г. средний балл черных учащихся по шкале GPA (Grade point average) составлял 1,80 при средней по округу 2,40 (по четырехбалльной шкале). Черные учащиеся составляли 53% контингента учащихся, и 73% из них учились в классах для детей с особыми потребностями (эвфемизм для обозначения плохо успевающих). 64% второгодников составляли афроамериканцы, а 19% черных двенадцатиклассников не соответствовали выпускным экзаменационным требованиям. Среди восьми основных языковых групп в Окленде афроамериканцы показывали самые низкие результаты по стандартным тестам, и черные дети попадали в классы для детей с особыми потребностями главным образом из-за низких результатов по тестам.

Все это побудило Оклендский совет по образованию использовать эбоникс как стратегию эффективного перехода черных учащихся с их домашнего языка на стандартный английский: «...такая политика требует, чтобы использовались эффективные стратегии обучения, обеспечивающие каждому ребенку возможность свободного владения английским. Языковое развитие афроамериканских учащихся будет улучшаться, благодаря признанию и пониманию языковых структур, единственных, которые имеются у многих афроамериканских учащихся»¹.

Что касается происхождения эбоникса, существуют две теории: пиджино-креольская и сохранения африканских языков.

Согласно пиджино-креольской теории, африканские рабы из Западной Африки принесли в Америку множество своих этнических языков. В результате принудительной изоляции рабов, говорящих на разных языках группы банту, на американских плантациях, они сохранили многие аспекты своей идентичности: религию, фольклор, легенды и имена, но без племенных различий. При переходе на американские обычаи и культуры смешанный язык разных групп рабов превратился в пиджин, который сначала не был ничьим материнским языком. Затем пиджин превратился в креольский язык, когда дети учились пиджину у родителей и дальше передавали его как материнский. На второй стадии развития языка произошла англизация и возник эбоникс, когда носители креольского языка стали исполь-

¹ Gettridge C. Oakland Superintendent Responds to Critics of Ebonics Policy // Rethinking Schools. 1997. Vol. 12 (1). URL: <https://rethinkingschools.org/articles/oakland-superintendent-responds-to-critics-of-the-ebonics-policy/> (дата обращения: 01.12.2023).

зовать переключение кодов (code switching). Сегодня он находится в стадии перехода на стандартный английский.

По теории сохранения африканских языков, эбоникс возник на основе западноафриканских языков ибу, тви, йоруба, волоф, фанте и мандинка, которые являются диалектами одной и той же языковой группы. Ее сторонники утверждают, что эбоникс является материнским языком афроамериканских детей точно так же, как испанский является материнским языком латиносов. Они считают, что «эбоникс — это афроамериканская языковая память об Африке, примененная к английским словам. Эбоникс является языковым продолжением Африки в черной Америке»¹.

В Оклендской резолюции говорилось, что эбоникс является основным языком большинства афроамериканских учащихся и должен учитываться в преподавании им стандартного и академического английского. Нужно отметить, что термин эбоникс имеет весьма ограниченное употребление, и большинство американских лингвистов предпочитают термины черный английский (Black English) или афроамериканский английский (African American English — AAE). Для нестандартного варианта языка афроамериканцев используется также термин афроамериканский диалектный английский (African American Vernacular English — AAVE)².

Эбоникс определяется через свои лингвистические и экстралингвистические признаки, представляющие континуум коммуникативных компетенций выходцев из Западной Африки, Карибских островов и потомков американских рабов африканского происхождения. Он включает грамматику, обширную идиоматику, идиолекты и социальные диалекты чернокожего населения, а также невербальные звуки, мимику и жесты, которые системно используются афроамериканцами в процессе коммуникации.

Сторонники точки зрения, что эбоникс — это отдельный язык, считают, что термин черный английский (Black English) является оксюмороном, потому что афроамериканский и евроамериканский языки имеют различные языковые основы. Английский, германский язык, имеет систему правил, в корне отличающуюся от эбоникса, чьи корни лежат в западных и нигеро-конголезских языках и который ни в какой мере не является диалектом английского. По своей сути, эбоникс — это материнский язык афроамериканцев.

¹ Johnson M.A. The Ebonics Debate: Perspectives and Possibilities: Personal Reflections // Journal of Pedagogy, Pluralism, and Practice. 1998. Vol. 1 (3). P. 48–49.

² Rickford J.R. What is Ebonics (African American English)? // Linguistic Society of America. URL: <https://www.linguisticsociety.org/content/what-ebonics-african-american-english> (дата обращения: 01.12.2023).

Таким образом, поскольку *английский* не является *этническим языком* афроамериканских школьников, они имеют право обучаться по моделям двуязычного обучения, где английский изучается как второй язык. В то время как учителя рассматривают их как «языковых инвалидов», они должны считаться учащимися с ограниченными компетенциями в английском или не имеющими компетенций в английском (Limited English или Non-English Proficient — LEP/NEP), как это происходит с учащимися из латиносов, азиатов и коренных народов Америки, которые приходят в школу с разными материнскими языками.

Что касается альтернативной точки зрения, что эбоникс — это диалект английского языка, дело также обстоит не очень просто. У. Лабов, изучавший языковые модели городских детей в Филадельфии, пришел к выводу, что нестандартный английский такой же логичный и последовательный, как и стандартный: он может воспроизводиться, и в нем есть смысл. Он просто другой¹. Стандартный английский — это диалект, который не привлекает внимания сам по себе, каждый человек считает, что это язык, на котором говорит он сам: существует множество различных вариантов английского, и все они имеют ценность². Все носители английского языка говорят на одном из диалектов своего языка. Один диалект не хуже другого, они просто отличаются друг от друга. Даже американский язык знаков имеет диалектные различия. Диалект — это языковая система, специфичная для какого-либо региона или социальной группы, которая отличается от других уникальным набором фонетических, лексических и синтаксических признаков. Поэтому нужно рассматривать диалекты разных носителей как человеческие существа, которые развивают свои коммуникативные способности двумя разными способами: через стандартный английский (английский образованных людей) или через варианты афроамериканцев³.

Оклендская резолюция официально признала эбоникс, утвердила программы для подготовки преподавателей и разрешила его использование в классах для того, чтобы облегчить изучение и овладение навыками английского языка⁴. Принятие резолюции вызвало ожесточенную дискуссию в прессе. В ходе дискуссии, охватившей все США, выявилась противоположная точка зрения. Широкое рас-

¹ Labov W. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular (Conduct and Communication)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

² Lindfors J. *Children's Language and Learning*. Prentice Hall, 1987. P. 355.

³ Dandy E.B. *Black Communications: Breaking Down the Barriers*. Chicago: African American Images, 1991. P. 110.

⁴ Perry Th., Delpit L. *The Real Ebonics Debate: Power, Language, and the Education of African-American Children*. Boston: Beacon, 1998. P. 143–145.

пространение получило мнение, что эта инициатива была злоупотреблением политкорректностью, потому что субстандартная форма языка была возвышена только потому, что ее используют черные. Желание удовлетворить этническую чувствительность одной этнической группы противоречило необходимости дать детям из Окленда хорошее образование. Это рассматривалось как попытка лишить черных детей средства расширить свои возможности. Борец за права человека Джесси Джексон заявил: «Пока мы в Калифорнии боремся за возможность расширения положительных действий и за обучение наших детей, чтобы они стали более квалифицированными на рынке труда, в Окленде некоторые сумасшедшие пытаются сделать сленг вторым языком. Вы не должны ходить в школу, чтобы учиться говорить как на помойке»¹.

Дело дошло до того, что пришлось вмешаться администрации президента Б. Клинтона, которая сослалась на вывод Министерства образования президента Р. Рейгана о том, что *английский язык черных* (black English) не является отдельным языком. И вообще, как может местный совет по образованию разжигать такие страсти². В результате суперинтенданту учебного округа пришлось уйти в отставку и искать работу в частном секторе.

Кампания по провозглашению английского официальным языком, поддерживаемая неоконсерваторами, представляла английский как *язык*, находящийся под угрозой, несмотря на глобализацию экономики и СМИ, укрепляющую его положение как глобального языка, и как жертву либералов, стремящихся уничтожить американские моральные ценности и вызвать моральную панику среди американцев. Возникли опасения, что социолингвистические гибриды, создаваемые в результате разных идентичностных политик (для женщин, мужчин, кавказской (белой) расы, азиатов и т.д.), заявят, что они образуют отдельные сообщества, автономия которых поддерживается отдельным языком.

Дебаты вокруг эбоникса показали актуальность проблем пуризма и гибридизации для США. Лингвисты, руководствуясь практиками пуризма, стали описывать языки как автономные сущности, не обращая внимания на их встроенность друг в друга. Они продолжали работу по пурификации английского, создавая иллюзию, что он образует единую однородную языковую систему (стандартный английский), объединяющую всех носителей и защищающую свои границы от других языков, в первую очередь от испанского. Гибри-

¹ *Shariatmadari D.* The Limits of Standard English // The Paris Review. January 7, 2020. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2020/01/07/the-limits-of-standard-english/> (дата обращения: 03.12.2023).

² *Bennet J.* Administration Rejects Black English as a Second Language // New YorkTimes. 25 December 1996.

дизация допускает существование диалектов внутри такого языка, но они считаются диалектами или вариантами общего языка, которые используются в частных ситуациях людьми, которые в публичных ситуациях используют стандартный язык.

Оклендская резолюция, особенно в ее изложении СМИ, атаковала доминирующую идеологию пуризма и гибридизации по трем направлениям¹.

Во-первых, ее составители попытались обелить гибридную форму, объявив ее языком.

Во-вторых, они поставили под сомнение отношения на языковом уровне между «сленгом чернокожих» (black slang), или «уличным языком» (street language), и стандартным языком. Языковые варианты стали имплицитно различаться на расовой основе. Тогда как стандартный английский считался рационализированным (в локковском смысле) и наделялся рациональностью и точностью, стигматизированные варианты, объединяющие всех носителей американского английского и афроамериканского английского, казались воплощением эмоций и различий. Резолюция ссылалась на такого лингвистического авторитета, как У. Лабов, считавшего, что афроамериканский английский так же автономен, как и стандартный, и является эффективным инструментом коммуникации². В ходе дебатов сформировалась точка зрения, что белый средний класс естественным путем говорит на стандартном английском, тогда как афроамериканцы также естественно говорят на особом субстандартном варианте, являющемся социолингвистическим гибридом внутри белого публичного пространства.

В-третьих, резолюция вывела социолингвистические гибриды в публичную сферу, в образовательную политику и в школы, где до этого доминирование стандартного английского было непоколебимо.

Таким образом, традиция, которая на протяжении более трехсот лет казалась угасающей, оказалась способной порождать и легитимировать новые модерновые проекты и схемы социального и расового неравенства.

Новые социальные теории часто дискурсивно базируются на очень старых понятиях. Так произошло и с понятием традиции, которая создает новые гибриды и присутствует в них, потому что они определяются через ее отрицание. Традиция рассматривается как ограниченный, реальный, стабильный объект, который может быть

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 305.*

² *Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular (Conduct and Communication). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 440 p.*

определен через отношения и представления, которые являются общими, относительно однородными и привязанными к ограниченному географическому пространству. При определении социального пространства традиции используется аналогия с межличностным социальным взаимодействием. Известный критик модерна З. Бауман считает, что демографический фактор, политические, социальные и экономические изменения обозначили конец старого мира уже в конце XVII в., пришедший ему на смену модерн был уже посттрадиционным¹. Традиция, которая являлась клеем, скреплявшим вместе премодерновые социальные порядки, ограничивала коллективную память, поддерживала ритуалы и основывалась на шаблонных представлениях об истине, основанных на устной культуре. Ее хранителями были люди, наделяемые авторитетом благодаря своему статусу, а не компетентности. Традиция всегда имеет локальный характер, что противопоставляет ее идее глобализации. Члены премодерновых обществ не осознавали, насколько она важна для формирования социальных отношений и представлений об истине. Являясь полным отрицанием модерна, традиция должна обязательно исчезать по мере укрепления модерна, но не до конца, и сохраняться на ранних фазах современного социального развития.

Все термины, производные от корня «модерн», сегодня рассматриваются под все более критическим углом, тогда как категория традиции признается даже левыми учеными стабильной и понятной, не нуждающейся в постмодерновой деконструкции. Сложилась модерновая практика признания традиции, отношения к ней как к автономной сущности и создания новых гибридов, включающих традицию во все проекты, которые определяются через ее отрицание.

Не только теоретики придерживаются разделения традиции и модерна и используют его для легитимации структур власти. Так, власти США пользуются им в своей политике по «защите» и «спасению» фольклора. Это нашло выражение в «Типовых положениях для национальных законов об охране произведений фольклора от незаконного использования и других вредоносных действий» (1982), подготовленных Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) для ЮНЕСКО². В этом документе применяется классический прием модерновой двойственности — противопоставление «индустриальных» и «развивающихся» стран: «именно в развивающихся странах фольклор является живой, функциональной традицией, а не памятью о прошлом». Фольклор, в соответствии

¹ *Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals. Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 62.*

² *Model Provisions for National Laws on the Protection of Expressions of Folklore Against Illicit Exploitation and Other Prejudicial Actions. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/186459> (дата обращения: 26.11.2023).*

с гердеровской традицией, определяемый как «продукты, состоящие из характерных элементов традиционного художественного наследия и поддерживаемые сообществом... или индивидами, выражающими традиционные художественные взгляды такого сообщества», находится под угрозой «искаженного» и «неправильного» использования¹. Поскольку традиционное знание, по Гердеру, имеет бессознательную и нерелексивную природу, вполне оправдано существование специалистов и специальных режимов: «в странах, где традиционное художественное наследие сообщества считается частью культурного наследия нации, или где соответствующее сообщество не готово само адекватно управлять использованием своих фольклорных произведений, могут быть назначены компетентные власти, дающие необходимые разрешения в форме государственных законов»².

В 1989 г. ЮНЕСКО выпустила «Рекомендации по сохранению традиционных культуры и фольклора», где также констатировала крайнюю уязвимость традиционных форм фольклора под напором индустриализованной культуры. В качестве меры спасения предлагалось более активное вмешательство экспертов, назначаемых государствами-членами, поощрение универсальных, рационализированных научных проектов (составление национальных баз данных, координация систем классификации, стандартные типологии, методы сбора и архивации), создание институциональной инфраструктуры для выполнения таких экспертных задач (архивы, центры документации, музеи, семинары, конгрессы и т.д.) и поддержка специалистов, занимающихся работой по спасению³. Здесь также мы находим связку «власть/знание», переходящую от Локка к Боасу и составляющую самый заметный признак модерна — интеллектual признается «законодателем», получившим благодаря высшему знанию право выносить авторитарные суждения о «поддержании и усовершенствовании социального порядка», находясь на службе у государственной власти. Прошло триста лет со времени появления этого современного дискурсивного синдрома, но то, что Королевское общество рекомендовало королю Британии в 1660 г. в рекомендациях по совершенствованию естественно-научного знания⁴, практически повторяется в рекоменда-

¹ Model Provisions for National Laws on the Protection of Expressions of Folklore Against Illicit Exploitation and Other Prejudicial Actions. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/186459> (дата обращения: 26.11.2023). P. 3–9.

² Ibid. P. 20.

³ Recommendations on the Safeguarding of Traditional Culture and Folklore. Paris: UNESCO, 1989. URL: <https://en.unesco.org/about-us/legal-affairs/recommendation-safeguarding-traditional-culture-and-folklore> (дата обращения: 26.11.2023).

⁴ The Royal Society of London for Improving Natural Knowledge. URL: <http://scih.org/royal-society-of-london/> (дата обращения: 26.11.2023).

циях Комитета правительственных экспертов ЮНЕСКО по спасению фольклора. Коммуникационные технологии сменились с печатных на электронные, но метадискурсивный синдром остается тот же¹.

Одной из характеристик постмодернового мира является создание гибридов, разными способами соединяющих природу/науку и общество/политику. Многие ученые считают, что производство и воспроизводство социального неравенства во многом было обусловлено эпистемологиями и практиками модерна. Однако современные проекты имеют свои корни в модерне и используют те же практики пуризма и гибридизации в отношении языка и традиции. Воспроизводство современных проектов должно прекратиться для сокращения структур неравенства, которые в них считаются легитимными.

В конце XX в. интенсифицировались поиски новых методов пуризма и гибридизации языка. Ж. Деррида критически относился к тому, как Ф. де Соссюр и Р. Якобсон овеществляли язык; он настаивал на произвольности языкового знака и искусственном характере письма по сравнению с примордиальным статусом устной речи. В любой исторический период практики пуризма и гибридизации сосуществовали рядом друг с другом, часто открыто, как у Гердера, а иногда скрыто, как у Локка. Работы М.М. Бахтина² и В.Н. Волошинова³ имеют большую ценность для изучения этих гибридных практик, показывая, как они действуют даже при самых жестких режимах пуризма. Их работы бросают вызов самому концепту гибридизации, потому что раньше соединяющиеся сущности подлежали пурификации, а эти исследователи показали, что социальные категории дискурсивно обусловлены и связаны с голосами, словами, гендерами, и что речевые формы рождаются в отношениях с социальными категориями и отношениями: «Каждая эпоха и каждая социальная группа имеет свой репертуар речевых форм жизненно идеологического общения. Каждой группе однородных форм, т.е. каждому жизненному речевому жанру, соответствует своя группа тем. Между формой общения..., формой высказывания... и его темой существует неразрывное органическое единство. Поэтому классификация форм высказывания должна опираться на классификацию форм речевого общения. Эти же последние формы всецело определяются производственными отношениями и социально-политическим строем... Словесный этикет, речевой такт и иные формы приспособления вы-

¹ *Baumann R., Briggs C.L. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 308.*

² *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.*

³ *Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Лабиринт, 1993. Об авторстве этой работы см.: Алтатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки и славянские культуры, 2005.*

сказывания к иерархической организации общества имеют громадное значение в процессе выработки основных жизненных жанров»¹.

Такие философско-языковые модели породили социолингвистику, лингвистическую антропологию и прочие гибридные формы. Уже давно Э. Сепир показал, как грамматические модели используются для формирования женских идентичностей и для подчинения женщин², а У. Лабов продемонстрировал, как даже незначительные фонологические и синтаксические изменения несут большую социальную информацию, а дискурс способствует формированию категорий расы, этничности, гендера и класса, что не согласуется с пуристским определением языка³. Трансформационно-генеративная грамматика Н. Хомского показала, как глубоко и разнообразно социальное знание воплощается в языковых формах и коммуникативных моделях⁴. Работы Р. Якобсона⁵ и М. Сильверштейна⁶ помогли отказаться от основного постулата большинства практик пуризма, поскольку отрицали сведение языка к деконтекстуализованным единицам и подчеркивали важность связей между языковыми структурами и понятиями социальной жизни. Все они подчеркивали, что языковые идеологии формируют узус и мысли людей о языке и легитимируют схемы управления и структуры повседневной жизни. В Европе критический дискурсивный анализ раскрыл, как языковые идеологии используются для расизации и расистских проектов⁷.

Иногда такой подход способствовал работе по пурификации через использование специальных терминов и способов анализа, что укрепляло авторитет языковых законодателей, но чаще он привлекал внимание к важности социолингвистических гибридов и их роли в создании неравенства. Признавая за элитами тип сознания, в котором они отказывали подчиненным массам, он придавал особую

¹ Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Лабиринт, 1993. Об авторстве этой работы см.: Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки и славянские культуры, 2005. С. 25.

² Sapir E. Male and Female Forms in Yana / ed. D.G. Mandelbaum // Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley: University of California Press, 1949 [1929].

³ Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

⁴ Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1969.

⁵ Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge, MA: Harvard University Russian Language Project, 1957.

⁶ Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology / eds. P.R. Clyne, W. Hanks, C.L. Hofbauer // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979.

⁷ Blommaert J., Bulcaen C. Critical Discourse Analysis // Annual Review of Anthropology. 2000. Vol. 29. P. 447–66.

значимость определенным языковым практикам, доступным аристократам и буржуазии.

В результате европейские и североамериканские социальные формы были депроvincialизированы и универсализированы и стали универсальными основами знания, истины, культуры, нации, рационализма, науки, политики и модерна — как немаркированные, исторически трансцендентные и естественные основания социальной жизни. Главная современная стратегия заключалась в том, чтобы провозглашать социальную, историческую и метадискурсивную трансцендентность выше народов и дискурсов, находящихся на некотором социальном, географическом или историческом расстоянии¹. Она утверждала право доминирующих идеологий, институций, классов и национальных государств подчинять себе как внутренних Других, так и численно доминирующий “Третий мир”.

2.1. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕГЕМОНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В США

Несмотря на то что в разные периоды истории США применялись разные политики, регулирующие использование языков, их общий тренд был один: усиливать гегемонию английского языка. Уже в ранний период формирования американской нации отношение к английскому как к символу национального единства принуждало неанглофонов, особенно коренные народы Америки, африканских рабов и население аннексированных территорий Мексики, изучать и использовать английский язык, без чего они имели ограниченный доступ к информации, ресурсам и услугам, предоставляемым исключительно на английском языке. Результаты такой языковой политики привели к тому, что языковая ассимиляция в США была названа «Вавилонской башней наоборот»² и «кладбищем языков»³.

Быстрая ассимиляция в англоязычную культуру происходила в ситуации, когда, согласно Конституции США, ни один язык не имел официального статуса. Тем не менее с 1980-х гг. в США существует законодательное движение за провозглашение английского официальным языком каждого штата и на федеральном уровне. В результате 30 штатов приняли законы об официальном английском языке, причем три из них сделали это еще до 1980 г. (Небраска в 1920,

¹ *Baumann R., Briggs C.L.* Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality. Cambridge University Press, 2003. P. 313.

² *Haugen E.* The ecology of languages (Language Science and National Development). Stanford University Press, 1972.

³ *Rumbaut R.G., Massey D., Bean F.D.* Linguistic life expectancies: Immigrant language retention in southern California // Population and Development Review. 2006. Vol. 32. P. 447–460.

Иллинойс в 1969, Гавайи в 1978). Этот законодательный процесс не закончен; так, Западная Вирджиния утвердила английский своим официальным языком в 2016 г. (табл. 2.1)¹.

Таблица 2.1

**Штаты, принявшие английский официальным языком
(в хронологическом порядке)**

Штат	Год	Тип документа
Небраска	1920	Конституция
Иллинойс	1923/1969	Закон
Гавайи	1978	Конституция
Индиана	1984	Закон
Кентукки	1984	Закон
Теннесси	1984	Закон
Калифорния	1986	Конституция
Арканзас	1987	Закон
Миссисипи	1987	Закон
Северная Каролина	1987	Закон
Северная Дакота	1987	Закон
Южная Каролина	1987	Закон
Колорадо	1988	Конституция
Флорида	1988	Конституция
Алабама	1990	Конституция
Монтана	1995	Закон
Нью Гемпшир	1995	Закон
Южная Дакота	1995	Закон
Джорджия	1996	Закон
Вирджиния	1981/1996	Закон
Вайоминг	1996	Закон
Аляска	1998/2014	Закон
Миссури	1998	Закон
Юта	2000	Закон
Айова	2002	Закон
Аризона	1998/2006	Конституция
Айдахо	2007	Закон

¹ Nieto D.G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA // Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29 (96). P. 10.

Штат	Год	Тип документа
Канзас	2007	Закон
Оклахома	2010	Конституция
Западная Вирджиния	2016	Закон

Факторы, которые способствуют или поощряют языковую политику, имеющую целью провозглашение английского официальным языком на уровне штатов, имеют идеологические, исторические, юридические и политические основания.

Исторические причины возникновения политик, получивших общее название «English-only», связаны с нативистской идеологией, выступавшей вообще против использования других языков. Однако многие меры, принимаемые в этом направлении, носили чисто символический характер и не имели практических или материальных последствий. Другие рассматривались как опасные попытки нарушить Первую и Четырнадцатую поправки к Конституции США, направленные на ограничение свободы слова и отмену права на равную защиту граждан, чьим наследственным языком был не английский. Противники этих политик утверждают, что только поддержка многоязычия может обеспечить равный доступ к государственным услугам для людей, которые не говорят по-английски, и защитить их права¹.

Официальный английский создает потенциальную угрозу для рабочих мест и условий работы тех людей, которые в недостаточной степени им владеют. Так, двуязычные мужчины-латиносы на рынке труда получают существенно меньшую оплату, чем двуязычные женщины². Частные работодатели вводят требования владения английским языком на рабочих местах, скрывая дискриминацию за требованиями техники безопасности. Введение английского языка как официального сделает эти неравенства еще более возмутительными.

Еще большую опасность официальный английский представляет для интеграции, ассимиляции и эксклюзии неанглоязычных сообществ. Поддержка языковых прав имеет положительный эффект, уменьшая риски языковых и этнических конфликтов и увеличивая социальные перспективы языковых меньшинств. Восприятие иммигрантов как угрозы и приоритет прав меньшинств повышают ве-

¹ Wiley T.G. Language planning, language policy and the English-only movement / eds. E. Finegan, J.R. Rickford // *Language in the USA: Perspectives for the twenty-first century*. Cambridge University Press, 2004. P. 319–338.

² Robinson-Cimpian J.P. Labor market differences between bilingual and monolingual Hispanics / eds. R.M. Callahan, P.C. Gándara // *The bilingual advantage: Language, literacy, and the US labor market*. Multilingual Matters, 2014. P. 79–109.

роятность принятия официального английского на уровне отдельных штатов. Запрет на использование других языков в школах оказывает отрицательное влияние на образование мультикультурных и многоязычных учащихся, хотя убедительно доказано, что использование *этнических языков* в обучении не только улучшает усвоение английского, но также ускоряет изучение академического контента¹.

Независимо от отсутствия официального статуса у английского языка, США проводят политику устранения этнических языков коренных народов Америки, а также любых других языков на аннексированных территориях, в первую очередь испанского, и нестандартных вариантов английского, например, афроамериканского английского (ААЕ). Языки североευропейских стран, к которым раньше было вполне толерантное отношение, были объявлены вне закона в эпоху расцвета нативизма в первой четверти XX в.

Интерпретация истории США через призму языковой идеологии позволяет лучше понять мотивацию сторонников официального английского. Эта идеология базируется на двух противоречащих постулатах: 1) американской идентичности, приоритета потребностей нации и интеграции иммигрантов; 2) языковых правах, равенстве и социальной справедливости².

Обоснованием политики по провозглашению английского официальным языком является идеология моноязычия, в которой языковые меньшинства ассоциируются с иностранцами и должны ассимилироваться с «Америкой», уничтожив любые следы страны своего происхождения, в первую очередь свои этнические языки. Сторонники официального английского представляют сохранение любого языка, кроме английского, опасностью для национального единства и территориальной целостности США. Языковые политики, поощряющие изучение и использование других языков, считаются дестабилизирующими американскую демократическую систему. Их основной довод сводится к тому, что поддержка языков, кроме английского, служит политическим целям сепаратистских миноритарных групп, представляющих опасность для американской идентичности³. Языковое разнообразие сильно увеличивает культурную фрагментацию, гражданский антагонизм, неграмотность и экономическую и техноло-

¹ August D., Shanahan T. Developing literacy in second-language learners: Report of the National Literacy Panel on language-minority children and youth. Erlbaum, 2006. 688 p.

² Nieto D.G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA // Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29 (96). P. 4.

³ Donahue T.S. Language planning and the perils of ideological solipsism / ed. J.W. Tollefson // Language policies in education: Critical issues. Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 137–164.

гическую неэффективность. Сторонники официального английского утверждают, что английский может служить мостом для интеграции миноритарных языковых сообществ, которые не могут пользоваться социально-экономическими преимуществами мажоритарной группы. Сохранение этнического языка равнозначно социальной изоляции, бедности и неравенству¹.

Организация “U.S. English”, созданная в 1983 г. и объявившая себя «группой гражданского действия, посвященной сохранению объединяющей роли английского языка в США», защищает эти принципы, заявляя, что «официальный английский объединяет американцев, давая им общее средство коммуникации, поощряет иммигрантов к изучению английского, использованию государственных услуг и участию в демократическом процессе»².

Противники официального английского напоминают, что США — это мультикультурная и многоязычная нация иммигрантов. Они считают, что введение официального английского повысит антииммигрантские настроения и чувство белого превосходства, основанное на идее, что США были основаны белыми англоязычными протестантами (WASP). Результатом станут ненависть и дискриминация в отношении этноязыковых меньшинств и их последующая маргинализация. Введение официального английского, искусственное и ненужное, не только вызовет конфликты между разными группами населения, но и усилит маркированность людей по тому варианту английского, на котором они говорят.

Движение “English Plus” поставило своей целью добиться большей терпимости к языковой реальности США и отношения к культурному разнообразию как к национальному ресурсу. Сторонники этого движения считают, что английский есть и будет основным языком США, что не препятствует использованию и развитию других языков. Они рассматривают разнообразие не как угрозу англоязычной американской идентичности, а как национальный ресурс, который может быть капитализирован. Способность поддерживать коммуникацию на разных языках повышает экономический, политический и культурный потенциал США³. С их точки зрения, необходимо развивать программы, целью которых является формирование двуязычия и грамотности на двух языках.

¹ Laitin D., Reich R. A liberal democratic approach to language justice / ed. W. Kymlycka, A. Patten // *Language rights and political theory*. Oxford University Press, 2003. P. 80–104.

² U.S. English: Making English the official language. URL: <https://www.usenglish.org/legislation/state> (дата обращения: 28.11.2023).

³ Statement of purpose: Founding document of the English Plus information Clearinghouse (EPIC). URL: <http://www.massenglishplus.org/mep/engplus.html> (дата обращения: 29.11.2023).

2.1.1. Соотношение языка и власти в официальном английском

Аргументы, приводимые сторонниками обеих точек зрения, привели к пониманию того, что язык является инструментом для строительства, тиражирования и передачи социальных и культурных ценностей и что он тесно связан с социальными, политическими и экономическими условиями. Язык является также формой и источником социального и культурного капитала и выполняет двойную функцию социальной идентификации и социальной классификации¹. Языки и культуры вписываются и перетекают друг в друга в конкретных географических, исторических и социально-политических условиях, поэтому они очень восприимчивы к проблемам властных отношений. Статус, функции и ценность языка всегда действуют в интересах конкретной социальной группы.

Учитывая тесное переплетение языка и власти, власть структурируется вокруг языковых ресурсов, и это определяет поведение индивидов и их положение в обществе, построенном на языке. С этой точки зрения языковая политика представляет собой социальный конструкт, который включает не только открытые правила и политики, но и имплицитные практики, которые пронизывают культуру, системы идей, поведение и мифы каждой нации. В результате языковая политика может считаться частью производства и воспроизводства гегемонической структуры, поощряющей определенные этнические и социальные группы и их языковые практики в ущерб другим, и в то же время сужающей возможности альтернативных этнических, социальных, культурных и языковых сообществ с целью их колонизации и (или) подчинения².

Расовая лингвистика систематически стигматизирует языковые практики расовых сообществ, показывая, что опыт изучения отношений языка и расы является важнейшим фактором распространения европейского колониализма. Обеление колониализма привело к позиционированию европейцев и их языков как высших категорий по отношению к неевропейцам. В ранний период колонизации Америки автохтонные народы с языковой точки зрения считались неполноценными. Это убеждение в языковой неполноценности меньшинственных сообществ сохраняется и в постколониальный период. Так, варианты языка, используемые афроамериканцами или латиносами, продолжают считаться нестандартными или испорченными. Более того, категории черные, индейцы и цветные (Black, Indigenous, and People of Color — BIPOC) в США продолжают оставаться в положении подчинения, даже после перехода на английский язык. Таким

¹ Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.

² Bartolomé L. Understanding policy for equity in teaching and learning: A critical historical lens // Language Arts. 2008. Vol. 85 (5). P. 376–381.

образом, официальный английский используется как инструмент расовой лингвистики, для того чтобы институционализировать представление о США как о белой англоязычной нации и делегитимизировать культурные и языковые практики иммигрантов и категорий, входящих в VIPOC¹.

Как утверждают сторонники расовой лингвистики, придание английскому языку официального статуса позволит предупреждать социальные конфликты, повысить интеграцию и благосостояние этноязыковых меньшинств. Декларируемой целью введения официального английского является выражение интересов всей нации, включая языковые меньшинства, гарантии языковых прав всех граждан, социальный и экономический прогресс и укрепление национального единства. Истинной же целью является «ассимиляция с целью подчинения»².

Разные штаты могут по-своему институционализировать английский как официальный язык. Кроме 30 штатов, законодательно закрепивших использование английского как официального языка (см. табл. 2.1), он получил такой же статус в Луизиане и Массачусетсе. Но в Луизиане это произошло в 1992 г. в форме заявления генерального прокурора, по мнению которого английский является единственным официальным языком штата Луизиана, а в Массачусетсе — решения Верховного суда штата, сославшегося на то, что английский является официальным языком нации. Юристы считают, что в случае Массачусетса нельзя говорить о признании английского официальным языком, поскольку это явная ошибка Верховного суда³.

Стратегия внедрения официального английского в США достаточно двусмысленна: в ней недостаточно ясно определены цели и мотивы этой политики. За попытками соблюсти законность скрывается стремление обойти молчанием истинные намерения, которые заключаются в ограничении свободы выражения и установления дискриминации по происхождению.

Не случайно именно по этой причине Иллинойс, Вирджиния, Аляска и Оклахома в табл. 2.1 имеют по две даты провозглашения английского официальным языком: первые попытки были признаны антиконституционными Верховными судами этих штатов, потому что некоторые положения законодательных актов могут интерпретироваться как ограничения прав граждан. Кроме того, некоторые штаты сами создали путаницу, наделив статусом официального другие языки. Так, Аляска и Гавайи сделали коофици-

Bartolomé L. Understanding policy for equity in teaching and learning: A critical historical lens // *Language Arts*. 2008. Vol. 85 (5). P. 376–381.

³ *Del Valle S.* Language rights and the law in the United States: Finding our Voices (Bilingual Education & Bilingualism). Multilingual Matters, 2003.

альными четырнадцать языков коренных народов и гавайский язык соответственно. Но на Гавайях английский назначен основным официальным, а на Аляске наличие четырнадцати автохтонных официальных языков не обязывает «штат или муниципальные органы печатать документы, проводить собрания и митинги, а также вести другую правительственную деятельность на любом языке, кроме английского». В штате Канзас закон о провозглашении английского официальным языком также допускает двусмысленное толкование, допускающее эксклюзивность автохтонных языков: «Этот закон не может никаким образом толковаться как ограничение использования любого другого языка племенным правительством коренных народов Америки». Эта оговорка сделана из-за необходимости соблюдать языковые права коренных народов, закрепленные в «Федеральном законе о языках коренных народов Америки» 1990 г.¹ И в этом случае двусмысленность объясняется двумя противоположными мотивациями: с одной стороны, необходимостью соблюдать федеральное законодательство, с другой — стремлением ограничить языковые права миноритарных сообществ.

Главной целью политики официального английского, несомненно, является усиление роли английского языка, что эксплицитно выражено в законах 10 штатов. Но, независимо от словесных деклараций, вся политика выстроена так, чтобы английский становился основным языком штата, на который возлагается обязанность по его защите и развитию. Меры по защите и развитию английского требуют²:

а) предоставлять услуги, программы, публикации, документы и все материалы правительства на английском языке. Это требование содержится в актах 13 штатов;

б) избегать официальных действий или принятия законов, снижающих или игнорирующих роль английского как языка правительства. В эксплицитной форме содержится в актах 11 штатов;

в) защищать права людей, говорящих на английском: «никто не должен подвергаться какой-либо дискриминации или наказанию, потому что человек использует или пытается использовать английский в частной или публичной коммуникации». Необходимо отметить, что в США не зарегистрированы случаи дискриминации из-за использования английского, но имеется множество случаев дискриминации из-за использования, например, испанского или китайского;

¹ Native American Languages Act (Public Law 101–477). URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/101/s2167> (дата обращения: 30.11.2013).

² Nieto D.G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA // Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29 (96). P. 12–13.

г) предоставлять больше возможностей для изучения английского для новых иммигрантов. Многие штаты финансируют обучение английскому через программы обучения взрослых или программы обучения второму языку для неанглоговорящих детей.

Центральная роль в законодательных актах об официальном английском отводится системе образования. 18 штатов, или 60% участвующих, требуют обучения только на английском и ограничивают возможности учащихся, принадлежащих к меньшинствам, обучаться на своих *этнических языках*. Существуют две тенденции выразить это в законодательных актах: первая — прямо требовать, чтобы государственные, частные и религиозные школы вели обучение на английском языке. Вторая, более мягкая, требует, чтобы английский был основным языком обучения, а использование других языков допускается только в период перехода на обучение на английском, который должен быть, возможно, более коротким.

Кроме того, законодательные акты о государственном английском эксплицитно поощряют обучение иностранным языкам, поясняя, что они не относятся к нему. Законы штатов Юта и Айдахо имеют специальные статьи, в которых школьным библиотекам разрешается собирать и распространять учебные материалы по иностранным языкам и оказывать услуги на иностранных языках. В этих статьях говорится, что изучение иностранных языков полезно для англофонов, но носители других языков должны ограничиваться только английским.

У всех законов об официальном английском общими являются следующие положения: а) только английский должен быть языком обучения; б) для неанглоязычных обучающихся необходимо в срочном порядке разрабатывать специальные переходные программы; в) использование других языков, кроме английского, допускается только при изучении иностранных языков¹.

В законодательных актах об официальном английском этот термин сопровождается такими эпитетами, как «общий», «объединяющий», «законный», «основной» и «единственный язык правительства», которые выражают устойчивые идеологические представления, независимо от их действительных значений. Английский определяется как объединяющий компонент нации, решающий проблемы, порождаемые языковым разнообразием. Так, в законе штата Айдахо говорится: «В начале, Айдахо состоял из людей разных этнических, культурных и языковых происхождений... Айдахо смог построить штат из этого разнообразного материала благодаря общей связующей нити, английского языка. Общий язык позволял обсуждать и находить решения трудных проблем. Необходимость в этом велика

¹ Nieto D.G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA // Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29 (96) P. 14.

и сегодня». Эти индивиды «разных этнических, культурных и языковых происхождений» представляют собой исходный материал, который необходимо преодолеть для интеграции в штат Айдахо. Английский язык является катализатором для такой интеграции. Все эти «разные происхождения» представлены в английском языке, но только не черные, индейцы и цветные (ВІРОС). Утверждение, что английский позволяет решать «трудные проблемы» означает, что небелое население должно отказаться от своих этнических, культурных и языковых ресурсов для того, чтобы прийти к соглашению. Переход на английский язык представляется как мирный и добровольный, игнорируя акты насилия и жестокости в отношении коренных народов Америки и других этноязыковых меньшинств, чтобы они забыли свои языки и культуры¹. Поскольку английский воплощает в себе белую идентичность и играет центральную роль в основании США, белые языковые и культурные практики считаются главными компонентами американской идентичности, а идентичности ВІРОС — девиантными и опасными. Противостояние примату английского и белой идентичности рассматривается как оппозиция всем США. Американская идеология моноязычия связывает двуязычие с антипатриотизмом и отказом от американских ценностей. Это идеологическое положение выходит за рамки вопроса о языке и относится к связке «язык — этничность — раса».

На современном этапе обсуждения вопроса об официальном английском доминирует неолиберальный дискурс, который основан на индивидуалистическом рыночном подходе, который питается за счет антагонистической конкуренции. Этот подход применяется к социальным отношениям, в которых индивид ведет себя совершенно рационально с целью максимизации собственной прибыли. Исходя из этого неолиберального принципа рационального выбора и максимизации прибыли, политика официального английского представляет язык ключом к пользованию благами глобального капитализма, занятости, самодостаточности, экономическому росту, свободе и лучшему качеству жизни. Исходя из этого, рационально мыслящий индивид должен оставить свой этнический язык и перейти на английский для того, чтобы максимизировать свои шансы на успех. Поэтому культурное и языковое разнообразие является препятствием для формирования культурного и языкового капитала. Такая стратегия ведет не только к экономической и политической, но и к социальной и культурной гегемонии.

Поэтому законодательные акты определяют английский как необходимый элемент для инклюзии в доминирующий социум.

¹ Nieto D.G. Making It Official: The Institutionalization of the Hegemony of English in the USA // Education Policy Analysis Archives. 2021. Vol. 29 (96). P. 14.

Это должно приводить к мысли, что английский является языком возможностей, и что чем больше английского, тем лучше. Соответственно, расходы на двуязычное обучение, устные и письменные переводы считаются ненужными и дорогими, мешающими людям изучать английский. Законодательство подразумевает, что если все многоязычные услуги исчезнут, каждый будет учить и использовать английский.

Таким образом, исходя из парадигмы «одна нация — один язык» политика официального английского языка утверждает эксклюзивную роль английского как «общего языка американского народа» и старается регулировать, делегитимизировать и препятствовать использованию и изучению в США других языков. Политика официального английского включает задачу наказания носителей нестандартных вариантов языка, перекрывая им доступ к государственной информации, качественному образованию и государственным услугам. В дополнение ко всему эта политика рисует неанглофонов, особенно латиносов, как культурно и лингвистически отсталых, представляющих опасность для американских традиционных ценностей.

Несмотря на рост испаноязычного населения США (41 млн по итогам переписи населения 2011 г.), нет оснований считать, что английский теряет свой вес в США или в международном масштабе¹. Тем не менее такой рост воспринимается как опасность. Нужно помнить, что испанский как колониальный язык использовался еще за 100 лет до английского на территориях, являющихся частью современных США. Поэтому политика официального английского стремится утвердить белую англоязычную культуру и ее языковые практики в качестве «высочайшего стандарта».

Одним из самых вредных последствий политики официального английского является девальвация двуязычия и грамотности на двух языках. Расовый характер официального английского проникает в систему образования и имеет целью девальвировать языковые ресурсы небелых и представить их языки как проблему, тогда как только стандартный английский считается правом и ресурсом. Для этноязыковых меньшинств изучение английского эквивалентно понятию «образование». В результате в США наблюдается дефицит людей, владеющих вторыми языками, что ставит страну в невыгодное положение в глобальной конкуренции².

¹ Ricento T. Introduction / ed. T. Ricento // *Language politics and policies: Perspectives from Canada and the United States*. Cambridge University Press, 2019. P. 1–24.

² Wiley T.G. Diversity, super-diversity and monolingual language ideology in the United States: Tolerance or intolerance? // *Review of Research in Education*. 2014. Vol. 38 (1). P. 24–55.

2.2. СТАНДАРТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Одно из самых старых определений стандартного языка принадлежит О. Есперсену (1925): «это язык тех носителей, по чьему произношению нельзя понять, из какой они местности»¹. Уже тогда поднимался вопрос, является ли общий язык реальностью, если по нему нельзя определить региональное происхождение его носителей. На практике очень часто легко сказать, откуда происходит носитель стандартного языка, но в духе позитивистской философии лингвисты считали, что со временем разрыв между этим идеалом и языковой реальностью должен исчезнуть. Этот процесс выравнивания считался необратимым: «идеал будущего или ...конечная точка, к которой идет развитие, это та, в которой оба станут одинаковыми; другими словами, человек, который хочет говорить цивилизованно, будет сознательно стремиться к избавлению от всего диалектного»². Лингвисты в течение почти целого века, а социолингвисты — полувека, изучали в основном регионально или национально обусловленную вариативность языков. Критерий региональной безакцентности был основным элементом определений стандартных языков, используемых в западноевропейских странах, откуда он распространился на идеологию стандартного языка в США. И сегодня отсутствие регионального акцента является важнейшим признаком, потому что «мы хотим, чтобы язык был географически нейтральным, так как думаем, что эта нейтральность принесет с собой расширение круга общения»³.

Современные определения стандартных языков, кроме географических признаков, включают диалекты, социолекты и специальные языки, а понятие нейтральности не ограничивается безакцентностью, но включает морфологические и синтаксические элементы.

Актуальность проблемы стандартных языков возросла во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в связи с превращением национализма в политическую идеологию и образованием европейских национальных государств. Стандартизация как основной метод реализации языковых идеологий представлялась как исторический и культурный феномен, и только с наступлением раннего и позднего модерна мифы и идеологии, связанные с появлением стандартных языков, стали рассматриваться с социолингвистической точки зрения. Что касается нейтральности стандартных языков, она представляет такой же миф, как и сами стандартные языки.

¹ *Jespersen O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Oslo: H. Aschehoug & Co, 1925. P. 78.

² *Haeringen C.B., van.* Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak // *De Nieuwe Taalgids*. 1924. № 18. P. 65–66.

³ *Lippi-Green R.* English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States. 2nd ed. London ; New York: Routledge, 2012. P. 60.

Выделяются два типа нейтральности: нейтральность как общее пространство и нейтральность как немаркированность¹. В первом случае языковые формы или варианты считаются нейтральными в том смысле, что эти общие формы используются для междialeктной коммуникации. Исторически маловероятно, что это могло происходить в устной коммуникации. Что касается письменной формы, в западноевропейских языках такие обобщения происходили неоднократно. Но такие формы не являются нейтральными, поскольку они имеют разное региональное и (или) социальное происхождение и используются носителями с очень разными региональными и социальными корнями. В историческом металингвистическом дискурсе общие формы считаются дополнительными, а нейтральный вариант языка — дополнительным вариантом для специальных целей. Развитие стандартных языков не заменяет существующие варианты, но добавляет новое измерение к социалингвистическому пространству.

Никакая нейтральность не может существовать в сочетании с идеологией иерархии вариантов языка, когда один вариант считается лучшим по отношению к остальным, что приводит к субординации языков.

Но уже в 1800-х гг. нейтральность как общее пространство трансформировалась во второй тип — нейтральность как немаркированность. Произошел дискурсивный сдвиг, при котором общие формы больше не маркируются их использованием для междialeктной коммуникации и становятся стандартными, тогда как другие формы и варианты, которые раньше использовались как общие, становятся необщими и нестандартными, из-за чего их следует избегать.

Нейтральность как общее пространство исторически предшествует нейтральности как немаркированности, которая впоследствии становится доминирующим типом.

Но в XX в., благодаря появлению и развитию социалингвистики, сформировалось понимание, что для определения стандартного языка недостаточно ограничиваться чисто лингвистическими признаками и необходимо использовать социалингвистические признаки, связанные с расовым, этническим, социальным и образовательным статусом носителей.

Сегодня стандартный английский — это противоречивый термин для обозначения варианта английского языка, на котором говорят (Standard English — SE) и пишут (Standard Written English — SWE) образованные носители. Это понятие трудно определить, но оно широко используется, хотя самые образованные люди не знают, что оно

¹ Rutten G. Standardization and the myth of neutrality in language history // International Journal of the Sociology of Language. 2016. № 242. P. 28.

точно обозначает¹. В США для обозначения американского варианта стандартного английского чаще используется термин «общий английский» (General American — GA).

В качестве рабочего определения можно принять следующее: «Стандартный английский (далее SE) — это форма английского языка, подвергшаяся существенной регламентации и ассоциирующаяся с формальным образованием, оценками уровня владения языком. Он включает все языковые признаки (морфологию, фонологию, синтаксис, лексику, речевые регистры, дискурсивные маркеры, прагматику), а также признаки письменного языка SWE (орфографию, пунктуацию, правила использования прописных букв и образования аббревиатур). SE повсеместно признается как правильный вариант и часто используется в официальных ситуациях, а также, когда нужно быть вежливым. Однако в разных англоязычных странах существуют небольшие различия в стандартном языке»².

Чаще всего этот термин одновременно обозначает реально существующий вариант языка и идеальную норму английского языка, приемлемую в любых социальных ситуациях. Как языковой вариант SE обозначает язык, используемый в публичном дискурсе и в регулярных коммуникациях американских социальных институтов. СМИ, правительственные учреждения, юристы, преподаватели школ и университетов используют SE как адекватный инструмент коммуникации, прежде всего, в письменной форме, но также и в публичных выступлениях³.

Конвенциональность языкового узуса носит скрытый характер: правила SE не устанавливаются судами, но возникают в результате имплицитного консенсуса в виртуальном сообществе писателей, читателей и издателей. Этот консенсус меняется с течением времени неплановым и неконтролируемым образом, как меняется мода. Еще в 1990-х гг. никто не мог предположить, что уважаемые мужчины и женщины будут делать себе пирсинги и татуировки или носить майки с портретом Мао Дзэдуна. Точно так же, знаменитые писатели, сами назначавшие себя хранителями языка, начиная с Джонатана Свифта, не могли представить, что осуждаемые ими употребления слов станут нормой языка образованных людей⁴.

¹ Nordquist R. Standard English (SE). Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms. URL: <https://www.thoughtco.com/standard-english-1692137> (дата обращения: 01.12.2023).

² Standard English. URL: <https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/> (дата обращения: 07.12.2023).

³ The American Heritage Guide to Contemporary Usage and Style. Houghton Mifflin Harcourt, 2005.

⁴ Pinker S. False Fronts in the Language Wars. Slate. May 31, 2012. URL: <https://slate.com/culture/2012/05/steven-pinker-on-the-false-fronts-in-the-language-wars.html> (дата обращения: 01.12.2023).

SE во всем мире не является полностью однородным. Так, например, американские носители SE говорят *first floor* и *I've just gotten a letter*, пишут *center* и *color*, а британские носители говорят *ground floor* и *I've just got a letter*, пишут *centre* и *colour*. Но эти региональные особенности незначительны по сравнению с высокой степенью договоренности относительно того, какие формы считаются стандартными. Важно понимать, что сам по себе SE ни в каком отношении не превосходит любой другой вариант английского языка: он не является ни более логичным, ни более грамматичным, ни более экспрессивным. Его достоинства являются результатом договоренности: использование единых стандартных форм, которые изучают носители по всему миру, минимизирует трудности взаимопонимания и позволяет избегать неясностей и ошибок.

Своим возникновением SE обязан лондонскому английскому, который с XV в. доминировал в Восточном Мидленде как более или менее однородный диалект. История SE — это, прежде всего, история лондонского диалекта¹.

В XVII в. лексикограф Томас Блаунт заявил, что Вавилонская башня диалектов делает англичан нацией самопровозглашенных чужаков, отстраненных друг от друга из-за многообразия используемых языковых форм. Свой словарь, изданный в 1656 г., он посвятил делу «англизации английского языка». Речь еще не шла о SE, но об осознании существования диалектов и вариативности дискурса, характерных для английского языка эпохи Возрождения и определявших языковую культуру раннего английского модерна².

В XIX в. термин «стандартный английский» обозначал общий и универсальный вариант английского языка. В 1930-х гг. он стал ассоциироваться с социальным классом и стал считаться языком образованных людей. Одним из главных символов класса стало считаться произношение. Такой подход был очень распространен в Англии и в меньшей степени в США, где большую часть населения, даже образованного, составляли иммигранты с другими первыми языками.

Несмотря на то что английский язык непрерывно распространяется и развивается, многие известные лингвисты возражают против любых изменений SE и рассматривают включение в него региональных и социальных диалектов, таких как *Southern English* или *Appalachian English*, как позор для английского языка. Диалекты GA особенно распространены в сельской местности, на Западном побережье, в Новой Англии и на Среднем Западе. Однако GA продолжат

¹ *Baugh A.C., Cable T. A History of the English Language. 5th ed. Prentice Hall, 2002.*

² *Blank P. The Babel of Renaissance English / ed. L. Mugglestone // The Oxford History of English. Oxford University Press, 2006. P. 240–256.*

пользоваться большим почетом в обществе, а носителей южных или северных диалектов, например в Детройте или Чикаго, носители GA считают грубыми и необразованными.

Многие успешные люди в США говорят с региональным акцентом или на региональном диалекте, поэтому использование GA не является обязательным признаком классовой принадлежности: в США маркером классовой принадлежности является успешность и размер состояния, а не родословная, семья или образование. Нестандартные диалекты часто ошибочно считаются «неправильными», но лингвисты настаивают на том, что стандартный английский ни в чем не превосходит разговорные диалекты. С лингвистической точки зрения диалекты имеют такой же статус, что и GA: «стандартный английский не имеет права утверждать, что он более приемлем, чем другие диалекты, если только мы не указываем, для кого это приемлемо»¹. Тем более что социальная мобильность и контакты ведут к стиранию различий между диалектами и развитию новых признаков, которые воспринимаются носителями в больших ареалах.

Таким образом, GA противопоставлялся диалектам, которые развиваются естественным путем, тогда как все SE в мире создаются по единой модели: правительственные чиновники и ученые выбирают грамматику, произношение и словарь одного или более диалектов, имеющих высокий социальный статус, и решают, что этот вариант станет их стандартным английским. На сегодняшний день статусом SE обладают следующие национально-территориальные варианты²:

- австралийский, новозеландский и южнотихоокеанский стандартный английский;
- британский и ирландский стандартный английский;
- американский стандартный английский (General American);
- канадский стандартный английский;
- карибский стандартный английский;
- восточно-, западно- и южноафриканский стандартный английский;
- южноазиатский стандартный английский;
- восточноазиатский стандартный английский.

Согласно модели колеса, предложенной британским лингвистом Т. Мак-Артуром в 1987 г., эти языки как бы представляют собой спицы, исходящие из центральной точки колеса, названной «Всемирный стандартный английский» (World Standard English). Эти

¹ Trudgill T. The Dialects of English. 2nd edition John Wiley & Sons, 2000. P. 13.

² Strevens Model of English. StudySmarter GmbH, 2023. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/english/international-english/strevens-model-of-english/> (дата обращения: 03.12.2023).

спицы, если продолжать метафору колеса, затем образуют субкатегории, представляющие локальные варианты английского¹.

Остальные национально-территориальные варианты английского языка, входящие в понятие «мировые английские» (Word Englishes), находятся на разных этапах стандартизации². Таким образом, в мире существует не один SE, а много разных SE: General American, Standard British English, General Australian, Standard Scottish English и др. Но численность людей, говорящих на этих SE, не велика: большинство носителей говорят на своих диалектах, со своими собственными акцентами, которые могут значительно отличаться от стандартной нормы. Каждый вариант SE имеет свои особые стандартные правила грамматики, пунктуации, правописания, форм глагола и т.д.

Этим носители английского как первого/материнского языка отличаются от людей, изучающих английский язык, которые обучаются стандартному варианту и правильно делают, потому что диалекты значительно отличаются друг от друга. Но большинству носителей английского как первого языка также приходится изучать свой стандартный вариант, как только они поступают в школу. Но поскольку их первым языком на самом деле является язык родителей, соседей или одноклассников, они часто приобретают региональный акцент, который сохраняют, даже когда они говорят на SE.

Нельзя сказать, что стандартные языки полностью бесполезны: изучающим иностранные языки важно владеть единой формой, на которой они могут общаться в разных уголках мира. Но SE претендуют на звание «единственной правильной формы» английского или на более высокий статус.

Стандартный английский, используемый в США, носит название General American (сокр. GA). Он не имеет регионального акцента и является не географическим, а социальным диалектом, хотя берет свое начало от северо-восточного диалекта Новой Англии, откуда его разнесли иммигранты и печатные СМИ. Но во многих городских ареалах северо-востока США за последние 80 лет появились региональные акценты, например, бостонский. В то же время существует общий американский акцент, который позволяет отличить носителя GA от носителей других стандартных вариантов, но не позволяет определить регион, из которого происходит американец.

¹ Strevens Model of English. StudySmarter GmbH, 2023. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/english/international-english/strevens-model-of-english/> (дата обращения: 03.12.2023).

² *Laperre E.* There's no such thing as Standard English. URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2020/02/24/no-such-thing-as-standard-english/> (дата обращения: 02.12.2023).

Чем же не является SE? Он не является произвольным, априорным описанием английского языка, формой, связанной со стандартными моральными ценностями, литературными достоинствами, пуристской чистотой языка или с любыми другими метафизическими рассуждениями. Он не может определяться или описываться в таких терминах, как «лучший английский», «литературный английский», «оксфордский английский» или «английский БиБиСи», либо через узус определенной группы носителей или какого-либо социального класса. SE — это не английский высшего класса, и его использование встречается во всех социальных слоях общества, хотя не обязательно он используется всеми членами всех классов. Статистически это не самая частотная форма английского и определение «стандартный» не значит самый часто слышимый. Он не навязывается носителям, но его использование индивидами есть результат длительного процесса обучения. SE не является также результатом сознательного языкового строительства или языковой философии, что, например, произошло с французским в результате работы Французской академии, или с ивритом, ирландским, уэльским, малазийским бахаса и пр. Он не имеет четко определенной нормы, которая регулируется и поддерживается каким-либо официальным или полуофициальным органом, карающим за его неиспользование или неправильное использование¹.

Модель английского языка, предложенная британским лингвистом П. Стривенсом, бывшим председателем Ассоциации по преподаванию английского как иностранного языка (IATEFL), строится на следующих положениях²:

- модель мировых английских может быть представлена в виде древовидного графа, показывающего, как разные варианты английского образовывались от американского и британского вариантов;

- ни один вариант английского не может быть выше или ниже любого другого, и английский больше не принадлежит тем, кто говорит на нем как на своем этническом языке;

- стандартные американский и британский варианты не обязательно лучшие для использования в школах и других формальных ситуациях в других странах, чем более локальные варианты, легче принимаемые населением;

- «английский» (English) — это родовый термин, относящийся ко всем языкам, а «английские» (Englishes) — обозначают видовые варианты языка, входящие в это родовое понятие.

¹ *Lapierre E.* There's no such thing as Standard English. URL: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2020/02/24/no-such-thing-as-standard-english/> (дата обращения: 02.12.2023).

² *Strevens P.* What Is 'Standard English'? // *RELC Journal*. 1981. Vol. 12 (2). P. 1–9.

Существует большое количество грамматик, словарей и учебных пособий для желающих пользоваться SE на письме. Эти книги естественным образом используются как руководства по SE, но зачастую их рекомендации, относящиеся к письменному английскому, применяются к его устной форме. Однако нормы письменного и устного языков не одинаковы: люди не говорят так, как в книгах, даже в самых официальных ситуациях. Если пытаться описать устную речь с точки зрения письменной нормы, приходится брать за точку отсчета речь «лучших людей», т.е. образованного или высшего класса. Но и это не решает проблему, потому что даже образованные люди используют много разных форм¹.

Если SE не является ни языком, ни акцентом, ни стилем или регистром, нужно постараться определить, чем же он является. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что это диалект: SE — это один из вариантов английского среди многих. Исторически SE был отобран (не путем открытого и сознательного решения) как стандартный вариант потому, что он ассоциировался с социальной группой, обладающей властью, богатством и престижем. Дальнейшие трансформации усилили его социальный характер: он использовался в образовании как язык обучения, и дети, особенно в ранний период, имели разный доступ к нему в зависимости от их социального происхождения.

В странах, где большинство населения говорит на английском как на первом языке, один из диалектов используется в национальном масштабе для официальных целей; он и получает название SE и используется главным образом в печатных текстах. Дети изучают его в школах и обязаны использовать в письменных работах, пользуясь при этом словарями и грамматиками. Им же обязаны пользоваться чиновники, судьи, журналисты в национальных печатных и электронных СМИ. Этот стандартный диалект в отношении грамматики, словаря, орфографии и пунктуации внутренне относительно однороден. Самым стабильным элементом SE является грамматика.

Хранителями SE являются его носители от рождения, т.е. люди, которые усвоили определенный набор условностей, в общем связанных с кодификацией английского и его описанием в словарях, грамматиках и нормативных учебниках. Для большинства таких носителей от рождения английский язык представляется уникальной целостностью, которая существует независимо от своих носителей. Не считая себя собственниками английского языка, эти носители позиционируют себя как хранители чего-то драгоценного: они раздражаются, когда слышат или читают, как английский используется неправильно, и пишут в письмах в газеты, что язык деградирует.

¹ Thomas L., Singh I., Peccei J.S., Jones J. Language, Society and Power: An Introduction. Routledge, 2004. P. 229.

Но есть люди, которые считают, что они имеют права и привилегии, которые ощущают себя хозяевами английского языка, которые могут давать оценки, что является приемлемым, а что нет, или которым эти полномочия даны другими людьми, которые обычно не принадлежат к речевому сообществу владеющих английским с детства. Носители нестандартных вариантов, т.е. большинство носителей английского от рождения, не имеют никакой власти над SE и не ощущают себя его «собственниками». Настоящими хозяевами являются те, кто научился, как использовать SE с целью расширения своих возможностей.

Таким образом, право делать авторитетные заявления насчет SE захватили те, кто, независимо от случайностей своего рождения, сами возвысились или были возвышены до ответственных должностей в образовании, издательском бизнесе или других публичных сферах¹.

Исходя из сказанного выше, SE в англоязычной стране можно определить как миноритарный вариант, отличающийся своим словарем, грамматикой и орфографией, пользующийся большим престижем и понимаемый всеми². В это понятие входят следующие признаки:

- 1) SE является вариантом английского языка, оригинальным сочетанием языковых признаков, имеющих особую функцию;
- 2) языковые признаки SE относятся преимущественно к грамматике, словарю и орфографии (правописание и пунктуация), но не к произношению;
- 3) SE — это вариант английского, пользующийся в стране наибольшим престижем;
- 4) престиж SE признается взрослыми членами сообщества, что мотивирует их рекомендовать его как желательную цель образования;
- 5) хотя SE понятен каждому, он не является самым распространенным. Только меньшинство населения страны используют его в устной речи. Даже на письме он остается миноритарным, потому что его обязательное использование требуется только для определенных целей. Чаще всего он используется в печатных текстах.

2.2.1. Нестандартные варианты американского английского

Сегодня более 13% американцев имеют афроамериканское происхождение. В основе афроамериканского сообщества лежит транatlантическая торговля, и большинство афроамериканцев являются потомками рабов. Термин афроамериканцы применяется также к потомкам недавних иммигрантов из Африки. Афроамериканцы образуют большую и разнородную группу людей и далеко не все из них говорят на афроамериканском английском (AAE).

¹ *Roberts P.* Set Us Free From Standard English // *The Guardian*. January 24, 2002.

² *Crystal D.* *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press, 2003. P. 296.

Большая группа американских англофонов рождается со стигматами черных людей. В эпоху рабовладения эти стигматы были закреплены в законах, и даже после отмены рабства принимались законодательные меры, направленные на то, чтобы затруднить черным свободный доступ к голосованию, хорошему образованию, транспорту и т.д. В эпоху признания гражданских прав юридические препятствия были устранены, но общество уже свыклось с ними. И сегодня черные в пять раз чаще белых попадают в тюрьмы, хотя составляют всего 13% населения США. Поэтому неудивительно, что диалект, на котором говорит большая часть черного населения, также подвергается стигматизации. Говорящие на афроамериканском диалекте английского (African American Vernacular English — AAVE, другое название эбоникс) не считаются свободно говорящими по-английски. Тем не менее большинство англоговорящих американцев, где бы они ни жили, в той или иной степени знакомы с AAVE благодаря широкому распространению культуры черных через фильмы и музыку, особенно хип-хоп. Несмотря на стигматизацию этого диалекта в самой Америке, он широко распространяется по миру, потому что считается романтическим аргументом гангстеров и наркодилеров. Когда американец, британец или австралиец читает фразу типа «I ain't lyin'», или «I ain't never seen nothin' like it», или «He be workin' hard», он может определить принадлежность пишущего к черному сообществу, представив в уме его акцент и интонацию. Носители этого диалекта образуют группу с низким социальным статусом, которая ассоциируется с понятием «гетто». Это слово, имеющее расовое содержание, имеет и географическое значение. В тех городах, где в течение десятилетий черные составляют большинство, особый язык является маркером физической и социальной изоляции (геттоизации).

Носители из низших социально-экономических классов стараются избыточно использовать нестандартные варианты, потому что они раньше бросают образование, не работают по либеральным профессиям и не имеют потребности ассоциироваться со специальной лексикой или престижными способами выражения. Однако использование нестандартных диалектных слов, грамматических моделей и произношения снижается по мере получения индивидом образования и желания подражать носителям из других социальных классов. Социальная мобильность ведет к нивелированию диалектов, т.е. уменьшению различий и развитию новых признаков, результатом чего становится языковая гомогенизация.

Попытка поднять социальный статус афроамериканского диалекта английского была предпринята Бараком Обамой в период его предвыборной кампании. В 2008 г., за шесть месяцев до выборов первого черного президента, выступая на стадионе, где собрались около 20 тысяч человек, принадлежащих к разным расам, с энтузиазмом приветст-

вовавших своего кандидата, Обама в основном обращался к черной публике, собравшейся перед трибуной. Для общения с мультирасовой аудиторией он выбрал афроамериканский диалект, что очень воодушевило слушателей: после первого «президента для черных», каким они считали Билла Клинтона, наконец-то в Америке может появиться первый афроамериканскоговорящий президент. В течение всей предвыборной кампании люди, принадлежащие ко всем частям политического спектра, комментировали язык, который использовал Обама для выступлений перед избирателями. Но как отмечали лингвисты, Обама говорил не на настоящем афроамериканском диалекте, хотя очень старался¹.

Многочисленные исследования, посвященные президентству Б. Обамы, обычно концентрируются на его расовой политике, не отмечая, что язык лежит в центре расовой политики США. Несмотря на постоянные насмешки над афроамериканским английским, использование Обамой черной модели дискурса было важным фактором, способствующим его избранию сорок четвертым президентом США. Расовую политику Обамы необходимо рассматривать через призму языка: хотя язык редко принимается во внимание исследователями проблем расы и этничности, он играет ключевую роль в построении расовых и этнических идентичностей. В Америке язык часто рассматривается как самый мощный инструмент культуры, который позволяет отличать Нас от Других. Он является главным средством позиционирования каждого и целых групп в рамках социальной иерархии, которая глубоко укоренена в сознании среднего американца.

История семьи Б. Обамы, его жизненный опыт и межкультурная социализация в многорасовой среде как внутри, так и за пределами США, способствовали приобретению навыков переключения стилей речи. Поскольку в молодости он учился в американской школе, где расовые различия ощущались даже в группах друзей, ему пришлось выучиться говорить на «нескольких разных формах одного языка». Так же, как многие двуязычные и бикультурные американцы используют переключение кодов (*codeswitching*) между двумя языками (например, между английским и испанским), другие такие же двуязычные и бикультурные прибегают к смене стилей (*styleshifting*) — переключению языковых стилей между вариантами одного языка (например, между пуэрториканским английским и стандартным американским английским)².

¹ *Alim H.S., Smitherman G. Articulate while Black: Barack Obama, language, and race in the U.S. N.-Y.: Oxford University Press, 2012. P. 2.*

² *Alim H.S. You Know My Steez: An Ethnographic and Sociolinguistic Study of Styleshifting in a Black American Speech Community. Durham: Duke University Press, 2004.*

Способность Б. Обамы к смене стилей, которая является одной из самых замечательных его языковых способностей, разделяют многие афроамериканцы, которые живут одновременно в черном и белом языковом окружении. Черные американцы гораздо чаще, чем белые, отмечали способности Обамы к смене стилей, тогда как белые и все прочие называли его язык «просто белым английским»¹. Одна афроамериканка так определила его язык: «Он может преодолеть линию между стандартным английским и полуафроамериканским диалектом. Это не настоящий афроамериканский, судя по тому, как он использует грамматику..., но его манеры и стиль речи (то, как он произносит некоторые гласные и использует жаргонные термины), характерны для речи черных». Таким образом, комбинируя оба стиля, Обаме удавалось обращаться к более широкой аудитории избирателей. Белые не чувствовали себя чужими, а черные узнавали свои речевые модели.

Владение стандартным американским английским GE является обязательным для американских политиков, но Обаме удавалось комбинировать два варианта, причем черный вариант считался более важным для завоевания черного электората. Однако избиратели, принадлежащие к разным расам, отмечали его хорошее владение стандартным английским, указывавшее на то, что «он происходит из высшего эшелона американской системы образования».

Тем не менее лидер сенатского большинства Г. Рейд (демократ от штата Невада), говоря об отличии Обамы от предшествующих черных кандидатов на пост президента, заявил, что теперь белые американцы могут голосовать за Обаму, в частности, потому, что он «светлокожий» (light-skinned) и «говорит не на негритянском диалекте, хотя очень хочет»². То есть он связывал возможность выбора афроамериканца с тем, что тот говорит, как белый.

Хотя смена стилей может показаться простым и смешным приемом, она связана со сложными проблемами идентичности и власти. Американцы признают, что далеко не каждый может делать это как Обама, потому что не каждый с детства сталкивался с речевыми практиками белых и черных. Никто не ожидал от белых кандидатов попыток подражать речи черных, латиносов или коренных народов Америки, но Обама был вынужден говорить как белый: «Для того чтобы афроамериканец стал президентом страны, управляемой преимущественно белыми мужчинами, он должен публично уничтожить все следы своего черного происхождения»³. Поэтому языковая гибкость Обамы является не только следствием его жизненного опыта,

¹ Alim H.S., Smitherman G. *Articulate while Black: Barack Obama, language, and race in the U.S. N.-Y.*: Oxford University Press, 2012. P. 5.

² Ibid. P. 24.

³ Ibid. P. 23.

но также ответом на потребность, ощущаемую многими черными американцами, чтобы Белая Америка продолжала поддерживать отношение любви/ненависти с Черной Америкой и ее языком, потому что, несмотря на распространение и популярность языка черных среди белых (разные виды словесного и музыкального творчества), белые американцы продолжают рассматривать языковые формы, используемые черными, как признаки интеллектуальной неполноценности и моральной ущербности.

2.2.2. Стандартный американский английский как миф

Основная функция мифа — оправдание существующего социального порядка. Миф укрепляет традиционные социальные ценности, возводя традиции на пьедестал. Поскольку миф находит корни настоящего в прошлом, он становится социальной хартией будущего, которое будет точной копией настоящего.

Многие лингвисты считают, что сама идея о существовании разговорного стандартного языка представляет собой миф, т.е. гипотетический конструкт. Они предпочитают говорить об идеальном языке, с которым связано представление о высокой степени совершенства.

Не много изменилось с тех пор, как Джонатан Свифт в 1712 г. опубликовал послание графу Оксфордскому «Предложение об исправлении, усовершенствовании и уточнении английского языка»¹. Он намеревался защищать английский язык от его носителей и считал, что имеет на это полное право. Эта идея использовалась нацистами во время Второй мировой войны, развесившими в Голландии плакаты с лозунгом «Плохая грамматика разрушает нации. Получи образование сегодня!»² Эта идея жива и в наши дни.

Дж. Килпатрик так описывает задачи современных борцов за «настоящий английский»: «Работа лексикографов заключается в дистрибуции узуса на разных уровнях, в указании, что является американским стандартным английским, а что нет... Является ли один более низким, чем другой? Конечно. Кто это сказал? Это молчаливое, общее мнение писателей, издателей, преподавателей, составителей нормативных словарей. Внедрение стандартов в язык — спорный вопрос, но кто-то должен делать это. Без стандартов, без определений, без структурных законов мы впадаем в языковую анархию»³.

¹ *Swift J.* A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue. URL: <https://jacklynch.net/Texts/proposal.html> (дата обращения: 07.12.2023).

² *Lippy-Green R.* The standard language myth // *Lippi-Green R.* English with an accent. Routledge, 2011. P. 56.

³ *Kilpatrick J.J.* Papers, 1925–1966. University of Virginia Library, Charlottesville, Va, 1999. URL: <http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml> (дата обращения: 08.12.2013).

Людам, не являющимся профессиональными лингвистами, удобно жить с идеей стандартного языка, и средний обыватель положительно относится к его описанию и определению, точно так же, как каждый может нарисовать единорога или рассказать, кем был король Артур, поскольку они являются частью общего культурного наследия.

То же самое происходит со стандартным американским английским. Сравним два определения стандартного американского английского (GA).

1) Стандартный американский английский. Термин, имеющий разные определения и сильно политизированный, но в общем случае это форма английского, которая принимается и понимается во всех англоязычных странах и стремится основываться на речи образованных людей в определенных ареалах... Он используется в газетах и радиовещании и является формой, которая обычно преподается изучающим английский¹.

2) Стандартный американский английский: английский, который, соблюдая орфографию, грамматику, произношение и лексику, является в основном однородным, хотя не лишенным региональных различий; он хорошо закрепился использованием в формальной и неформальной речи и на письме образованными людьми и признается допустимым везде, где говорят и понимают английский язык².

В обоих определениях утверждается, что с точки зрения использования устная и письменная формы языка равнозначны. В словаре Мерриам-Вебстер орфография приравнивается к произношению и это все усугубляется смешением формального и неформального использования языка. Хотя эти определения признают наличие региональных различий, в них ничего не говорится о социальных различиях; единственно, говорится, что это язык образованных людей.

Что такое образованный человек, нигде не определяется. Тем не менее лексикографы считают, что менее образованные люди должны полагаться на авторитет более образованных, потому что те имеют специальную подготовку. Таким образом, главной характеристикой стандартного американского английского является высокий уровень образования его носителей. Более подробная информация о том, как лексикографы определяют параметры языка образованных людей, была получена только от редактора фонетической части словаря Мерриам-Вебстер: «Узус определяет приемлемость. Нет другого произвольного способа принимать решения»³.

¹ Pocket Fowler's Modern English Usage/ eds. H.W. Fowler, R.E. Allen. Oxford University Press, 1999. 634 p.

² The Merriam-Webster Dictionary. Revised edition. Merriam-Webster Mass Market, 2004. 939 p.

³ Lippi-Green R. The standard language myth // Lippi-Green R. English with an accent. Routledge, 2011. P. 58.

При этом превосходство письменной формы не подлежит сомнению: более образованные люди более склонны к письменному языку и литературной традиции и пишут лучше, чем менее образованные.

Самые идеологизированные определения стандартного языка принадлежат тем, кто занимается продвижением этого понятия. Многие писатели любят высказываться на тему того, как нужно писать и говорить по-английски. Свое право на такие высказывания они считают естественным. Эти люди делают себе карьеру, создавая прескриптивную норму, потому что на нее есть спрос.

Ссылки на авторитет образовательных учреждений и неназванных экспертов незримо присутствуют в словарных определениях нормативных словарей, в которых смешиваются устная и письменная формы языка.

Американские социолингвисты, как по-отдельности, так и все вместе, пропитаны языковой идеологией и используют термины «стандартный» и «нестандартный», хотя сами признают их идеологическими и неадекватными. Основополагающая работа У. Лабова содержит доказательство того, что молодой носитель AAVE способен также хорошо, а иногда даже лучше, строить логические аргументы, чем молодой носитель других вариантов английского¹. С момента выхода его работы вышли сотни публикаций, подтверждающих правоту Лабова. Однако устойчивость терминов «стандартный» и «нестандартный» в среде лингвистов является наследием языковой идеологии. Необходимо отказаться от этой идеологической позиции, которая овеществляет ГА и считает его естественной и необходимой социолингвистической реальностью.

Существует также проблема наименований языковых вариантов, рас и этничностей. Терминология, используемая Бюро по переписи для идентификации рас, вызывает вопросы с многих точек зрения, но главный — различаются ли в ней раса и этничность. В ней нет терминов для обозначения людей, чьи семьи происходят из какой-нибудь испаноязычной страны (табл. 2.2). Но латиносы (Latinos) или испанцы (Hispanics) могут принадлежать и фактически принадлежат к разным расам².

Таблица 2.2

Соглашения о наименованиях и их альтернативы, используемые Бюро по переписи

Наименование по соглашению	Альтернатива
White	Anglo, White
Black, African American	African American, Black

¹ Labov W. The Logic of Non-Standard English // Monographs on Language and Linguistics. Vol. 22. Georgetown, 1969. P. 1–33.

² Lippi-Green R. The standard language myth // Lippi-Green R. English with an accent. Routledge, 2011. P. 62.

Наименование по соглашению	Альтернатива
Hispanic	Latino/a
American Indian	American Indian
Asian	Asian
Native Hawaiian	Hawaiian

Категория White никак не коррелирует с категориями Asian или African American. Категория Anglo исторически включала англосаксов с Британских островов, затем значение этого термина расширилось. Тем не менее категории European American (Евроамериканцы) или Anglo-American (Англоамериканцы) в классификации отсутствуют.

Насчет происхождения AAVE существуют две противоречивые версии. Некоторые лингвисты считают, что он похож на варианты английского, используемые белыми в южных штатах США, которые также составляют особый диалект, другие полагают, что это креольский язык, независимо образовавшийся на базе GA и более употребительный, чем обычный диалект¹.

На самом деле диалект AAVE не менее сложен и не менее экспрессивен, чем более престижные формы английского языка. Так случилось, что он стал средством коммуникации маргинальной и экономически обездоленной части народа.

Этот вариант GA имеет несколько отличительных языковых характеристик. Прежде всего, бросается в глаза опущение личных форм глагола to be в функции глагола-связки, но только в настоящем времени.

AAVE имеет только одно существенное отличие от GA — время Remote Present Perfect, например, «She been married». Эта фраза эквивалентна не «She has been married», а «She is married and has been for some considerable time».

В отличие от GA, допускающего в одном предложении один модальный глагол, в AAVE применяется двойная модальность, когда в одном предложении используются два модальных глагола: «I might could go to the party».

Еще одним отличительным признаком AAVE является использование двойных отрицаний: «I ain't never seen nothin' like it». В SE и GA было бы «I haven't ever seen anything like it». Здесь речь идет не о логическом отрицании, но о распространенной лингвистической стратегии «отрицательного согласования»².

¹ Richards J., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 4th ed. London: Pearson, 2010.

² Sidnell J. African American Vernacular English (Ebonics). URL: <https://www.hawaii.edu/satocenter/langnet/index.html> (дата обращения: 05.12.2023).

В 1977 г. Лингвистическое общество Америки опубликовало резолюцию по поводу AAVE: «Системный и экспрессивный характер грамматических и произносительных моделей афроамериканского диалекта был подтвержден многочисленными научными исследованиями в течение тридцати прошедших лет. Характеристики эбоникса как “сленга”, “мутанта”, “ленивого”, “дефективного”, “аграмматичного” и “ломаного английского” неправильны и унизительны. Очевидно, на примере Швеции, США и других стран, что носители других вариантов нуждаются в помощи при изучении стандартного варианта с использованием педагогических приемов, признающих легитимность других вариантов языка. С этой точки зрения, решение Оклендского совета по образованию признать диалект черных школьников при изучении ими стандартного английского лингвистически и педагогически обоснованно»¹.

Разговорный GA является самым фамильярным диалектом американского английского, но у него есть и другие разговорные варианты. Среди самых отличающихся вариантов выделяется, кроме афроамериканского английского AAVE, чиканский английский (Chicano English — сокр. ChE). Эти варианты используются двумя главными этническими группами США и могут считаться этнолектами.

Самой большой неевропейской группой иммигрантов в США являются испанцы (испаноязычные — Hispanics), составляющие 18,5% населения. Испаноязычные иммигранты сконцентрированы главным образом в юго-западной части США — обширном испаноязычном ареале, население которого использует испанский как первый язык, а английский — как второй. Более 40 миллионов человек в возрасте старше пяти лет дома говорят на испанском языке. Эта смесь языков породила несколько вариантов, самым значительным из которых является чиканский английский.

ChE тесно связан с испанским, что особенно ярко проявляется в произношении. Согласные звуки в нем произносятся так же, как в испанском. Он в больших масштабах ассимилирует испанские слова и выражения, замещающие английские эквиваленты. Так, *my love* становится *mi amor*. Они используются также в качестве дополнительной информации для эмфатического усиления высказывания: «*I will protect you, te lo prometo con todo mi corazón*».

Для того чтобы определить роль ChE в американском обществе, необходимо учитывать социально-культурный контекст его использования и низкий престиж, который он имеет в разных слоях населения,

¹ *Rickforf J.R.* What is Ebonics (African American English)? URL: <https://www.linguisticsociety.org/content/what-ebonics-african-american-english> (дата обращения: 04.12.2023).

потому что он используется беднейшей группой населения, близкой к афроамериканцам и коренным народам Америки¹.

Как AAVE, так и ChE являются низкопрестижными вариантами и считаются помехами на пути достижения успеха в американском обществе. Кроме того, ChE не так популярен в народной культуре, как AAVE. В отличие от AAVE, который в некоторых местах пытается проникнуть в систему образования, ChE не имеет никакой академической поддержки.

Однако такие этнолекты, как AAVE и ChE часто используются авторами художественных литературных произведений для придания большей аутентичности их персонажам, а также в поп-музыке и в рэпе. Так, например, популярный певец Канье Уэст часто вставляет слова и выражения из AAVE в свои тексты на неформальном разговорном английском.

Носители AAVE и ChE осознают негативное отношение общества к их языкам и сопутствующим им культурам. Для того чтобы интегрироваться в мажоритарное общество, они часто прибегают к переключению кодов: дома и с друзьями они говорят на одном языке, во всех других ситуациях стараются говорить на стандартном английском. Чтобы преуспеть в учебе или на рынке труда, они должны уметь переключаться со своего домашнего языка на «правильный английский»².

При попытке подсчитать, что мы теряем, требуя использования одного варианта языка, отказываясь от всех остальных, обязательно нужно учитывать, какие сообщества являются бенефициарами этой эксклюзии, а какие ее жертвами.

Уже более полувека тому назад социолингвисты и преподаватели английского как второго языка установили, что бессмысленно, невозможно и несправедливо исключать все другие варианты языка из публичного и академического дискурса для того, чтобы защитить и увековечить стандартный английский.

Социолингвисты уже давно доказали, что язык является символическим маркером социальной принадлежности. Когда у человека требуют отказаться от своего языка, это равнозначно требованию порвать со своим народом. Сегодня невозможно законным способом потребовать у человека сменить цвет кожи, религию, гендер, сексуальную идентичность, но у людей постоянно требуют подавить или сменить то, что самым эффективным образом позиционирует их в социуме — их язык.

¹ Weber T. Principles in the emergence and evolution of linguistic features in World Englishes. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2014. P. 32.

² African American English and Chicano English. URL: <https://ndla.no/en/subject:1:c8d6ed8b-d376-4c7b-b73a-3a1d48c3a357/topic:59a2daf8-db7f-4f47-8160-551f9d9c582c/resource:5b4fc826-5bb4-455e-b6a7-9856759590a3> (дата обращения: 06.12.2023).

2.2.3. Противодействие стандартному английскому

С лингвистической точки зрения все диалекты равны и способны обеспечивать коммуникативные потребности. Вопреки нашему инстинкту защищать и стандартизировать один вариант, он не является высшим по отношению к другим, и люди не испытывают потребности в одном однородном варианте для эффективной коммуникации. Кроме того, SE может помешать развитию английского языка. Преподаватели английского языка давно заметили, что языковые и риторические ресурсы некоторых учащихся, для которых английский не является материнским языком, так же развиты, как у англофонов от рождения, но их недостаточные компетенции в стандартном английском заставляют считать их неполноценными носителями английского языка. В этих условиях изучение английского как дополнительного языка, а SE как дополнительного диалекта требует многих лет учебы. Многие люди не могут достичь уровня компетенций носителей от рождения при изучении другого языка, особенно если они приступили к его изучению уже после «критического детского возраста». Известно также, что язык неразрывно связан с идентичностью, и что социальное отношение к языку, особенно, если он считается более низким, влияет на жизненный опыт и материальное положение языковых сообществ. Ошибки в речи и на письме неизбежны у многих носителей от рождения и не от рождения, независимо от того, сколько лет они изучали английский язык. Большинство людей в мире не могут свободно использовать SE, а их выбор использовать или не использовать его не является показателем его внутреннего превосходства или интеллектуальных способностей (или их отсутствия) его носителей.

Поскольку исторически GA ориентируется на речь привилегированного белого сообщества, он остается одним из инструментов поддержки социальных и расовых иерархий. Предпочтение GA является социальным конструктом и, несомненно, наносит вред людям в психологическом, социальном и материальном плане.

Требование использования GA приводит к эксклюзии определенных этноязыковых групп из публичного дискурса, образования и трудовой активности. Требование, чтобы так называемые нетрадиционные учащиеся ассимилировались в GA и стандартный академический дискурс в ущерб своим этническим языкам и идентичностям, имеет огромные разрушительные последствия. Вся американская система образования заточена на то, чтобы учащиеся изучали и использовали только GA. Это делается якобы в интересах самих учащихся, однако социологические и расовые исследования отчетливо показали, что главным фактором определения социально-экономического статуса и возможностей на рынке труда является раса, а не владение GA. Раса, а не работа, не интеллект и не образование

определяет положение человека в рейтингах грамотности или образовательных достижений¹.

Несмотря на то что требование GA в образовании сужает возможности обучающихся, преподаватели в средних и высших образовательных учреждениях массово не выступают против него. Причина — массовое распространение идеологии SE. Рабочее определение идеологии SE гласит, что это «непререкаемая система убеждений, согласно которой письменный вариант языка привилегированной группы считается стандартным (и высшим), а все остальные — нестандартными (и низшими); мировоззрение, некритически принимаемое за нейтральное и общепринятое, но используемое в качестве инструмента социального расслоения и поддержания интересов привилегированных групп»².

Идеология GA глубоко укоренилась в массовом сознании американцев. Ее поддерживают как люди и группы, которые больше всех страдают от ее доминирования, так и привилегированные белые группы, которые извлекают из нее максимальную пользу. Она является частью мировоззрения американских граждан, наравне с расизмом, классовым делением, абьюзионизмом, гомофобией и ксенофобией, и встроена в структуры американского общества. Она направлена на устранение языковых различий и эксклюзию определенных групп людей из публичного пространства.

Язык считается более приемлемой основой для дискриминации, чем раса, класс, гендер, сексуальная ориентация или способности. Это происходит потому, что он рассматривается в большей степени как габитус или практика, а не как часть нашей физиологии, психологии и идентичности.

2.2.4. Идеология стандартного американского английского

Целью идеологии стандартного американского английского (GA) является подчинение миноритарных языковых, расовых и этнических групп. Под идеологией в данном контексте понимается «продвижение потребностей и интересов доминирующей группы или класса за счет маргинальных групп, путем дезинформации и непризнания этих недоминирующих групп»³. Тогда идеология стандартного языка (далее — ИСЯ) определяется как «приверженность к абстрактному, идеализированному, однородному разговорному языку, который навязывается и поддерживается институтами доминирующего блока

¹ *Watson M.* Contesting Standardized English. What harms are caused when we insist on a common dialect? // American Association of University Professors. 2018. May — June. URL: <https://www.aaup.org/article/contesting-standardized-english> (дата обращения: 05.12.2023).

² *Ibid.*

³ *Lippy-Green R.* Language subordination. Amsterdam: StudeerSnel, 2023. P. 67.

и который считает своим образцом письменный язык, но в основном образован из разговорного языка верхнего среднего класса»¹.

ИСЯ предписывает, чтобы идеальное национальное государство имело единый совершенный, однородный язык. Этот гипотетический идеальный язык служит средством захвата дискурса и его рационализации, для чего применяется пуризм. Такой язык очень хрупок и нуждается в защите.

Современное национальное государство требует от каждого пройти через систему образования, которая открывает доступ к общественно-политическому дискурсу. Теоретически маргинальные группы, благодаря системе образования, могут заставить услышать себя, однако М. Фуко указывал на ошибочность представления об образовании как о равномерно распределенном и нейтральном по отношению к власти культурном ресурсе: «Любая система образования — это политический способ сохранения или изменения собственности на дискурс, вместе со знаниями и властью, которые они несут»².

Система образования является центром процесса стандартизации языка. Ребенок, который говорит на стигматизированном варианте английского, а не на GA, должен либо ассимилироваться, либо молчать. Процесс языковой ассимиляции в абстрактный стандартный язык рассматривается как естественный, необходимый и позитивный для его же собственного будущего блага.

Когда носители непрестижных или стигматизированных вариантов соглашаются с ИСЯ, они становятся соучастниками ее распространения против них самих, своих собственных интересов и идентичностей. В основе ИСЯ лежит миф о необходимости специально выработанного стандартного языка, хотя люди осуществляют коммуникацию на разговорных вариантах, не имея никакой специальной подготовки. Этот миф настолько силен, что многие американцы реально считают, что они не могут хорошо говорить на своем собственном языке. Каждому носителю стигматизированного варианта обещаются многие выгоды, если он перейдет на GA, а те, кто будет упорствовать в своей привязанности к какому-либо другому варианту английского, не смогут пользоваться повседневными привилегиями и гражданскими правами, независимо от их врожденных таланта и ума³.

Стандартный американский английский используется в США как инструмент создания и сохранения расового и социального неравенства, хотя Раздел VII Закона о гражданских правах эксплицитно

¹ *Lippy-Green R.* Language subordination. Amsterdam: StudeerSnel, 2023. P. 67.

² *Foucault M.* The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. New York: Psychology Press, 2002. P. 123.

³ *Lippy-Green R.* Language subordination. Amsterdam: StudeerSnel, 2023. P. 71.

запрещает дискриминацию по языковым признакам, связанным с национальным происхождением. Однако, в отличие от расовой дискриминации, в языковой сфере работодатели имеют значительно большую свободу, потому что американская юридическая система, теоретически признающая связь между языком и социальной идентичностью, практически слепо следует за идеологией стандартного языка.

Основным языковым признаком, используемым для построения дискриминационных иерархий, является акцент. Он представляет набор фонологических или интонационных отличительных признаков, имеющих географическую или социальную природу. При изучении GA как второго языка акцент может возникать при переносе фонологии и интонации этнического языка на целевой язык.

С лингвистической точки зрения главной проблемой является отказ от субъективных критериев определения наличия/отсутствия акцента. Для большинства людей акцент — это свалка, которая включает все технические, общие и субъективные характеристики, но главное — это то, как говорят Другие. Он является первым признаком, по которому идентифицируются географические или социальные аутсайдеры. Все варианты, независимо от того, являются ли они пиджинами или креолями, социальными или географическими, врожденными или приобретенными, имеют свои акценты, которые имеют положительные или отрицательные коннотации, но все они носят субъективный характер.

Большинство вариантов языков связаны с социальной идентичностью. Лингвисты хорошо знают это, но это известно и не лингвистам, которые используют акцент как инструмент эксклюзии. Когда люди отвергают какой-либо акцент, они отвергают и идентичность его носителя, его расу, этническое наследие, национальное происхождение, региональную принадлежность или социально-экономический класс. Акцент, особенно ассоциирующийся с расовыми, этническими или культурными меньшинствами, может стать препятствием для эффективной коммуникации, если отсутствуют два элемента: первый — это базовый уровень коммуникативных компетенций говорящего, независимый от фонологии и интонации его первого языка; второй, еще более важный — добрая воля слушающего. При отсутствии доброй воли компетенции говорящего бессильны. Предубежденный слушатель не слышит, что ему хочет сообщить говорящий, потому что акцент, как маркер социальной идентичности и лакмусовая бумажка для эксклюзии, более важен¹. Кроме акцента, дискриминация может осуществляться и по другим языковым признакам.

¹ *Lippy-Green R. Accent, Standard Language Ideology, and Discriminatory Pretext in the Courts Author(s) // Language in Society. 1994. Vol. 23 (2). P. 165–166.*

Что касается вопросов истории, структуры, функций и стандартизации, средний человек обычно плохо информирован и упрям в своих убеждениях. Однако большинство людей способны отличить стандартный (чистый, правильный) английский от всего остального, хотя, конечно, не могут сформулировать его точное определение.

Дискриминация по языковым признакам (Language-Trait Focused Discrimination — LTF Discrimination) основана на согласии с идеологией стандартного американского английского, т.е. приверженностью к абстрактному, идеализированному, однородному разговорному языку, который навязывается сверху и становится моделью для письменного языка. Главным признаком такой идеологии является отрицание любой формы вариативности.

Источником идеологии ГА является идеологический конструкт, включающий набор социальных практик, которые определяют сознание людей без детального анализа связанных с ними идей. Идеологическая власть представляет интересы, связанные с капиталом и капитализмом, как универсальные и основанные на «здравом смысле». Она дополняет экономическую и политическую власть и приобретает особую значимость, поскольку реализуется в дискурсе. Те группы, которые владеют властью, могут осуществлять и удерживать ее двумя способами: либо запугивать других, чтобы они повиновались им, под угрозой физического насилия или смерти, либо добиваться их согласия на осуществление власти от их имени¹.

Основным способом навязывания идеологии ГА является достижение консенсуса. Она включает пять главных составных частей: систему образования, новостные СМИ, индустрию развлечений, понятие, обычно обозначаемое как «корпоративная Америка», и юридическую систему.

Система образования образует важнейший элемент идеологии ГА. Однако многое из того, чему американская система образования учит детей, применительно к языку не имеет фактических подтверждений. В результате большинство американцев твердо убеждены, что некоторые формы языка правильные, а другие ошибочные. Даже те американцы, которые затрудняются точно сказать, какая форма является правильной, обычно находят ответ, заглянув в правильную книгу или проконсультировавшись у авторитетного носителя.

Идеология ГА навязывается не только через учебники и уроки английского языка, но и с участием школьной администрации. Так, в 1987 г. Совет по образованию штата Гавайи принял решение запретить использование в школах гавайского креольского на основе английского (Hawaiian Creole English). Опрос старших школьников показал, насколько глубоко идеология ГА проникла в умы школьников, которые связывают ее с расовыми и экономическими проблемами.

¹ Fairclough N. Language and power. 3rd ed. London: Routledge, 2014. P. 33.

54% школьников поддержали решение администрации, назвав свой этнический язык пиджином, что имеет отрицательные коннотации. Только немногие заявили, что запрет гавайского креольского является нарушением свободы слова и наносит ущерб их идентичности, отличающей их от остального населения США¹.

Большая часть учителей также распространяет идеологию ГА. Родители афроамериканских школьников часто жалуются в советы по образованию на учителей, которые высмеивают черных учащихся за использование их домашнего языка. Идеология ГА является основой школьного подхода к языку и философии образования. Школа является местом первого контакта американца с идеологией ГА, но процесс индоктринации продолжается и после ее окончания.

СМИ, главным образом национальные, взяли на себя миссию защиты «национальной культуры», подразумевая под этим укрепление однородного национального государства, в котором каждый гражданин должен либо ассимилироваться, либо стать маргиналом. В рамках этого процесса печатные СМИ и новостные радиостанции вместе с индустрией развлечений ведут ежедневную работу по укреплению идеологии ГА. Они распространяют идею, что существуют правильные и неправильные способы говорить и что вполне допустимо, даже необходимо, цензурировать и наказывать тех, кто допускает нарушения.

Таким образом, идеология ГА насаждается в школах, распространяется СМИ и институционализируется в корпоративном секторе. Поэтому неудивительно, что большинство американцев не признает системного характера вариативности разговорного языка и абстрактности понятия «национальный стандарт».

Дискриминация по языковым признакам встречается в повседневной жизни, откуда она переходит в другие сферы деятельности американцев.

Некоторые типы дискриминации по языковым признакам на рабочих местах стали незаконными после принятия раздела VII Закона о гражданских правах 1964 г. Этот раздел посвящен защите прав трудящихся от дискриминации на основе расы, цвета кожи, религии, пола и национального происхождения. Но только после 1980 г., когда в соответствии с этим разделом была создана Комиссия по равным возможностям трудоустройства, началась работа по борьбе с дискриминацией по определенным признакам, прежде всего, по признаку национального и расового происхождения. Однако сфера действия раздела VII очень ограничена. Так, например, закон не предусматривает борьбу с дискриминацией на основе регионального происхождения;

¹ *Sato C.J.* Sociolinguistic variation and language attitudes in Hawaii / ed. J. Cheshire// *English around the world: Sociolinguistic perspectives*. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1991. P. 654.

что касается борьбы с дискриминацией по языковым признакам, закон нуждается в значительном расширении.

После того как в 1922 г. в США был принят Закон о запрете линчевания¹, а в последующие годы стало развиваться законодательство о гражданских правах, сторонники дискриминационного подхода стали изыскивать более изощренные подходы к сохранению эксклюзии расовых и этнических меньшинств. В этих условиях язык и акцент стали уважительными причинами для отказа признавать Других и их права. Признание (*recognition*) и непризнание (*misrecognition*) — это два связанных философских понятия. Поль Рикёр отмечал, что человеческие существа имеют общее строение, и эта общность требует взаимного признания: «каждый борется против непризнания других и в то же время это борьба за признание себя другими»².

Если анализировать случаи дискриминации по языковым признакам, можно убедиться, что всегда речь идет не о самом языке, а о представлениях людей о языке и об институциональных практиках, вытекающих из этих представлений. Именно эти представления и практики лежат в основе отказов от признания индивидов и целых групп.

Случаи дискриминации по языковым признакам становятся известными обычно лишь тогда, когда люди подают жалобы в Комиссию по равным возможностям трудоустройства (или в ее аналоги на местном уровне или на уровне штатов) или в суды по гражданским делам. Для возбуждения дела о дискриминации по языковым признакам необходимо представить доказательства по четырем пунктам:

1) подтверждение идентифицируемого национального происхождения;

2) доказательство подачи заявления о приеме на рабочее место, для которого у заявителя есть необходимая квалификация;

3) доказательство, что в приеме было отказано, несмотря на наличие необходимой квалификации;

4) доказательство, что после отказа вакансия остается открытой и работодатель продолжает рассматривать заявления людей с такой же квалификацией.

После того как эти факты установлены, бремя доказательств переходит к работодателю, который должен опровергнуть обвинение в дискриминации, приведя легитимные недискриминационные объяснения своих действий. Если работодателю удастся сделать это, бремя

¹ Anti-Lynching Bill. URL: <https://documents.alexanderstreet.com/d/1002913442> (дата обращения: 10.12.2023).

² *Ricoeur P.* The Course of Recognition / trans. D. Pellauer. Harvard University Press, 2005. P. 258.

доказательств возвращается к истцу, который должен доказать, что эти действия были поводом для индивидуальной дискриминации¹.

Насколько широко распространена дискриминация по языковым признакам? Главное казначейство Правительства США провело национальное статистическое обследование и установило, что 461 000 компаний (10% от числа обследованных), в которых работают миллионы сотрудников, наивно признались в том, что они «допускают дискриминацию на основе иностранной внешности или акцента»². Специальный аудит по обнаружению дискриминации по акценту, проведенный путем телефонного опроса, показал, что такая практика является доминирующей.

В целом, расплывчатые формулировки раздела VII позволяют работодателям обходить закон и отказывать квалифицированным кандидатам определенного национального происхождения и в то же время принимать на работу более ассимилированных кандидатов того же самого происхождения³. Суды признают, что работодатель вправе проводить проверку устных навыков коммуникации у кандидата, если такие навыки необходимы для выполнения данной работы. Таким образом, создается «доктринальная головоломка»: раздел VII запрещает дискриминацию по акценту, если она коррелирует с национальным происхождением, но позволяет работодателям дискриминировать сотрудников по способности исполнять конкретную работу. Если работодатель заявляет, что акцент мешает коммуникации, это является достаточным основанием для отказа, а суды очень внимательно относятся к такому аргументу⁴.

Решения американских судов по делам, связанным с проблемами коммуникации и акцента, основываются на той же идеологии американского стандартного английского. Частично это может объясняться некорректным пониманием проблем языка. Так, в деле отказа в приеме на работу филиппинского иммигранта суд не стал уточнять, что причиной является наличие филиппинского акцента, и заключил, что истец имеет «трудную манеру говорить», хотя у судьи имелось заключение эксперта-лингвиста, в котором говорилось, что фонетика гавайского креольского языка, на котором говорят на Филиппинах,

¹ Title VII of the Civil Rights Act of 1964. URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/title-vii-civil-rights-act-1964>. (дата обращения: 09.12.2023). Sect. 701 et seq.

² United States General Accounting Office. Immigration Office. Employer Sanctions and the Question of Discrimination. 1990. URL: <https://www.gao.gov/assets/ggd-90-62.pdf> (дата обращения: 09.12.2023). P. 27.

³ Cutler S. A trait-based approach to national origin discrimination // Yale Law Journal. 1985. № 94. P. 1164.

⁴ Matsuda M.J. Voice of America: Accent, antidiscrimination law, and a jurisprudence for the last reconstruction // Yale Law Journal. 1991. № 100. P. 1329–1407.

не является неправильной: это всего лишь один из вариантов произношения стандартного американского английского (GA). Лингвист, по мнению судьи, не является экспертом по речи¹.

Судьи часто склонны доверять своей собственной экспертизе по проблемам языка, основанной на их личном языковом опыте и понимании, чего они никогда не осмелились бы делать в области генетики, механики или психологии.

В сфере образования дискриминация по языковым признакам тесно связана с дискриминацией по расе и по национальному происхождению. Самыми частыми ее проявлениями являются: а) увольнение афроамериканцев и китайцев с должности учителя; б) отказ от повышения учителей афроамериканского или иностранного происхождения; в) отказ от продления контрактов сотрудникам афроамериканского или иностранного происхождения. Что касается судов, они стараются минимально вмешиваться в школьные или университетские трудовые споры из-за большой субъективности решений, принимаемых при оценке академического персонала, и редко отменяют административные решения². На самом деле отказы по языковым признакам часто являются прикрытием расовой дискриминации.

Все работодатели в судах используют одну и ту же аргументацию:

- а) для вакансии X необходимы хорошие навыки коммуникации;
- б) акцент Y мешает коммуникации;
- в) кандидат говорит с акцентом Y;
- г) заключение: кандидат не имеет базовых навыков, необходимых для вакансии X.

Главным недостатком этой модели является недопустимое упрощение модели коммуникации, в которой слушающий не несет никакой ответственности за результат, а вся ответственность возлагается на говорящего, тогда как коммуникативная модель акта коммуникации базируется на взаимной ответственности участников при получении новой информации. Это предполагает итеративный обмен между участниками до тех пор, пока оба участника не будут удовлетворены: «Многие задачи в разговоре... изменяются каждый момент по мере того, как два человека постепенно устраняют неясность насчет понимания слушателем сказанного говорящим. Самая тяжелая задача возлагается на слушающего, поскольку он лучше может оценить свое собственное понимание»³. Эта модель опровер-

¹ Matsuda M.J. Voice of America: Accent, antidiscrimination law, and a jurisprudence for the last reconstruction // *Yale Law Journal*. 1991. № 100. P. 1345–1346.

² *Hou v. Pennsylvania Department of Education*. Federal Supplement. 1983. № 573. P. 1539–1549.

³ *Clark H.H., Wilkes-Gibbs D.* Referring as a collaborative process // *Cognition*. 1986. Vol. 22. P. 34.

гает версию коммуникации, используемую работодателями, в которой говорящий с акцентом несет большую часть ответственности за акт коммуникации.

В процессе коммуникации на рабочем месте носители GA от рождения считают, что они имеют право доминировать и контролировать этот процесс. Их уверенность усиливается тем, что работники, говорящие с акцентом, не умеют отстаивать свое право быть услышанными, и общение сводится к рутинным протокольным формулам.

Дискриминация по языковым признакам непосредственно связана с определенными этническими и национальными группами. Положительная или отрицательная оценка разных акцентов зависит от возраста и происхождения слушающего, а также целого ряда стилистических и дискурсивных факторов, но в целом эмпирически доказано, что существует существенная разница между отношением к европейским акцентам, с одной стороны, и славянским, азиатским и испаноязычным акцентами, с другой. Среди европейских акцентов, вызывающих сугубо положительное отношение, называются французский, немецкий и британский¹.

Число людей в США, подвергающихся дискриминации по языковым признакам, велико, но некоторые из них избавляются от нее благодаря тому, что владеют политической или экономической властью, социальными привилегиями, артистическими талантами, академическими заслугами и т.д., что позволяет им компенсировать ущерб от акцента и предубежденность слушающих. Однако большинство людей, не говорящих на GA, не имеют таких выдающихся ресурсов: кроме людей, легально иммигрировавших в США, к ним относятся граждане, родившиеся в США, но говорящие на непрестижных вариантах английского, связанных с расой, этничностью или низким доходом. В то время как мультикультурализм и языковое разнообразие провозглашаются идеалами социального развития, идеология стандартного языка способствует институционализации расизма и этноцентризма в американском обществе. Дискуссии вокруг стандартного языка свидетельствуют о наличии глубокого противоречия между учеными разных специальностей (лингвистами, юристами, социологами) и идеологами. При этом ученые и рациональные исследования борются с общественным мнением, основанном на индивидуальных предпочтениях и интуиции.

¹ *Lippy-Green R. Accent, Standard Language Ideology, and Discriminatory Pretext in the Courts Author(s) // Language in Society. 1994. Vol. 23 (2). P. 186–188.*

Глава 3

АМЕРИКАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

3.1. ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Первое определение понятия языковой империализм принадлежит Р. Филлипсону, автору многих работ по этой тематике: «...языковой империализм — это теоретический конструкт, разработанный для анализа языковых иерархий, для решения вопросов о том, почему некоторые языки начинают использоваться больше, а другие меньше, и о том, какова роль профессиональных лингвистов»¹.

Первоначально термин языковой империализм применялся для описания использования идеологической, культурной и элитистской власти английского языка для получения экономических и политических выгод доминирующих англоязычных стран. Это применение началось в эпоху британского колониального могущества, а затем англоязычные нации продолжили его в эпоху глобализации. Кроме использования этого термина применительно к политике государств, он применяется при анализе деятельности организаций, таких как Британский совет или транснациональные корпорации. И те и другие целенаправленно продвигают использование английского языка для обеспечения преимуществ его носителей.

Сегодня языковой империализм — это навязывание одного языка носителям другого языка. Он имеет и другие названия: языковой национализм или языковое доминирование. В наше время примером языкового империализма чаще всего становится глобальная экспансия английского языка. Термин «языковой империализм» возник в 1930-х гг. в парадигме критики языка Basic English и вернулся в научный оборот в 1992 г. благодаря одноименной книге Р. Филлипсона².

Парадигма языкового империализма помогает понять, привела ли политическая независимость к языковому освобождению стран третьего мира, а если нет, то почему. Являются ли бывшие колониальные языки полезными для связи с международным сообществом и необходимыми для создания государства и национального единства внутри страны? Или же они являются плацдармом для реализации интересов Запада, позволяющим продолжать глобальную систему маргинализации и эксплуатации? Как соотносятся между собой языковая зависимость (продолжение использования европейских языков

¹ *Phillipson R. Realities and Myths of Linguistic Imperialism // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1997. Vol. 18 (3). P. 238.*

² *Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.*

в бывших колониях) и экономическая зависимость (экспорт сырья и импорт технологий и ноухау)¹?

Сегодня исследования глобализованного мира с точки зрения языкового империализма стали целым направлением в социолингвистике. Использование биоморфной метафоры (экология языков) позволило объяснить, почему появление большого и мощного языка на чужой территории всегда приводит к гибели малых автохтонных языков. Поэтому в социолингвистическом пространстве остается место только для одного языка в одно время.

В наши дни классическая теория языкового империализма, основанная на анализе асимметричных отношений между бывшими колониальными нациями и народами третьего мира, уже считается неадекватной для объяснения современных языковых реалий, потому что страны «первого мира» с сильными международными языками, не имеющие колониального прошлого, испытывают такое же давление и пытаются сопротивляться распространению английского. Когда доминирующие языки начинают ощущать себя доминируемыми, речь идет о чем-то большем, чем упрощенная модель властных отношений².

Языковой империализм является формой лингвицизма — термина, предложенного Т. Скутнабб-Кангас для демонстрации параллелей между иерархиями на основе расы или этничности (расизм, этницизм), гендера (сексизм) и языка (лингвицизм). Лингвицизм включает в себя идеологии, структуры и практики, используемые для легитимации, осуществления и воспроизводства несправедливого распределения власти и ресурсов между группами, определяемыми на языковой основе³. Так, обучение детей из языковых меньшинств на доминирующих языках, особенно методом погружения, представляет собой форму лингвицизма. В другом определении этого понятия говорится, что лингвицизм — это дискриминация по языковому признаку, которая несправедливо относится к определенным языковым сообществам или несправедливо дает некоторым языкам преимущества над другими⁴.

Работы по лингвицизму показывают, как язык способствует несправедливому доступу к социетальной власти, и как строятся и по-

¹ Nordquist R. The Meaning of Linguistic Imperialism and How It Can Affect Society // ThoughtCo, Aug. 28, 2020. URL: [thoughtco.com/what-is-linguistic-imperialism-1691126](https://www.thoughtco.com/what-is-linguistic-imperialism-1691126) (дата обращения: 18.12.2023).

² Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.

³ Skutnabb-Kangas T. Linguicism / eds. G. Gertz, P. Boudreault // The sage deaf studies encyclopedia. Vol. 3. Thousand Oaks: Sage Publications, 2016. P. 583.

⁴ Galloway N., Rose H. Introducing global Englishes. Abingdon: Routledge, 2015. P. 255.

лучают легитимность языковые иерархии. В тяжелых случаях несправедливости лингвизм ведет к лингвоциду, который обозначает языковой геноцид: «когда носители переходят на другой язык и их собственный язык исчезает, причиняемый социальный, психологический, образовательный и языковой ущерб может рассматриваться как языковой геноцид»¹.

Носители доминирующих языков обычно рассматривают распространение своих языков как беспроблемный процесс. Такие термины, как «распространение языка» (language spread) или «смерть языка» (language death) создают миф о том, что такие социальные изменения осуществляются благодаря безагентным естественным силам.

Лингвизм существует в двух формах: внутриязыковой и межьязыковой. Первый существует среди носителей одного языка, когда один диалект получает все привилегии стандартного, а второй — среди носителей разных языков при распределении ресурсов, при дискурсивном унижении одного языка по сравнению с другим (высказывания типа «Английский — это язык современности и прогресса», «Кантонский — главный диалект» и т.д.), лишения одного языка социетальных функций и прочих стигматизирующих формулировок.

Языковой империализм присутствует во многих идеологических и структурных отношениях между языками. Он определяет всеобъемлющую структуру асимметричных отношений между глобальными Севером и Югом, где языки используются в разных целях (культурных, образовательных, научных, экономических и политических).

Так, если международный проект развития предоставляет финансовую поддержку языку *X* и не предоставляет ее языку *Y*, при том, что оба языка являются центральными в языковой экологии данной страны, это проявление языкового империализма, особенно когда язык *X* ассоциируется со страной-донором, является бывшим колониальным языком и используется как язык обучения в системе образования². Эмпирическое подтверждение того, что в конкретном случае мы имеем дело с языковым империализмом, требует изучения природы локальных языковых идеологий и языковых иерархий, целей, в которых используется язык *X*, в чьих интересах проводится данная языковая политика и ее желаемые результаты.

В отличие от грубой силы, используемой в колониальный период (навязывание языка хозяев, телесные наказания за использование этнических языков), в постколониальный период чаще используются переговоры и убеждение. Ключевыми акторами в этом процессе являются эксперты из стран Севера и элиты из стран Юга.

¹ Galloway N., Rose H. *Introducing global Englishes*. Abingdon: Routledge, 2015. P. 584.

² Ibid. P. 239.

Языковые иерархии, сложившиеся в колониальный период, поддерживаются образовательной политикой, проводимой Всемирным банком и Международным валютным фондом, которые осуществляют антисоциальные, порождающие нищету структурные изменения: «Реальная позиция Всемирного банка способствует укреплению империалистических языков в Африке... Всемирный банк не рассматривает языковую африканизацию всего начального образования как попытку, достойную внимания. Его публикации по стратегиям стабилизации и возрождения университетов совершенно не упоминают о месте языков в высшем африканском образовании»¹.

Основными признаками языкового империализма являются²:

1) сходство с расизмом и сексизмом, проявляющееся в поощрении превосходства доминирующего языка над другими;

2) структурный характер, выражающийся в том, что большая часть ресурсов и инфраструктуры выделяются на доминирующий язык;

3) идеологический характер, проявляющийся в том, что доминирующая форма языка объявляется стоящей выше других и более престижной. Такие понятия являются гегемоническими и усваиваются как «нормальные»;

4) связь с такими структурами, как империализм в культуре, образовании, СМИ и политика;

5) эксплуататорская природа, насаждающая несправедливость и неравенство между теми, кто владеет доминирующим языком, и теми, кто им не владеет;

6) субтрактивное влияние на другие языки, поскольку обучение доминирующему языку осуществляется в ущерб другим;

7) все эти факторы провоцируют возражения и сопротивление идеологии языкового империализма.

Ряд специалистов оспаривают точку зрения Р. Филлипсона и отмечают, что понятие языкового империализма должно рассматриваться исключительно под углом политики «сверхувниз» (top-down). Так, Б. Спольски утверждает, что если бы такой замысел существовал, это был бы пример самой успешной в мире языковой политики, чего нет на самом деле. С точки зрения политики «сверхувниз», преимущества, которыми пользуются носители английского языка, являются не частью организованной языковой политики, но следствием распространения военной, политической и экономической мощи Ве-

¹ Mazrui A. The World Bank, the language question and the future of African education // *Race and Class*. 1997. Vol. 38 (3). P. 39.

² Phillipson R. Imperialism and colonialism / ed. B. Spolsky // *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 214.

ликобритании и США в эпохи колонизации и глобализации¹. Таким образом, языковой империализм осуществляется через манипулирование многими силами и факторами, а не только через эксплицитную языковую политику.

Сегодня неолиберальная экономика образует новую форму империализма, которая укрепляет доминирование единого имперского языка. Встает вопрос, приведет ли рост глобального увеличения влияния Китая к появлению новой формы языкового империализма, и можно ли рассматривать подавление тибетского и уйгурского языков как проявление языкового империализма?

Основание европейских поселений и колоний в обеих Америках, Австралии, Азии и Африке привели к исчезновению многих местных языков. Языковые иерархии участвовали в легитимации колониальных режимов наряду с расизмом и распространением христианства. В Индии Великобритания проводила такую политику с 1830-х гг. Языковой геноцид, начавшийся в ту эпоху, сохраняется в наше время там, где группы насильственно ассимилируются в доминирующую культуру и язык.

Империалистическая эксплуатация распространяется на культурную и образовательную политики. В колониальную эпоху главная задача системы образования сводилась к подготовке местных чиновников самого низкого уровня и служащих для частных фирм, принадлежащих европейцам. Только узкий круг местных элит участвовал в доминировании и эксплуатации всего континента.

В британских колониях местные языки использовались для начального обучения грамотности, тогда как во французских и португальских колониях они полностью игнорировались. До 1950-х гг. в Британской Африке около 90% учебных заведений находились в руках миссионеров из разных европейских стран и США, представляющих десятки христианских конфессий. Их главной задачей была евангелизация населения как на английском, так и на многих африканских языках, которые миссионеры кодифицировали в соответствии с произвольно проведенными колонизаторами границами государств.

США стали глобальной колониальной державой в 1890-х гг. На Филиппинах английский стал единственным языком образования в 1898 г. и в течение всего колониального периода прямо поддерживал американский колониализм.

Британская и французская колониальные империи использовали сходные модели: после получения независимости образовательные языковые политики предоставляли привилегии европейским языкам и внедряли моноязычие, при котором идеальными учителями счи-

¹ *Spolsky B. Language policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 90.*

тались носители от рождения (native speakerism)¹. Это определяло требования к квалификации преподавателей английского языка, их подготовку и методы преподавания.

Английский имеет статус иностранного языка в таких странах, как Бруней, Китай, Гонконг, Япония и Южная Корея. Однако сопоставительный морфологический, синтаксический и фонетический анализ языков обучающихся и целевого языка, включая металингвистическое, метакоммуникативное и культурное знание, прагматику и стратегические компетенции, не делался. Педагогика преподавания английского как иностранного игнорирует двуязычные словари и запрещает перевод. Она также игнорирует коренные различия, существующие между системами письменности английского, китайского или корейского языков и большие семантические и когнитивные различия между английской и другими языковыми культурами².

Японские империалисты проводили такую же политику в XX в. во время оккупации Тайваня, Кореи, Манчжурии и других захваченных территорий, делая японский общим языком для всей Восточной Азии.

В Европе, в частности в Скандинавии, уже более сорока лет при обучении английскому языку используется коммуникативный метод. Однако учебные материалы производятся в самих странах, а не транснациональными корпорациями. Учебники содержат яркие, культурно привлекательные тексты, в которых представлены практические коммуникативные модели. В них даются переводы новых лексических единиц, эксплицитные металингвистические и метакоммуникативные объяснения и процедуры проверки усвоения, хотя задачи, стоящие перед детьми из азиатских стран, гораздо более трудные.

Кроме того, что когнитивные навыки европейских детей в своих материнских языках сформированы гораздо лучше, а английский обычно близок к языковым семьям этих языков, двуязычные словари являются важными ресурсами для самостоятельной работы и широко используются вне класса. Во многих европейских странах носители от рождения практически не играют никакой роли в обучении, а европейские университеты готовят преподавателей английского соответствующей квалификации, независимо от национальности и материнского языка.

Англо-американская методика преподавания английского как иностранного основана на пяти заблуждениях: 1) заблуждение мо-

¹ *Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Образовательная языковая политика в современном мире. Т. 1. Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики. Москва: ИНФРА-М, 2024.

² *Phillipson R.* Native speakers in linguistic imperialism. URL: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2016/12/14-3-4.pdf> (дата обращения: 25.12.2023). Р. 83.

ноязычия; 2) заблуждение о носителях от рождения; 3) заблуждение о раннем начале; 4) заблуждение о максимальной экспозиции; 5) заблуждение о субтрактивности. Она совершенно игнорирует успешные модели двуязычного обучения и обучения иностранным языкам. Моноязычный подход представляется как разумная концентрация только на целевом языке, что ошибочно с когнитивной, лингвистической и педагогической точек зрения.

Важным компонентом моноязычной модели являются преподаватели — носители английского от рождения. Представление о том, что они самые желательные во всем мире, глубоко ошибочно: не так обстоит дело в Европе, Индии во многих других странах. Даже в самих США в классах для детей иммигрантов, изучающих английский, злоупотребление одноязычными учителями дает плохие результаты. Причина заключается в том, что эти приверженцы коммуникативного метода не могут использовать ссылки на материнский язык учащихся при объяснении грамматического и другого сложного материала¹.

Необходимо отметить, что США и Соединенное Королевство имеют большую экономическую заинтересованность в укреплении позиций английского языка и его идеологического, культурного и политического влияния. Американская TESOL (Teaching of English to Speakers of Other Languages) и британская TEFL (Teaching of English as a Foreign Language) являются крупными экспортерами учебных и экзаменационных материалов, услуг и преподавателей английского языка, принося доход, исчисляемый десятками миллиардов долларов и фунтов².

TESOL является главным инструментом американского языкового империализма. Уже в самом названии этой организации отражено асимметричное отношение между носителями английского языка от рождения и всеми прочими, отражающее дихотомию Я — Другой. Естественно, преподаватель английского идентифицируется как Я, а обучающийся всю жизнь остается Другим, продолжая, таким образом, колониальную историю. Язык остается центральным фактором идеологического контроля, перенося подчинение колониальной эпохи в наше время: «колониальное наследие превратилось в незримую идеологическую гегемонию — доминирование с согласия доминируемых; колонизованные народы продолжают преклоняться перед языками, культурами, музыкой, искусством, знаниями, педаго-

¹ *Phillipson R.* Native speakers in linguistic imperialism. URL: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2016/12/14-3-4.pdf> (дата обращения: 25.12.2023). P. 84.

² *Phillipson R., Skuttnab-Kangas T.* Linguistic Imperialism and Endangered Languages / eds. T.K. Bhatia, W.C. Ritchie // *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. 2nd ed. Wiley-Blackwell, MA: Wiley-Blackwell, 2013. P. 495–516.

гикой и другими аспектами западной жизни как более продвинутыми, прогрессивными и высшими, тесно связанными с достижениями современности»¹. В США дискриминация иммигрантов, для которых английский является иностранным языком, интегрирована в систему образования, потому что другие языки имеют низкий статус.

В период между двумя мировыми войнами американские фонды активно финансировали научные исследования в европейских странах. В естественных науках американское финансирование способствовало переходу языка научных публикаций с немецкого на английский. В 1934 г. Фонд Карнеги спонсировал конференцию «Использование английского как мирового языка», констатирующую, что «преподавание английского как иностранного является серьезным педагогическим проектом со своей собственной отдельной идентичностью»².

Следующая конференция, также финансируемая Фондом Карнеги, состоялась в Лондоне в 1935 г. в Министерстве по делам колоний. Впервые в Департаменте колониального образования Института образования при поддержке этого фонда открылись годичные курсы по подготовке преподавателей английского как иностранного.

Скрытой целью этой конференции было противодействие преподаванию языка Basic English (British American Scientific International Commercial), изобретенного кембриджским лингвистом Чарльзом Огденом, который специалисты считали педагогически неполноценным и несущим империалистические идеи. Этот язык пользовался поддержкой У. Черчилля, пытавшегося навязать его Британскому совету, что тот всячески игнорировал. Черчилль очень интересовался внедрением Basic English и считал, что его широкое использование будет долее длительным и более полезным, чем аннексия большой провинции. Но, как показала жизнь, вместо этого искусственно редуцированного варианта английского более устойчивыми и более полезными для англо-американского мира оказались варианты, получившие название мировых английских (Word Englishes).

Британский совет, публичная роль которого заключается в распространении английского языка по всему миру, занимается еще многими видами деятельности. Являясь, с одной стороны, полугосударственной-полуобщественной организацией, он пользуется льготами благотворительной организации, но на самом деле является

¹ Lin A., Luke A. Special Issue Introduction: Coloniality, postcoloniality, and TESOL... Can a spider weave its way out of the web that it is being woven into just as it weaves? // *Critical Inquiry in Language Studies*. 2006. Vol. 3 (2 & 3). P. 69.

² Smith N. American empire. Roosevelt's geographer and the prelude to globalization. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 2003. P. xxxi.

бизнес-структурой, получающей большую часть дохода от преподавания, тестирования и консультаций в сфере английского языка. Британский совет поддерживает обучение на английском в начальных школах в азиатских и африканских странах, что противоречит целям общего образования, признанным ЮНЕСКО¹. Дискурс, акцентирующий на универсальной ценности английского языка, представляет собой форму манипулирования, направленного на универсализацию норм и интересов англоязычных стран.

Цивилизационная миссия англо-американцев в XX в. заключалась в том, чтобы все граждане мира (не исключая женщин, хотя в то время они составляли менее 10% от общего числа студентов в Кембридже) не ограничивались чисто инструментальной функцией английского языка. Они должны также принять мировоззрение, которое заставит их думать, что Запад из чистого милосердия взял на себя право решать, каким должен быть мир.

Эта неоконсервативная повестка оформилась в США в 1990-х гг. и стала реализовываться во время президентства Дж. Буша: «Наши ценности универсальны, и мы оставляем за собой право добиваться их по всему миру и всеми доступными средствами. Литература берет на себя роль религии в сокрытии особых интересов привилегированных классов или государств и гегемонии носителей привилегированных языков»². Один из этих особых интересов, которые необходимо скрывать, заключается в том, что американцы, в отличие, например, от европейцев, прекрасно понимают, что носители глобального языка от рождения автоматически имеют преимущество над теми, кому пришлось выучить его как официальный или второй язык, в сфере научных исследований и публикаций, деловых переговоров, политических дебатов и т.д.

Языковой империализм способствует поддержанию неравенства между носителями английского и других языков, создавая между ними отношение эксплуататорского доминирования. Сегодня американский экспансионизм не носит территориального характера, если не считать размещения военных баз на чужой территории. Он обслуживает экономические структуры, которые добиваются корпоративного доминирования, осуществляя ментальный и электронный контроль через сети политического и научного сотрудничества, осуществляемого на английском языке³.

¹ Education in a multilingual world. Paris: UNESCO, 2003. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000129728> (дата обращения: 26.12.2023).

² Richards I.A. So much nearer. Essays toward a world English. New York: Harcourt, Brace & World, 1968. P. 240.

³ Phillipson R. The linguistic imperialism of neoliberal empire // Critical Inquiry in Language Studies. 2008. Vol. 5 (1). P. 23.

Исследователи, которые скептически относятся к экспланаторным возможностям модели языкового империализма, стремятся представить проблему как возможность выбора между двумя вариантами: а) активная поддержка англо-американского английского; б) колонизованные и другие народы активно желают изучать английский, потому что он открывает двери экономического, социального, политического и культурного развития. Эта дихотомия является ложной, потому что оба эти элемента не исключают друг друга. Кроме того, ни навязывание, ни свобода выбора не являются независимыми от внешних условий¹.

На языковой империализм чаще всего возлагается ответственность за сокращение числа живых языков во всем мире. По прогнозам некоторых лингвистов из 7168 живых языков, зафиксированных в 2024 г., к концу XXI в. в живых (с трансгенерационной передачей, официальным статусом и минимально достаточным числом носителей) останутся не более 300 языков с числом носителей не менее пяти миллионов².

Глобальные изменения мировой экономики, экологии и коммуникаций сопровождаются расширением использования английского языка. Языковое измерение глобализации, обусловленное экономическими и политическими факторами, порождает новые формы языкового империализма, соответствующие неолиберальной империи. Задачей макросоциолингвистики в этих условиях является установление факторов, влияющих на текущую и на будущую языковую политику.

В течение всего XX в. американский капитализм, благодаря сверхнакоплению капитала, нуждался в новых рынках. Для завоевания новых рынков был нужен общий язык, и здесь мнения социолингвистов разделяются: одни считают, что английский остается единым языком, другие — что он породил независимых отпрысков — английский языки (World Englishes). Ярким сторонником первой точки зрения был У. Черчилль (отец англичанин, мать американка), получивший Нобелевскую премию по литературе за четырехтомную «Историю англоязычных народов», восхвалявшую народы, объединенные английским языком, несмотря на то, что американцы, начиная с Н. Вебстера, провозглашали языковую автономию США. В 1941 г. Черчилль заявил в Палате представителей США: «Британская империя и США, к счастью для прогресса человечества, говорят

¹ Kirkpatrick A. World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 35–37.

² Ethnologue. Languages of the World. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 19.12.2023).

на одном языке и очень часто думают одними и теми же мыслями»¹. Сегодня сторонники этой точки зрения говорят о существовании глобального английского, который одновременно является продуктом (кодом, используемым географически и культурно различными сообществами носителей), процессом (средством, при помощи которого расширяется использование языка благодаря агентам, активизирующим соответствующие структуры, идеологии и узусы) и проектом (официальная цель — стать языком международных коммуникаций по умолчанию и доминирующим языком внутринациональной коммуникации в возможно большем числе стран)².

Цели неолиберального проекта, который должен был сделать XX в. Новым американским веком, были сформулированы достаточно откровенно в журнале *Harper's Magazine* в 2002 г.: «План заключается в том, что Соединенные Штаты должны править миром. Эта открытая задача односторонняя, но в конечном итоге речь идет о доминировании. Соединенные Штаты должны сохранять свое военное превосходство и предостерегать новых соперников от претензий на него в мировом масштабе. Он (план. — *Прим. наше*) призывает к доминированию как над друзьями, так и над врагами. В нем говорится не о том, что США должны быть более сильными или самыми сильными, а о том, что они должны обладать абсолютной силой»³.

В этом плане английскому отводится значительная роль. Ее сформулировал директор Института Киссинджера Д. Роткопф: «В экономических и политических интересах США сделать так, что если мир движется в направлении общего языка, им стал бы английский; если мир движется в направлении общих телекоммуникаций, безопасности и стандартов качества, они были бы американскими; если создаются общие ценности, это были бы ценности, с которыми американцы чувствовали себя комфортно. Это не праздные чаяния. Английский объединяет мир»⁴.

Важной составляющей имперского проекта является политический дискурс, в котором английскому отводится первостепенная роль. После распада коммунистического блока в Восточной Европе панацеей для посткоммунистического мира стали либеральная демократия, свободный рынок и, прежде всего, английский язык: «Английский должен стать первым иностранным языком в Европе, *lingua*

¹ Morton H.V. *Atlantic meeting*. London: Methuen Publishing Limited, 2016. P. 152.

² Phillipson R. The linguistic imperialism of neoliberal empire // *Critical Inquiry in Language Studies*. 2008. Vol. 5 (1). P. 1–43.

³ Цит. по: Harvey D. *The new imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 80.

⁴ Rothkopf D. In praise of cultural imperialism // *Foreign policy*. 1997. June 22. P. 45.

fransa в изменившихся экономических и политических обстоятельствах»; «Владение английским должно рассматриваться как главный фактор трансформаций и перехода к демократии»¹.

Из простого инструмента коммуникации английский превратился в ценность, определяющую социальную идентичность человека и его стоимость на языковом рынке. Так, в континентальной Европе он давно уже стал первым изучаемым иностранным языком, самым востребованным в бизнесе, высшем образовании, учреждениях Евросоюза и т.д. В Индии он все чаще становится единственным *языком* обучения, хотя официальная языковая политика ориентирована на обучение на этнических языках. В Сингапуре он сыграл значительную роль в процессе нациостроения, и все больше детей приходят в школу из семей, где дома говорят по-английски. В Чили и Японии существуют движения за принятие английского в качестве второго официального языка и т.д.

Специалисты по преподаванию английского как второго или как иностранного верно служат интересам новой империи. Так, в отчете американских кураторов финансируемой ООН программы по развитию использования латвийского языка среди жителей Латвии во всех областях общества, целью которой было создание системы обучения латвийскому языку жителей с материнским русским языком, делается вывод, что языком объединения двух языковых сообществ должен стать английский, с помощью которого латвийцы и русские смогут строить новую независимую Латвию².

Американцы не скрывают своих глобальных амбиций. На сайте Службы образовательного тестирования (ETS) Принстонского университета, которая является головной организацией по проведению теста TOEFL, говорится:

— Так как ETS является стопроцентным владельцем, ее глобальная миссия состоит в том, чтобы нести экспертизу и опыт по проведению тестирования, оценке результатов и оказанию смежных услуг образовательным и бизнес организациям во всем мире. ETS имеет дочерние компании в Европе и Канаде и будет распространяться на другие страны и регионы.

— Наша компания предлагает большой набор продуктов, услуг и решений, включая:

- продукты и услуги по изучению английского языка,
- подготовку и техническую помощь,
- проектирование, разработку и доставку систем оценивания,
- разработку тестов и их доставку.

¹ *Phillipson R.* The linguistic imperialism of neoliberal empire // *Critical Inquiry in Language Studies*. 2008. Vol. 5 (1). P. 5.

² *McKay S.L.* Researching second language classrooms. Routledge, 2006. P. 17.

— Наша глобальная миссия выходит далеко за пределы тестирования. Наши продукты и услуги открывают новые возможности по всему миру, благодаря измерению знаний и навыков, развитию обучения и компетенций и поддержке образования и профессионального развития во всем мире.

Некоторые политологи, интересующиеся проблемами языка, считают, что превращение английского в глобальный *lingua franca* не только неизбежно, но и желательно. Они рассматривают английский как язык глобального демоса, хотя и не являющегося единым этносом¹, ссылаясь на теорию рационального выбора, которая делает акцент на индивидуальном выборе, но игнорирует многие социальные факторы, определяющие этот выбор, например, образование. Они отрывают современный английский от его исторических корней, определяя его сегодняшнюю роль «не заговором британцев или американцев, но как спонтанный результат огромного числа децентрализованных решений, главным образом неанглофонов, о том, какой язык изучать и какой язык использовать»². Политологи концентрируются на функции языка как средства коммуникации и не связывают его с проблемами идентичности и власти, изолируя его от политики. На этот недостаток указывал еще итальянский марксист А. Грамши в работе, посвященной гегемонии, отмечая, что нельзя ограничиваться только инструментальной функцией языка³.

3.2. АМЕРИКАНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Большинство американцев продолжают считать, что вся планета является продолжением Соединенных Штатов. Подобная информация, распространяемая американскими телеканалами, направлена на создание у телезрителей впечатления, что весь мир говорит по-английски. Так, независимо от того, в какой стране происходит дело, камера обязательно снимает надписи на английском языке. Журналисты всегда стремятся брать интервью у людей, говорящих по-английски, в результате чего американцы действительно уверены, что весь мир говорит на их языке.

Все СМИ, как электронные, так и печатные, пропагандируют английский язык. С их помощью читатели узнают, что нужно говорить по-английски, потому что он объединяет народы, навсегда ликвидирует войны, обеспечивает планетарный экономический обмен, снижает риски агрессивности, возникающие между государствами.

¹ *Parijs P., van.* Europe's linguistic challenge // Archives Européennes de Sociologie. 2004. Vol. XLV (1). P. 118.

² Ibid. P. 124.

³ *Грамши А.* Тюремные тетради. URL: https://civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetrad.pdf (дата обращения: 20.12.2023). С. 3–4.

В любом случае это *язык будущего*. Поэтому все рекламные лозунги, построенные по модели «Наш товар самый лучший», не предполагают даже возможности возражений или рассуждений на данную тему.

Место, занимаемое сегодня английским языком, отнюдь не подарок небес, а исторический результат многих войн, захватов территорий, колониальных экспансий, миграций, осуществляемых сначала Великобританией, а затем США. После Второй мировой войны система языков оказалась под сильным давлением экономических и идеологических факторов.

США и Великобритания продают по всему миру свои культурные продукты, а также хорошо зарабатывают на обучении английскому языку, ставшему высокорентабельной отраслью национальных экономик. Все неанглоязычные страны вынуждены финансировать изучение английского языка своими гражданами и оплачивать стоимость переводов с английского языка и на него.

В идеологическом отношении вынужденная практика использования английского заставляет национальные элиты неанглоязычных стран использовать концепты, выражаемые на этом языке, и разделять мировоззрение, которое они несут. Мультипликативный эффект воздействия экономических и идеологических факторов приводит к ещё большему усилению позиций английского языка. Похоже, что сбылось предсказание У. Черчилля (сделанное им на заседании кабинета министров в 1943 г.) о том, что XX век будет англоязычным веком.

Впервые с конца XIX века доминирование одной державы сопровождается открыто легитимизирующим дискурсом. Так, Ч. Краутхаммер, один из идеологов новых американских правых, утверждавший, что после разрушения Карфагена Римом ни одно государство не достигало таких высот, как Америка, писал в 1998 г.: «XVIII век был французским, XIX — английским, а XX — американским. Следующий также будет американским»¹.

Во исполнение этой идеи новые американские правые, олицетворением которых являлся президент Дж. Буш-мл., пытаются обеспечить безопасность и процветание США, разжигая войны, подчиняя своей власти непокорные народы стран «Третьего мира», разрушая неугодные государства и навязывая свои порядки всем, кто не разделяет американские моральные ценности. Сенатор Дж. Хелмс заявлял: «Мы находимся в центре [мира] и обязаны оставаться там. Соединённые Штаты должны править миром, неся моральный, политический и военный факел права и силы, и служить примером для всех народов»².

¹ Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: http://www.axl.cefanelaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 02.12.2023).

² Ibid.

Усилению роли английского языка способствовала уникальная историческая конъюнктура: «Американский мир» — «*Pax Americana*» последовал за «*Pax Britanica*», сохранив тот же доминирующий язык так, как если бы за Римской империей возникла другая империя, в которой доминировал бы тот же латинский язык.

Многие американцы совершенно искренне не понимают, почему другие народы не хотят переходить на английский, что сделало бы их жизнь намного проще и устранило бы причины многих конфликтов. Ведь если бы все придерживались американских порядков, ценностей и демократии, на земле наступил бы всеобщий мир. В эту же парадигму входят единый язык и единая культура, и всё это соответствует англосаксонской протестантской идеологии, согласно которой англосаксы — богоизбранный народ, предназначенный колонизировать Америку и утвердить идеалы свободы во всём мире. С этой точки зрения возможность пользоваться единым языком служит продолжением того же «божественного выбора». И, соответственно, многоязычие рассматривается либо как утопия, либо как фольклорный пережиток.

Поскольку экспансия английского языка — реальная цель США, все конкурирующие языки, даже большие мировые, относятся к ряду региональных, устаревших или архаичных. Но основным недостатком других языков для американцев считается отсутствие у них универсальности. Многие полагают, что страны Юга бедны потому, что из-за непонятного упрямства там в школах преподаются национальные языки, а матери из-за того же упрямства говорят с младенцами на своём наследственном языке. Английское моноязычие представляется символом единства и эффективности, а многоязычие — злом и источником конфликтов.

Точное определение американской языковой идеологии дано американским лингвистом Р. Барчфилдом: «Любой образованный человек в мире подвергается лишениям, если он не владеет английским языком. Конечно, крайняя бедность или голод признаются самыми жестокими и возмутительными формами лишений. Когда они касаются только языка, их не замечают, но от этого они не становятся менее значимыми». Барчфилд утверждал также, что «любой интеллектual нуждается в английском, так же, как любой человек нуждается в пище», а лишение интеллектuala английского языка приравнивается к преступлению¹.

Понятие «языковой империализм», входящее в более объёмное понятие «культурный империализм», обычно определяется как «культурное доминирование при помощи языка». Исторически полагалось, что речь идёт о колониальной державе, ведущей политику

¹ Burchfield R.W. The English Language. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 12.

подавления местных языков, в результате которой те либо приходили в упадок, либо исчезали вообще. Однако с 1990-х годов термин «языковой империализм» всё чаще стал применяться к современному англо-американскому языку. В 1992 г. англичанин Р. Филлипсон, известный специалист по преподаванию английского языка и бывший член Британского совета, опубликовал книгу под таким названием¹. В ней он раскрыл некоторые положения секретного отчёта Англо-американской конференции по определению стратегии распространения английского языка (Anglo-American Conference on Teaching Abroad), состоявшейся ещё в 1961 г. На ней было принято решение, что английский должен стать доминирующим языком и заменить другие языки и создаваемые ими картины мира. Если даже хронологически первым будет изучаться другой язык, то затем английский, благодаря своему широкому употреблению, станет основным языком. Таким образом, была окончательно оформлена коалиция между США и Великобританией в области языковой политики. Совместные действия по распространению английского языка были признаны инструментом внешней политики двух стран, что оправдывало значительные инвестиции в эту область. Кроме того, сфера преподавания английского языка как иностранного была признана важнейшей стороной деятельности университетов по обе стороны Атлантики, заслуживавшей крупных государственных дотаций. Как констатировал Британский совет в своём ежегодном докладе, «преподавание английского языка во всем мире может рассматриваться как продолжение миссии, возложенной на Америку, когда нужно было насаждать английский в качестве общего национального языка её собственному иммигрантскому населению»².

Стратегия Британского совета, реализуемая с 1950-х годов, направлена на то, чтобы сделать английский мировым языком: это означает, что он должен стать главным вторым языком во всех странах, кроме тех, где уже является первым. Для этого было необходимо, чтобы британцы и американцы координировали свои усилия в области преподавания английского за рубежом и избегали ненужной конкуренции на пути к общей цели — всемирной экспансии английского языка. Распределение ролей между партнёрами обусловлено историческими факторами. По словам историка Р. Тройке, «менее чем за четыре века английский язык стал доминирующим международным языком в современном мире. В итоге это замечательное развитие — результат британских успешных завоеваний, колонизации и торговли в XVII–

¹ *Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992. 190 p.*

² The British Council's Annual Report 1960–1961. URL: http://www.teachingenglish.org.uk/sites/teaching/files/F044%20ELT-29%20The%20English%20Language%20Abroad_v3.PDF (дата обращения: 20.12.2023).

ХІХ веках, но оно очень сильно ускорилося благодаря становлению США как великой военной державы и технологического лидера после Второй мировой войны. Этому процессу в большой степени содействовало выделение огромных сумм бюджетных и частных денег в период 1950–1970-х годов, возможно самых значительных сумм за всю историю человечества, потраченных на распространение языка»¹.

Особенно важная роль в вышеназванном документе отводилась развивающимся странам. Причины, по которым разные страны нуждаются в английском, могут быть самые разнообразные — недостаток собственных образовательных ресурсов, необходимость развития технического образования и содействие экономическому развитию, совершенствование государственного управления и высшего образования, внедрение в качестве языка для среднего или даже начального образования. В Африке английский вообще должен считаться африканским языком и посредником, при помощи которого африканцы могут говорить о своих культурных ценностях, что не вступает в конфликт с местными языками. Если страны Британского содружества исторически пользуются английским языком, то страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии сделали из него главный язык науки, технологий и материального прогресса в силу неотложных экономических и технических факторов. Даже те новые независимые государства, которые унаследовали от колониальной эпохи другие европейские языки, особенно бывшие французские колонии, должны вводить или расширять у себя изучение английского².

Британский совет считает, что когда дело касается использования английского языка в качестве инструмента экономического развития, необходимо отбросить все традиционные ассоциации между языком и британскими институтами, английской литературой или культурными ценностями. В некоторых государствах преподавание английского вообще должно быть лишено всякого намека на культурное доминирование и связь с британской политикой.

У распространяемого в этих регионах английского языка есть одно преимущество, которого лишена Европа; европейцы могут пользоваться переводами, а страны Африки и Азии — нет. Научная книга на английском может быть адекватно переведена на французский, немецкий, испанский или русский языки, но не на арабский, урду или йоруба (т.е. на те языки, которые ещё не выработали литературную форму или научную терминологию). Этот фактор обуславливает особый подход к преподаванию английского — он должен, прежде

¹ *Troike R.C.* Editorial: The Future of English // *The Linguistic Reporter*. 19.08.1977.

² *Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Образовательная языковая политика в современном мире. Т. 2. Двужычное обучение. М.: ИНФРА-М, 2024.

всего, ассоциироваться с новыми понятиями, за которыми должны последовать книги на английском языке¹.

Таким образом, своим современным положением английский обязан не собственным достоинствам, а целенаправленным усилиям, изменившим его естественное развитие и сделавшим всё возможное для его мировой экспансии. Н. Остлер в книге «Последний *lingua franca*» анализирует историю имперских языков — греческого, латинского, персидского, арабского и санскрита — и приходит к выводу, что язык превращается в *lingua franca*, когда становится «выгодным» языком. При этом совершенно не принимается во внимание силовое измерение. Персидский, например, в течение веков был языком, на котором управлялись разные государства и империи, благодаря военной силе. Однако, говоря о доминировании английского языка, Остлер нигде не упоминает глобальный милитаризм США в XX веке². Он сознательно дистанцируется от исследователей, пишущих о «глобальном английском», таких как Д. Кристал и Д. Грэддол, но считает английский «избранным мировым языком», примыкая, таким образом, к классической этноцентрической позиции политиков, занимающихся распространением английского языка. Хотя более корректно было бы анализировать английский как *lingua economica*, *lingua academica*, *lingua cultura*, *lingua bellica* и т.д.³

На примере постколониальной языковой политики таких стран, как Малайзия, Шри-Ланка и Танзания, Остлер пытается доказать, что английский является удобным и естественным *lingua franca* для всего населения, игнорируя при этом тот факт, что большинство населения этих стран имеет минимальные знания в английском языке. Английский находится на вершине языковой иерархии и предназначается для формирования элит и исключения народных масс из управления страной. В ряде африканских стран элиты также переключились с местных языков на английский благодаря переходу систем образования на английский язык, финансируемому Всемирным банком. Сегодня рынок заменил собой имперские армии, но результаты остаются те же: смена языков — это не вопрос нейтральности или удобства, но жёсткого контроля со стороны американских неокOLONIALных сил.

В отношении европейских стран Остлер считает, что сохранение, например, нидерландского языка в Нидерландах в качестве языка образования — «излишняя затрата» по сравнению с переходом на ан-

¹ The English Language Abroad: Extracted from the British Council's Annual Report, 1960–1961. P. 10.

² Ostler N. The Last Lingua Franca. English Until the Return of Babel. London: Penguin (Allen Lane), 2010. P. XIX.

³ Phillipson R. Linguistic imperialism continued. New York; London: Routledge, 2009.

лийский язык, поскольку использование нидерландского возводит коммуникативный барьер для его пользователей. Однако национальные языки жизненно необходимы для сохранения национального единства, развития демократии, образования и взаимопонимания в научной сфере, независимо от того, являются ли они первыми или вторыми языками для своих носителей.

Удивительнее всего попытка доказать, что Британский совет никак не связан с мировым распространением английского языка, что противоречит более чем 70-летней практике деятельности этой организации. Огромные американские инвестиции в глобальный английский также нигде не упоминаются. Являясь директором Центра прикладной лингвистики, расположенного в Вашингтоне, Остлер делал вид, что не видит очевидного языкового империализма, направленного на постколониальные страны и во всё большей степени на Европу. Он не пишет о связи между английским языком и глобальными системами — политической, экономической, финансовой, военной и образовательной, создаваемыми с 1945 года¹.

Основные усилия США и Великобритании были направлены на подготовку преподавателей английского языка, на разработку программ и учебно-методического обеспечения, а также на изменение политики других стран в сфере школьного и университетского образования. При этом политические цели явно превалировали над учебно-методическими. Р. Филлипсон пишет: «Преподавание английского людям, говорящим на нём не от рождения, может навсегда изменить восприятие мира обучаемыми. Если и когда новый язык становится по-настоящему употребительным в слаборазвитой стране, мировоззрение учащихся полностью меняет свою структуру. Министерство образования, испытывающее давление со стороны националистов, может неправильно оценивать интересы страны. Националистические взгляды могут похоронить всякую надежду на использование английского как второго языка. Английский стал не только выразителем современных мыслей и чувств англоязычного мира, но и носителем всей гуманистической традиции развития, всего наилучшего (и наихудшего), что было осмыслено и прочувствовано человечеством с тех пор, когда появилась письменная история»².

Таким образом, английский служит единственным языком, в котором нуждается современный мир. Конечно, новые независимые государства могут под давлением национализма быть настолько неразумными, чтобы сопротивляться внедрению английского, но в таких случаях нет необходимости считаться с их волей: «В подобных слу-

¹ Ostler N. The Last Lingua Franca. English Until the Return of Babel. London: Penguin (Allen Lane), 2010. P. XIX.

² Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 26.

чаях их пожелания могут быть отклонены»¹. В принципе, конечно, неанглоязычные страны могут сами определять свою политику в сфере изучения иностранных языков, но они нуждаются в советах, позволяющих понять, в чём заключается их выгода. Так, если министры образования других государств, ослеплённые узконационалистическими интересами, не соглашаются с такой постановкой вопроса, долг представителей англоязычных наций заключается в том, чтобы давать им советы или, при необходимости, требовать их замены на других, более лояльных: «Если какой-нибудь министр образования неадекватно оценивает интересы своей страны, следует напомнить ему, что английский язык является носителем всего, что было осмыслено и прочувствовано в течение многих веков, а также ключом к блестящему будущему, ожидающему нас»². С этой точки зрения внедрение английского имеет целью не только замену одного языка на другой, но и навязывание других ментальных структур и целостного мировоззрения, свойственного американским англосаксам.

Всемирное распространение английского языка приносит англоязычным странам значительные политические и коммерческие выгоды. Англофоны контролируют не только рынок обучения английскому языку, но также и рынок издания учебников, словарей, распространения методик обучения. По самым минимальным подсчётам, благодаря использованию английского в других странах одна только Великобритания ежегодно экономит на изучении иностранных языков и закупке учебников не менее 25 млрд долл., а США просто отменили обязательное изучение иностранных языков в средних и высших учебных заведениях, экономя не менее 16 млрд долл. в год. В то же время другие страны несут большие расходы по обучению английскому, приобретению учебной литературы и переводам с английского и на английский. По расчётам Ф. Грена, в 1999 г. трансферт на эти цели из стран Европейского союза в Великобританию составлял не менее 10 млрд долл. Одна только Франция тратит на изучение иностранных языков в 4 раза больше, чем Великобритания. Ещё в более худшем положении оказываются страны, чей национальный язык используется только в одной стране, такие как Венгрия, Болгария, Дания, Греция и др.³

Языковая политика США направлена на достижение двух связанных между собой целей: за пределами англоязычного ареала повсюду навязывать английское моноязычие, а на своей территории

¹ Phillipson R. *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 26.

² Ibid.

³ Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 02.12.2023).

всячески ограничивать языковое разнообразие и укреплять моноязычие, которое в значительной степени подорвано из-за быстрого роста доли испанофонов в населении¹. Э. Хобсбаум подчёркивал, что американская культурная гегемония всегда имеет политическое измерение, которого не было у английской: Америка хочет переделать мир по определённой модели, в качестве которой предлагает саму себя².

Внедрение английского языка в неанглоязычные страны всегда начинается со смены языка национальных элит. А затем, благодаря массовому изучению английского представителями среднего класса, неанглоязычные страны постепенно ассимилируют англосаксонские ценности. Контент, переносимый с помощью английского языка, содержит ценности, предрассудки, стереотипы и четкие директивы о том, что народы должны думать о самих себе и о том месте, которое англосаксы отводят для них в мире. По всему земному шару распространяется один и тот же «месседж», который в конце концов укореняет в головах людей идею об универсальном характере англосаксонской культуры и английского языка, по сравнению с которым автохтонный язык — всего лишь забавный «патуа» (говор, диалект). В идеале «аборигены» должны начать положительно относиться к тому, что выдается за их национальные интересы. Маленькие дети во всем мире, благодаря раннему изучению английского языка, отказываются от своей родной культуры, кажушейся им неполноценной, и впитывают доминирующую англосаксонскую культуру. Таким образом, англоязычный языковой империализм постоянно воспроизводит структурные и культурные неравенства между английским и другими языками.

Сегодня не только сами англосаксы убеждены в превосходстве своего языка над другими, но эту точку зрения разделяют и другие нации, охотно изучающие английский, чтобы избежать «языкового апартеида». В результате этой гегемонии весь мир становится сообщником англо-американского империализма. Те страны, которые маргинализируют свои собственные языки в угоду американо-английскому либерализму, несут часть ответственности за эту ситуацию.

Вопреки пропагандистским лозунгам, распространение английского языка не является политически нейтральным, оно в точности соответствует движению американских капиталов. Не случайно две крупные мировые державы — постсоветская Россия и постмаоистский Китай, решив участвовать в экономической глобализации, приняли усиленно изучать английский язык. Европа и страны Латинской

¹ *Марусенко М.А.* Внутренний языковой империализм США: от «плавильного котла» к «салатнице» // США — Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 10. С. 46–62.

² *Hobsbawm E.J.* Les enjeux du XXe siècle. Bruxelles: Editions Complexe, 2000. P. 58.

Америки также решили сделать английский своим вторым языком. Таким образом, глобализация открыла доступ к той части мира, где используется только английский язык.

Чем шире будет распространяться изучение английского языка, тем сильнее будет колониальное влияние США и Великобритании на национальные общества англоязычных стран. В любом случае победителями в англоизации будут только англосаксы, поскольку она осуществляется целиком за счёт других стран. Так, любая международная организация, применяющая английский, автоматически попадает под контроль англофонов от рождения, поскольку только они могут гарантировать качество английского языка. Однако если бы неанглоязычные страны запретили у себя изучение английского языка, это вызвало бы народные волнения, до такой степени представления о социальном росте и повышении благосостояния связаны с владением английским.

Стоит отметить, что даже Канада, слывущая образцом языковой толерантности, испытывает на себе влияние англоязычного языкового империализма. Канада никогда не была страной, населённой носителями только английского и французского языков. Такая точка зрения была навязана Королевской комиссией по билингвизму и бикультурализму в 1960 г., посчитавшей, что в стране есть только две государствообразующие нации: англичане и французы. Все другие этнические группы вообще не принимались во внимание и в переписях канадцы учитываются всего по трём категориям: англофоны, франкофоны и аллофоны (все остальные). Такой подход к языку влечёт за собой установление иерархии языков и культур, которая очень похожа на «расовый порядок»¹. Канадские автохтонные народы и иммигрантские этнические группы считались разьединёнными и конфликтующими между собой, и это было предметом консенсуса между франкоязычными и англоязычными канадцами. Хотя натурализационный статус обоих языков формально одинаков, поскольку для натурализации требуется владение одним из двух официальных языков, явный перевес в пользу английского при выборе языка иммигрантскими меньшинствами свидетельствует о реальном доминировании английского.

Отвечая на вопрос, откуда исходит притягательность английского языка, нужно сразу же сказать, что его почти эксклюзивное использование в таких престижных сферах, как международные отношения, торговля, наука или культура, никак не связано с его внутренними достоинствами. Часто встречаются утверждения, что он притягивает людей благодаря лёгкости изучения. Однако определение степени лёгкости языка остаётся очень спорным и субъективным делом, зави-

¹ *Haque E. Multiculturalism Within a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 2012. P. 4.*

сящим от того, кто изучает данный язык как второй. Для многих народов, населяющих земной шар, английский кажется очень трудным языком, поскольку у него противоречивая грамматическая система, трудное произношение и очень запутанная орфография.

То, что английский постепенно вытесняет с международной арены другие международные языки, объясняется отнюдь не большой любовью народов к американцам или англичанам. Наоборот, после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. американцы, до того уверенные, что весь мир восхищается ими и их образом жизни, с удивлением узнали, что их могут ненавидеть. Люди изучают английский язык по практическим соображениям, в надежде иметь возможность общаться со всем миром, и английский даёт им её, потому что после распада СССР в 1991 г. только США отвечали критериям, определяющим супердержаву: военная мощь, экономическое развитие, технологические инновации и культурное влияние. Как отметил У. Эко, «нынешний успех английского — совместное порождение колониальной и торговой экспансии Британской империи и гегемонии технологической модели Соединенных Штатов. Вполне вероятно, что распространение английского облегчается тем, что этот язык богат односложными словами, способен вбирать в себя иностранные термины и создавать неологизмы; но если бы Гитлер победил, а Соединенные Штаты были бы низведены до уровня конфедерации крохотных государств, не более сильных и стабильных, чем государства Центральной Америки, разве нельзя выдвинуть гипотезу, согласно которой весь земной шар сегодня с такой же легкостью заговорил бы по-немецки, и по-немецки рекламировались бы японские транзисторы в Duty Free Shop (или тогда уж Zollfreie Waren) гонконгского аэропорта?»¹

Язык приобретает статус международного в первую очередь благодаря политической силе его носителей. Так, два тысячелетия назад греческий язык стал языком-посредником на Среднем Востоке не из-за высокого интеллекта Платона и Аристотеля, а благодаря мощи армии Александра Македонского. Латынь распространилась по Европе также благодаря силе римских легионов. История международного языка пишется через победы его солдат и первооткрывателей. И английский язык в этом отношении не является исключением.

Вооружённые силы США начали участвовать в экспансии английского языка ещё со времен Первой мировой войны, но особый размах это участие приобрело после Второй мировой войны. Американские войска присутствуют более чем в 110 странах, расположенных на всех континентах. Сотни тысяч американских солдат служат на военных базах, раскиданных по всему миру. Между присутствием амери-

¹ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Alexandria, 2007. С. 339.

канских войск и популярностью английского языка в странах их дислокации существует прямая связь. Так, местные поставщики продовольствия, товаров и услуг обязаны работать только на английском языке, что придаёт ему привилегированный статус в этих странах. Почти в каждой стране для американских солдат работают радио- и телестанции, вещающие на английском языке. Для выполнения вспомогательных операций и строительных работ американцы нанимают местный персонал, рабочим языком которого также должен быть английский. Такое односторонне провозглашённое моноязычие имеет большие политические последствия, если учесть количество американских баз по всему миру. Ни одна страна, даже такая, как Германия или Япония, не оспаривает этот порядок.

До последнего времени ни одно государство не могло соперничать с экономической мощью США. Американские предприятия расположены по всему миру, и это — эффективное средство распространения английского языка. Глобализация экономики представляла собой современную форму американизации, потому что она развивалась преимущественно за счёт американской экономики. Торговые и финансовые связи, которые формируются в глобализованной среде, необходимы для развития всех стран. Следует отметить, что практически все мировые финансовые сети либо проходят через США, либо начинаются или оканчиваются в них.

Во всех американских мультинациональных предприятиях, расположенных за рубежом, английский является обязательным языком для ведения бухгалтерии и составления финансовых отчётов. Всё большее число предпринимателей и фирм используют английский в своей отчётности. В большинстве случаев это делается с помощью программных средств, разработанных в США и имеющих документацию на английском, ту же самую, что используется в Соединённых Штатах. Вообще американцы считают, что национальные языки тех стран, в которых они работают, плохо приспособлены для создания прибавочной стоимости, и пользуются этим в своих интересах при попустительстве правительств этих государств.

Культурное влияние английского языка объясняется не столько численностью его носителей от рождения, сколько экономической и дипломатической поддержкой. В этой сфере основные носители американских ценностей — кинематограф, шоу-бизнес и интернет.

В области культуры американцы сумели навязать всему миру свои «стандарты качества». Вовсе не обязательно, что американские фильмы или песни лучшие в мире, просто США имеют возможность распространять их по всему миру. Успех американской культурной продукции в значительной степени объясняется хорошим маркетингом. Индия, например, производит ежегодно почти вдвое больше фильмов, чем США, но увидеть индийский фильм в Соединённых

Штатах или в европейских странах практически невозможно, тогда как весь мир заполнен американской кинопродукцией на английском языке или дублированной. Американские фильмы занимают более 90% рынка кинопродукции в Германии и Бельгии, более 80% — в Италии и Испании, около 60% — во Франции. Английский язык стал доминирующим языком мирового кинорынка, поэтому многие деятели киноиндустрии во всём мире считают, что их национальные языки представляют барьер на пути к международному распространению их продукции и стараются работать по международным стандартам, определяемым и навязываемым американской культурной индустрией, и, по возможности, на английском языке.

Американцы широко используют дублирование фильмов для расширения экспорта своей кинопродукции, но никогда — для импорта иностранных фильмов. В США действует запрет на импорт дублированных иностранных фильмов, поэтому все они в США сопровождаются субтитрами. Цель этого — намеренное сохранение культурной изоляции США, с одной стороны, и расширение экспорта американской идеологии — с другой. Многочисленные американские телесериалы пропагандируют по всему миру американский образ жизни, воспевают протестантскую идеологию и распространяют якобы «универсальные» моральные ценности, на самом деле замешенные на пуританской морали. Благодаря этому США, производящие 5% мировой кинопродукции, получают не менее 50% мировых кинобюджетов.

Важный элемент американской культурной экспансии — поп-музыка. Американские песни настолько широко распространены во всём мире, что национальное производство в большинстве стран сведено к уровню традиционного фольклора, а во многих странах оно практически прекратилось. Так, почти невозможно купить CD или DVD с песнями на шведском, нидерландском, малайском или других языках либо потому, что они не производятся, либо потому, что они не представлены на международном рынке.

Только самые большие страны, например Китай, Россия, Германия, Франция, Италия, Бразилия и некоторые другие, сохраняют национальное производство музыкальной продукции. Для того чтобы получить известность за рубежом, неанглоязычные исполнители должны обязательно петь по-английски, но затем их песни блокируются британскими и американскими продюсерами. Американские или британские певцы легко добиваются успеха за рубежом, но шансы неанглофонов, даже поющих на английском, добиться успеха в США или Великобритании очень малы. В то же время американская поп-музыка завоевала весь мир благодаря тому, что все сети распространения контролируются американцами, защищающими свой рынок.

Большинство центров технологических инноваций находится в англоязычных странах (США, Великобритания, Австралия, ЮАР, Индия) либо в странах, где в этих центрах рабочим языком является английский (Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия, Тайвань, Малайзия, Сингапур). США продолжают опережать другие страны в области научно-исследовательских и технологических разработок и имеют достаточно свободных капиталов, чтобы приобретать переловые европейские и азиатские предприятия.

Самой характерной сферой технологического, языкового и культурного доминирования США является интернет. Американцы создают видимость того, что все интернет-технологии имеют американское происхождение. Эта ставшая почти всеобщим убеждением иллюзия значительно облегчает американскую экспансию на рынке информационно-коммуникационных технологий. В самом деле первые программы создавались для обработки текстов на английском языке. 7-битный код ASCII (American standard code for information interchange) плохо работал с письменностями, отличными от английской. И американцы не были заинтересованы в замене этой системы, которая предоставляла им значительные преимущества, тем более что другие нации не возражали против этого или не осмеливались выражать свои протесты вслух. Однако в начале 1990-х годов были разработаны 16-битные системы кодировки, позволяющие закодировать огромное число символов из разных письменностей. Система UNICODE позволяет кодировать китайские иероглифы, математические символы, кириллицу, латиницу, греческий и прочие алфавиты. Поэтому начиная с 1980-х годов доля английского языка в интернете начала снижаться. В 1990 г. она составляла 90%, в 2002 г. — 50%, в 2009 г. — 29%, в 2011 г. — 26,8% и продолжает снижение. В то же время растёт число пользователей на других языках. За последние годы наибольший прирост по числу пользователей имели арабский (2501,2%), русский (1825,8%), китайский (1478,7%), португальский (990,1%), испанский (807,4%) языки¹. Однако интернет, как всякий инструмент, может оказывать поддержку использованию какого-либо языка или являться средством интеграции в чужую культуру. Это происходит в случаях, когда неанглоязычная страна решает использовать на своих сайтах не свой национальный, а английский язык.

Специфический интерес к языку научных публикаций — также характерная черта американского языкового империализма. При том, что 95% всех мировых научных изданий обеспечиваются всего шестью языками (английский, русский, японский, испанский, французский и китайский), все языки, кроме английского, сокращают

¹ Internet Word Stats. Usage and Populations Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/> (дата обращения: 18.05.2023).

свои доли. Ещё в 1990 г. на английский приходилось 64,7% всех научных изданий, а на втором месте с большим отрывом шел русский. Сегодня более 80% журналов, индексируемых в списке журналов Scopus, издаются на английском. Использование английского как универсального языка науки объясняется политическими и экономическими факторами, создающими английскому языку преимущества перед его потенциальными конкурентами. На рис. 3.1 показана динамика отношения числа научных публикаций на английском языке к числу публикаций на национальных языках восьми стран в период 1996–2011 гг.¹ Видно, что в последние годы особенно интенсивный рост публикаций на английском языке имел место в Нидерландах, Италии и Российской Федерации, тогда как во Франции, Испании и Китае ситуация стабилизировалась, а в Бразилии отношение числа публикаций на английском к числу публикаций на португальском даже уменьшилось.

Среди 4000 самых авторитетных научных журналов 80% находятся под контролем британских и американских издательств, а оставшиеся сами стремятся перейти под их контроль и всё чаще начинают издаваться на английском.

Начиная с 1960-х годов в США отказывались публиковать статьи, написанные на других языках, кроме английского. Навязывание единого языка научных публикаций было сделано под давлением американских университетов и самих учёных. Дело в том, что подавляющее большинство американских учёных, не считая, естественно, иммигрантов, не знают другого языка. Поэтому конкурсные комиссии американских университетов просто игнорируют публикации на других языках. Американцы считают, что все научные открытия совершаются в США и возможны только на английском языке. Более того, они уверены, что большинство учёных в мире — американцы. Причина этого в том, что американская научная среда организована таким образом, что никогда не пропагандирует открытия, сделанные европейскими, русскими или китайскими учеными, но в лучшем случае она игнорирует их, если только нет возможности присвоить себе их авторство.

Тот факт, что США стали главным источником распространения английского языка в сфере науки и культуры, объясняется исключительно их экономическими интересами. В масштабах всей планеты англоязычный ареал насчитывает около 60 стран, в которых проживают почти 2 млрд человек. Это самый крупный языковой рынок на планете. Поэтому англосаксов интересует не столько сам английский язык, сколько его экономическая рентабельность. Рас-

¹ Weijen D. van. The Language of (Future) Scientific Communication. URL: <http://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientific-communication> (дата обращения: 05.01.2024).

пространение английского — серьёзный источник обогащения для американцев и британцев.

Парадоксально, но неанглофоны делают вид, что им это неизвестно. Они наивно верят, что их работы будут лучше известны в англоязычном мире, хотя, хуже владея английским, они становятся менее конкурентоспособными. Зато их работы приносят больше пользы англо-американской экономике, чем собственной стране. Систематическое использование английского языка ведёт к тому, что все открытия начинают ассоциироваться с англосаксонским миром, хотя на самом деле они имеют европейское, японское, китайское или русское происхождение. Нельзя игнорировать и то, что, публикуя свои работы на английском в англо-американских журналах, учёные в обязательном порядке должны принять англо-американскую систему цитирования и добиваться целей, поставленных американцами, иначе они будут признаны неактуальными и неоригинальными.

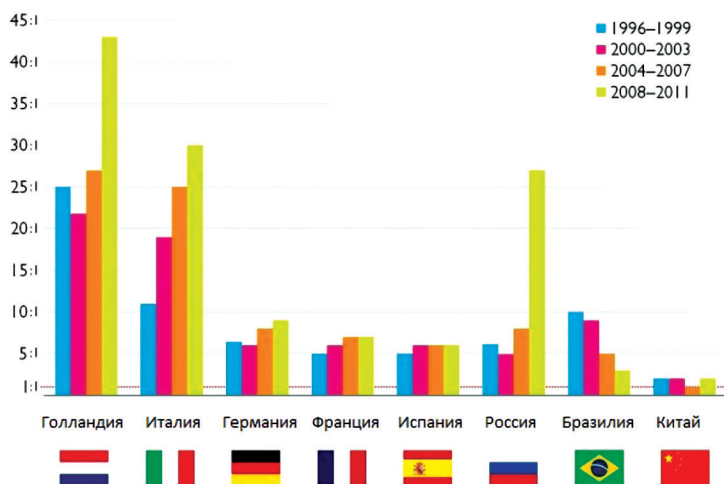

Рис. 3.1. Отношение числа научных публикаций на английском языке к числу публикаций на национальных языках восьми стран в период 1996–2011 гг.

Нужно также иметь в виду, что более 90% присылаемых статей не публикуются, и их содержание остаётся неизвестным. Поэтому в США широко распространена практика использования чужих идей, почерпнутых из работ неанглоязычных учёных, если, конечно, они не были ранее опубликованы в своей стране. И иностранный учёный не может ничего доказать либо должен ввязываться в длительный и дорогостоящий судебный процесс (по американским законам

и на английском языке), шансы выиграть который у него практически равны нулю. Поэтому японцы, например, обязаны публиковать свои результаты в национальных журналах, если в финансировании хотя бы частично участвуют бюджетные деньги.

Широкую известность получил многолетний судебный процесс, который пришлось вести французскому Пастеровскому институту, чтобы доказать приоритет в открытии профессором Люком Монтанье вируса СПИДа, который пыталась присвоить себе американская лаборатория профессора Роберта Галло, куда на рецензию была отправлена посланная в журнал «Science» статья французских учёных. Галло потребовал, чтобы ему прислали микробиологические образцы, а пока велась переписка и доставка препаратов, опубликовал полученные французами результаты как свои собственные. Только благодаря сохранившимся транспортным документам и дорогим американским адвокатам Пастеровскому институту удалось отстоять свой приоритет.

Когда учёный посылает свою статью в американский научный журнал, она попадает на рецензию к назначенному редколлегией специалисту, который оценивает её содержание и принимает решение о целесообразности публикации. Такой специалист находится в положении биржевого спекулянта: ему доверена конфиденциальная информация о компаниях, акции которых котируются на бирже. Но если в бизнесе использование инсайдерской информации является наказуемым преступлением, в случае научных публикаций это совершенно безопасно. Как может малоизвестный учёный, совершивший открытие, доказать, что некий профессор престижного американского университета украл его идею, если он получил из редакции ответ, что статья не имеет никакой ценности и не будет опубликована? Самое интересное, что новейшую научную информацию англосаксы получают совершенно бесплатно и даже если её никто не запрашивал¹.

Американцы, ощущая свою полную безнаказанность, даже не скрывают технологию такого воровства. Один из экспертов, профессор престижного американского университета Ч. Дюран, так описывает эту процедуру: «По крайней мере 90% статей, которые мы получаем, ничего не стоят, 2% — оригинальны и заслуживают публикации, 5% — представляют развитие предыдущих работ, и мы должны их публиковать. И, наконец, менее 1% статей содержат информацию о новых направлениях исследований, которые могут привести к коммерческим применениям. Мы получаем эти статьи в эксклюзивном порядке, самыми первыми, до всякой публикации. Они попадают к нам на серебряном блюде, написанные на нашем языке, хотя мы никого ни о чём не просили. Неужели вы хотите, чтобы мы отказы-

¹ Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 380–382.

вали себе в использовании лучших идей? Даже имея самые лучшие намерения, мы не можем не испытывать их влияния — желание корректировать цели исследований и использовать для себя самые многообещающие идеи. Не забывайте — большинство этих статей приходят из-за границы, и то, что в них написано, никогда раньше не публиковалось ни на английском, ни на других языках. С другой стороны, мы проводим от трети до половины нашего времени в поисках денег для финансирования наших исследований. У многих из нас нет никаких гарантий продления контрактов. Конкуренция за гранты, которые тают, как снег на солнце, очень жестокая. Все стараются блеснуть, даже если этот блеск — только видимость... В этих условиях, как вы понимаете, мы пользуемся любой интересной идеей, на которую мы должны дать отзыв. Некоторым из моих коллег приходилось отказывать в публикации статьи, когда они хотели пиратски использовать её содержание и закрепить за собой приоритет публикации. Хотя в большинстве случаев в этом даже нет необходимости... В целом, из-за недостатка улик нас не могут даже обвинить в плагиате. Галло проиграл процесс против Пастеровского института потому, что он получил образцы и, таким образом, появились материальные следы»¹.

Большую роль в сохранении или распространении любого языка играют демографические факторы, среди которых важнейший, но не единственный — численность носителей данного языка. Кроме того, необходимо учитывать фертильность языковой группы, способность к ассимиляции мигрантов и географию распространения языка. Так, 320–380 млн человек пользуются английским как первым (материнским) языком (*L1*). Они проживают в основном в США, Великобритании, Канаде, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР. Носители английского языка как второго (*L2*) составляют 150–300 млн человек и проживают в Камеруне, Индии, Кении, Малайзии, Нигерии, Пакистане, на Филиппинах и в Сингапуре. Носители английского языка как иностранного (*EFL*), т.е. люди, способные использовать его в качестве языка-посредника при общении с иностранцами, составляют от 100 млн до 1 млрд человек. Это жители Германии, Китая, Японии, Мексики, России и т.д. Нужно иметь в виду, что, хотя в мире никогда не было такого числа англофонов от рождения (*L1*), как в настоящее время, относительная доля этой группы в общей численности англофонов снижается из-за роста численности группы *L2*. По некоторым оценкам, число людей, в какой-то степени компетентных в английском языке, составляет ещё 1,5 млрд человек. К тому же страны группы *L2* имеют самые быстрые темпы роста населения. Целый ряд государств, таких как Аргентина, Бельгия, Дания,

¹ Durand Ch.-X. Le français, une langue pour la science (I à VIII). URL: http://www.voxlatina.com/vox_dsp2.php3?art=831 (дата обращения: 20.05.2023). Р. 831.

Нидерланды, Норвегия, находятся на стадии перехода из группы *EFL* в группу *L2*. В целом, на сегодняшний день ни один язык, кроме китайского, не может составить конкуренцию английскому по числу носителей¹.

Британский совет открыто заявляет: с помощью английского языка легче поддерживать права человека, демократические правительства, разрешать конфликты и помогать демократическим процессам обеспечивать доступ к информационному обществу, мировым СМИ и свободу мнений»². Неужели британцы на самом деле думают, что людям других стран легче выражать свои мысли на *английском* языке, чем на почти 7000 своих автохтонных языках? Подобный этноцентрический и лингвоцентрический дискурс сам по себе является нарушением прав человека, которые должны принадлежать носителям всех языков.

3.3. СВЯЗЬ РАСОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЯЗЫКА В АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Связь **языка** и расовой идентичности ярко проявляется в политическом дискурсе, прежде всего, в выступлениях ведущих политиков. Лучше изучен стиль президента Барака Обамы, подражающего стилю черных проповедников. Стилистические различия между Обамой и его республиканским конкурентом Миттом Ромни, характеризующие личность первого, сыграли свою роль в победе Обамы. Стиль М. Ромни был вербальным эквивалентом его личности: плоским, одномерным и неконтактным. Независимо от аудитории, он всегда выступал одинаково и монотонно, сохраняя на лице вымученную улыбку.

Предыдущие американские президенты способны менять стили речи. Эта способность отличается от красноречия или эмпатии. Б. Клинтон и Дж. Буш славились способностью говорить в «народной» манере: Клинтон перед черной и южной аудиторией, Буш с южанами и латиносами, иногда переходя на испанский. До них президентом, считавшимся самым большим мастером смены стилей, был Линдон Джонсон³. В 2008 г. Обама поднял языковую гибкость своих предшественников на новую высоту, используя в своих выступлениях языковые признаки, характерные для речи афроамериканцев. Подражая стилю черных проповедников, он часто использовал воп-

¹ Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais. URL: http://www.axl.cefano.ulaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 02.12.2023).

² British Council. Press pack for English 2000 project. British Council, 2000.

³ Alim H.S., Smitherman G. Obama's English // The New York Times. Sept. 8, 2012.

росно-ответную форму, добиваясь ассоциации с их проповедями. Его способность совмещать «белый синтаксис» с «черным стилем» сыграла ключевую роль в определении его идентичности как американца и христианина. Обама умело использовал ресурсы многоязычия: он писал, что выучил испанский в Гарлеме, «обмениваясь шутками» с соседями-пуэрториканцами, что его отец-кениец говорил по-английски с британским акцентом, а гавайский креольский он выучил от своего дедушки по материнской линии.

Идеологические воззрения Обамы приводили к образовательным и политическим заключениям. В книге «Смелость надежды» он писал, что члены любой миноритарной группы продолжают рассматриваться в зависимости от степени своей ассимиляции. Но расовые и этнические меньшинства (и белый рабочий класс) должны изучать стандартный американский английский, тогда как всем детям нужно научиться понимать и ценить нюансы всех американских стилей речи¹.

В мультиэтнической и мультикультурной Америке, где испаноязычные составляют самое большое языковое меньшинство, а азиаты — самое быстро растущее меньшинство, политики национального масштаба должны владеть разными стилями речи. Президент должен говорить как белый, принадлежащий к среднему или высшему классу человек, с допустимым легким региональным акцентом.

13 июня 2023 г. один из республиканских кандидатов на президентских выборах 2024 г. Вивек Рамасвами заявил, что высказывание экс-президента Б. Обамы о позиции многих кандидатов от Республиканской партии, принадлежащих к меньшинствам, является частью «токсичной» либеральной идеологии. Обама сказал в одном интервью, что среди черных или принадлежащих к меньшинствам республиканцев существует тенденция восхвалять Америку и говорить, что они могут сделать ее великой. Отвечая на вопрос республиканца Тима Скотта, сенатора от Южной Каролины, о значении расы на президентских выборах, Обама стал критиковать оптимистичный тон и сказал, что кандидаты должны иметь план борьбы с бедностью целых поколений, последствием сотен лет расизма в Америке. Рамасвами отметил, что либеральный нарратив представляет дело так, что цветным не позволено отрицать существование системного расизма в США: «Это токсичная философия левых... цвет вашей кожи диктует то, что вам позволено говорить об этой стране и что вы не можете говорить, что системный расизм существует, если у вас черная или коричневая кожа»².

¹ *Obama B.* The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. Reprint edition. Vintage, 2008.

² *Gans J.* Vivek Ramaswamy argues Obama's race remarks are part of 'toxic' ideology // The Hill, 06.17.2023.

Игнорирование роли языка и языковых идеологий не позволяло достаточно глубоко изучать важный вид американской идентичности — расовую идентичность, которая отражает гегемоническую идеологию и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы. Расовая идентичность имеет два аспекта, которые важны для афроамериканцев, надеющихся на исчезновение системного расизма. Основным аспектом расовой идентичности — центральность — это призма афроамериканского происхождения, через которую человек смотрит на мир и которая предопределяет многие аспекты психологической жизни афроамериканцев¹. Соответственно, люди, для которых раса является центром самоощущения, более чувствительны к проблемам расы и дискриминации. Идеологии афроамериканцев формировались в условиях их угнетения в ходе всей истории Америки.

Расовые идеологии имеют четыре измерения: националистическое, ассимиляционистское, угнетения меньшинств и гуманистическое идеологии. Высокий уровень национализма основывается на представлении об уникальности афроамериканской расы и поддерживает сепаратистские черные группировки. Ассимиляция основывается на положительном отношении к сходству афроамериканцев с другими группами. Идеология угнетенных **меньшинств** связана с выдвижением политических целей и признания расовых меньшинств. Гуманистическая перспектива ориентируется на общность человечества, которая преодолет расовые различия в социальных отношениях и политике и приведет к пострасовому обществу².

С момента создания Конституции США ключевой темой американской политики была иммиграция. Дебаты об иммиграции определяли и продолжают определять политический дискурс и социальный контекст американского общества. В 2016 г. в США проживали 43,7 млн легальных иммигрантов, плюс более 11 млн незаконных иммигрантов. Большинство незаконных иммигрантов прибывают из Мексики и стран Центральной Америки, их общее число составляет 8 млн человек. Большинство этих иммигрантов получили образование, но 29% не имеют аттестата о среднем образовании. Это породило распространенное мнение о том, что иммигранты разрушают американскую экономику и общество. Кроме того, бытует мнение, что иммигранты представляют опасность для национального единства, потому что они неевропейцы, необразованны, бедны, мотивированы финансовым успехом и не заинтересованы в приобщении

¹ Burrow A.L., Ong A.D. Racial identity as a moderator of daily exposure and reactivity to racial discrimination // *Self & Identity*. 2010. № 9. P. 383–402.

² Augoustinos M., De Garis S. 'Too Black or not Black enough': Social identity complexity in political rhetoric of Barack Obama // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42. P. 564–577.

к моральным ценностям американского общества. Их присутствие угрожает национальному единству, размывает солидарность американских граждан по отношению друг к другу и вскоре превратит США в общество, в котором меньшинство противопоставлено большинству¹.

Двойственное отношение к иммигрантам наблюдается не только среди широких масс, но и у знаковых политических деятелей. В 2014 г. президент Б. Обама объявил о новой иммиграционной политике, в центре которой будет «депортация преступников». В 2016 г. Д. Трамп изложил свой будущий план по борьбе с иммиграцией, заявив, что «что бесчисленное количество жизней невинных американцев было погублено из-за того, что политики не выполняли свой долг охранять границы и усиливать законы». Именно тогда он заявил, что намерен построить стену для того, чтобы помешать незаконным мигрантам, особенно из Мексики, проникать в США.

Идеологические положения, содержащиеся в заявлениях Обамы и Трампа, помогают понять, как иммигранты позиционируются в американском обществе. Язык, который использовали эти политики, стал формой действия, которое исторически и социально связано с другими социальными факторами. Тексты политического дискурса никогда не бывают идеологически свободными, объективными или отделенными от социальной реальности.

Дискурсивный анализ выступлений обоих президентов показал наличие как сходных, так и различающихся идеологических позиций в отношении к иммигрантам и американской идентичности².

Поскольку Обама и Трамп принадлежат к разным политическим партиям, можно было бы предположить, что они по-разному описывают иммигрантов. Удивительно, но они говорят об иммигрантах практически в одинаковых выражениях. В своих выступлениях они используют практически одни и те же уничижительные термины (*Illegal immigrant(s)*, *undocumented immigrant(s)*, *felon (felony)*, *criminal*, etc) в отношении иммигрантов³. Но темы, о которых говорят оба политика, существенно различаются. Главной темой иммигрантского дискурса Обамы является влияние иммигрантов на американскую экономику. Он подчеркивает, в частности, что большинство людей в США, имеющих ученую степень PhD, являются иммигрантами. Второй по значимости темой у Обамы стала национальная безопасность. У Трампа, наоборот, приоритетной темой становится

¹ Gold S.J. Immigration Benefits America // Springer Science & Business Media. 2009. Vol. 46. P. 408–411.

² Tinshe S., Junaidi J. Who are Americans? Analysis of Obama and Trump's Political Speeches on Immigration // CELTIC: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature & Linguistics. 2019. Vol. 6. № 2.

³ Ibid. P. 79.

национальная безопасность, а говоря об экономике, он делает акцент на гуманитарной помощи беженцам.

И Обама, и Трамп, определяют идентичность иммигрантов как антиамериканскую. Их позиция зависит от того, как они представляют себе иммигрантов, при том, что оба используют для этого уничижительные термины. Продвигаемые ими идеологии американской идентичности имеют существенные различия, хотя оба признают, что США являются нацией иммигрантов.

Обама проводит различие между американцами и иммигрантами, заявляя, что американцы являются также законопослушной нацией. В целом, он считает иммигрантов проблемой для Америки, маргинальной группой, которая не имеет никаких юридических прав: «...тем, кто опасается этих иммигрантов, в некоторых случаях потому, что они стали олицетворять потерю контроля над страной и ее границами, я бы просто сказал, что мы не можем иметь страну, в которой есть класс слуг, собирающих наш салат, ощипывающих наших кур, присматривающих за нашими детьми или стригущих наши газоны, но никогда не имеющих всех прав и обязанностей граждан»¹. Он заявил, что американцы имеют власть над иммигрантами, внушая мысль, что к иммигрантам всегда относились как группе второго сорта. Признавая свое иммигрантское происхождение, Обама сказал, что история иммигрантов — это также и его история. Он отметил, что иммигранты могут становиться американскими гражданами, если они соглашаются пройти несколько юридических этапов и соблюдать закон. В ноябре 2014 г. он предложил, чтобы те, кто прожил в США больше пяти лет, имеет детей, рожденных в США, может пройти проверку на отсутствие криминального прошлого и платит налоги, могли оставаться в Америке, не опасаясь угрозы депортации. Как президент США, он открыл возможность иммигрантам стать гражданами США².

Что касается Трампа, используя уничижительную терминологию, он не опасался обвинений в том, что он ненавидит иммигрантов и относится к ним свысока: «...большинство незаконных иммигрантов — это низкоквалифицированные рабочие, без образования, которые напрямую конкурируют с уязвимыми американскими рабочими, и что эти нелегальные рабочие вытягивают из системы гораздо больше, чем могут когда-либо возместить»³. Он считает, что иммигранты в долгу

¹ *Obama B.* Floor Statement of Senator Barack Obama on Immigration Reform. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Floor_Statement_of_Senator_Barack_Obama_on_Immigration_Reform (дата обращения: 13.01.2024).

² *Obama B.* Remarks by the President in Address to the Nation on Immigration. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/20/remarks-President-address-nation-immigration> (дата обращения: 13.01.2024).

³ *Hansen R.J.* Trump, Pence in Arizona: Dueling appearances as primary election nears // Arizona Republic. July 23, 2022.

перед американским народом и не могут иметь никакой власти в отношении работодателей. Трамп открыто не желает считать иммигрантов частью американского общества и выступает против амнистии незаконных иммигрантов, проводимой Обамой, и за их депортацию. Для того чтобы отделить Америку от Мексики, он затеял строительство пограничной стены, платить за которое, по его мнению, должно правительство Мексики. Трамп выступает против того, чтобы считать иммигрантов частью американского общества и давать им возможность законным образом получать американское гражданство.

В выступлениях Трампа иммиграция рассматривается как расовая проблема. С одной стороны, это объясняется тем, что электорат Трампа более чем на 80% составляют белые американцы, принадлежащие к кавказской расе. С другой — он постоянно говорит о «дисбалансе власти», в котором виноваты мексиканцы и за который они должны будут заплатить. Он использует общее название испанцы (*Hispanics*), которое имеет не национальное, а расовое значение. Это показывает, до какой степени Трамп опирается на расу, а не на американский национализм.

Таким образом, обе идеологии, Трампа и Обамы, связаны с вопросами идентичности американцев и иммигрантов. С начала XX в. американская идентичность была тесно связана с белыми англосаксонскими протестантами (*WASP*). С точки зрения Трампа на американскую идентичность, она не должна значительно отличаться от *WASP*. Эту идеологию разделяют и большинство республиканцев, консервативно относящихся к американской идентичности. Что касается взглядов Обамы на американскую идентичность, он не ограничивается одними *WASP* и считает американцев цветной нацией. С его точки зрения, единственное условие для получения американского гражданства — это соблюдение законов.

Обама как демократ придерживается центристских взглядов на национальную идентичность, тогда как Трамп, являясь республиканцем, придерживается правых, консервативных взглядов. Различие точек зрения Обамы и Трампа основано не только на партийных разногласиях, но и на их расовой идентичности. Обама, сам выходец из миноритарной расы, использует иммигрантский дискурс, а Трампу, белому американцу, миноритарное мировоззрение глубоко чуждо¹.

Однако, учитывая демографическую ситуацию в США, где испаноязычные составляют самое большое этноязыковое меньшинство, и их удельный вес постоянно растет, Трампу приходится заигрывать с испаноязычными избирателями. Несмотря на то что в 2015 г. на праймериз Республиканской партии он раскритиковал Джеба

¹ Tinshe S., Junaidi J. Who are Americans? Analysis of Obama and Trump's Political Speeches on Immigration // *CELTIC: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature & Linguistics*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 85.

Буша, выступавшего на испанском, заявив: «В этой стране мы говорим по-английски, а не по-испански», а в 2016 г. он высказался против языков, отличных от английского, и за роль языка как инструмента насильственной ассимиляции: «Мы — нация, говорящая по-английски, и я думаю, что пока мы живем в этой нации, мы должны говорить по-английски, и именно так происходит ассимиляция... так мы переходим на следующий этап и следующую стадию», он сам прибегает к использованию испанского языка, включая испанские слова в свои выступления, но используя их с отрицательными коннотациями или в отрицательных контекстах. Не владея в полном объеме испанским языком, он использовал его карикатурную версию *Mock Spanish*, искусственный вариант языка, который получается имитацией или пародированием основного варианта. *Mock Spanish* имеет негативную индексацию из-за ассоциаций с вульгарностью и просторечием и способствует воспроизводству отрицательных стереотипов. Эта стратегия заключается в замене английских слов, которые считаются оскорбительными, на испанские (типа *saca* или *sojones*) или в намеренном искажении произношения испанских слов. Использование такого языкового механизма свидетельствует о расистской идеологии и поведении.

Использование Трампом карикатурного варианта испанского языка вызывает раскол внутри страны: считая язык инструментом ассимиляции, он усиливает бинарную оппозицию Мы и Они, где Они — это неассимилированные испанофоны. Если испанофоны соглашаются на ассимиляцию согласно трамповской идеологии, они рискуют подвергнуться эксклюзии из своего этноязыкового сообщества, если они не хотят ассимилироваться — они исключаются из американского общества. Опасность языковой идеологии Трампа заключается в том, что испанофоны попадают в западню, откуда нет выхода¹.

Президент Джозеф Байден, вступивший в должность в 2021 г., унаследовал от своих предшественников все те же проблемы, среди которых важное место занимают иммиграция и американская идентичность. Анализ его предвыборных выступлений позволяет вычлнить ответы на животрепещущие вопросы национальной и иммигрантской политики²:

1) Следует ли запретить въезд в страну иммигрантам-мусульманам до тех пор, пока правительство не улучшит свои возможности

¹ Kiroglu S., Bartolo S., Carranza N. Trump's use of Mock Spanish. How does our president use the Spanish language to divide society and further his agenda? URL: <https://www.colorado.edu/linguistics/2020/04/22/trumps-use-mock-spanish> (дата обращения: 16.01.2024).

² Joe Biden's policies on immigration issues. URL: <https://www.isidewith.com/candidates/joe-biden-2/policies/immigration> (дата обращения: 14.01.2024).

по отсеиванию потенциальных террористов?: Нет, запрет на въезд иммигрантов на основании их вероисповедания противоречит конституции.

2) Должны ли дети нелегальных иммигрантов получать законное гражданство?: Да.

3) Следует ли депортировать иммигрантов, если они совершили серьезное преступление?: Нет.

4) Следует ли разрешить местным правоохранительным органам задерживать нелегальных иммигрантов за мелкие преступления и передавать их федеральным иммиграционным властям?: Да.

5) Должны ли нелегальные иммигранты иметь доступ к субсидируемому государством медицинскому обслуживанию?: Да.

6) Должны ли города-убежища получать федеральное финансирование?: Да.

7) Должны ли США усилить ограничения в своей нынешней политике охраны границ?: Нет, нужно облегчить иммигрантам доступ к временным рабочим визам.

8) Следует ли предоставить временную амнистию работающим нелегальным иммигрантам?: Да.

9) Нужно ли обязывать иммигрантов учить английский язык?: Нет, мы должны принять то разнообразие, которое иммигранты приносят в нашу страну.

10) Должны ли США построить стену вдоль южной границы?: Да.

11) Следует ли США увеличить или уменьшить количество временных рабочих виз, выдаваемых высококвалифицированным иммигрантам?: Увеличить.

12) Должны ли иммигранты сдавать экзамен на гражданство, чтобы продемонстрировать базовые знания языка, истории и государственного устройства нашей страны?: Да, но он должен охватывать только самые основные и простые темы.

13) Следует ли предлагать иммигрантам, не имеющим документов, обучение в государственных колледжах штата, в котором они проживают?: Да, и они также должны иметь право на финансовую помощь и стипендии.

14) Следует ли запретить въезд в страну иммигрантам из стран с высоким уровнем риска до тех пор, пока правительство не улучшит свои возможности по отсеиванию потенциальных террористов?: Нет.

15) Следует ли разрешить иммигрантам в США иметь двойное гражданство?: Да, если только они не совершили террористический акт.

Из ответов Байдена видно, что он не только разделяет взгляды своего однопартийца Обамы, но пошел гораздо дальше, устранив, в частности, важное требование к иммигрантам соблюдать американские законы.

Байден выступает против Трампа и его сторонников (движение MAGA — Make America Great Again), обвиняя их в ненависти к черному и коричневому населению, навязыванию социальных норм и морали белых американцев. В антииммигрантской риторике кандидатов-республиканцев разных уровней центральную роль играет «теория большого замещения», которая предупреждает об опасности иммигрантов и цветных для идентичности белых и республиканских институтов. Так, республиканец Блейк Мастерс, кандидат в сенаторы от штата Аризона, назвал иммиграцию на границе США с Мексикой заговором, организованным демократами для снижения политического веса избирателей, рожденных в США¹. Таким образом, основной идеологический раскол между демократами и республиканцами проходит по расовому вопросу.

Расовые идеологии повлияли на легитимацию расовых категорий и их встраивание в структуру американской идентичности. Дебаты вокруг иммиграции и предоставления гражданства сыграли ключевую роль в процессе оформления и переоформления американских рас. Языковые вопросы всегда были в центре дискуссий об изменениях языковой политики, о моделях иммиграции и нативизме, а также об эволюции понятия расы. В американских переписях населения язык всегда использовался как расовая переменная и как инструмент, позволяющий делить на расы носителей языков (кроме английского), рассматривая их как существенно отличающихся и угрожающих культурной и национальной идентичности США.

Термины раса и этничность употребляются для обозначения различий между людьми и группами, а также для определения расстояния (индексирования) от доминирующей, часто немаркированной группы. Однако виды различий, которые они обозначают, не идентичны: исторически раса включает различия, имеющие физическую, наследственную и неизменную природу, тогда как этничность понимается как культурное различие, обычно передающееся от поколения к поколению, но могущее меняться с течением времени. Если расовый дискурс описывает некоторые группы как существенно отличные и опасные, этнический дискурс относится к ним как к безопасным и даже колоритным.

Хотя понятие расы идеологически строилось как фиксированная объективная сущность, исторически оно связано с гибким компонентом социальной идентичности, что доказывают свидетельства о смене расовой принадлежности в зависимости от смены домини-

¹ Kamali S. White nationalism is a political ideology that mainstreams racist conspiracy theories. URL: <https://theconversation.com/white-nationalism-is-a-political-ideology-that-mainstreams-racist-conspiracy-theories-184375> (дата обращения: 14.01.2024).

рующих представлений о национальной идентичности и принадлежности, вызывающих изменения восприятия разных групп в обществе¹.

Последнее подтверждение — это отнесение иммигрантов-славян в США к расовой категории Цветных на том основании, что представители славянских народов плохо учатся, реже получают высшее образование и быстро размножаются. К Цветным учёные также причислили итальянцев, поляков и ирландцев. Они отметили, что у всех этих народов на территории США одинаковые проблемы, в частности, эти народы сталкиваются с дискриминацией, испытывают трудности с работой и учёбой, а также страдают от незащищённости в социальной сфере. Основная причина дискриминации — недостаточное знание английского языка². Кстати, армяне в США уже давно относятся к категории Цветных, несмотря на то, что вся белая раса именуется там Кавказской.

Признание того, что раса в основном является социальным конструктом, имеет далеко идущие материальные и социальные последствия. В США *раса* идеологически была связана с цветом кожи, а исторически она служила базой для оценки социального достоинства человека, а также для официальной политики, наделяющей или лишаящей конкретных юридических, политических и имущественных прав. Первоначальное расовое деление в США было построено на противопоставлении Белых и Небелых групп, а различия внутри группы, сегодня классифицируемой как Белые, также носили расовый характер. Однако расовые различия внутри Белой группы считались менее важными и устойчивыми, чем между Белыми и другими группами.

Начиная с первой переписи 1790 г., все американские переписи включали вопросы о расе или цвете кожи, что указывает на важность расы как социальной категории. Вопросы о языке появились только в конце XIX в. Их формулировка постоянно менялась, и задавались они разным категориям населения. Поскольку язык связан с расой и национальной идентичностью, то в переписях вопросы о расе, этничности и национальности включались наряду с вопросами о языке.

Раса, определяемая по цвету кожи, была главной социальной и политической характеристикой, тесно связанной со всеми аспектами жизни США. Расовое мышление, идеологически связывающее американский экспансионизм с доктриной расового превосходства англосаксов, не было доминирующей идеологией до первой половины XIX в. Язык не считался определяющей характеристикой

¹ *Urciuoli B. Exposing Prejudice: Puerto Rican Experiences of Language, Race, and Class. Boulder, CO: Westview, 1966.*

² *Curry-Stevens A. & Coalition of Communities of Color. The Slavic Community in Multnomah County: An Unsettling Profile. Portland, OR: Portland State University, 2014.*

новой нации, несмотря на то, что с колониального периода в стране существовали два направления языковой идеологии: одно делало акцент на языковой однородности и на связи языка с национальной идентичностью, другое — признавало языковое разнообразие. Первое направление ясно просматривается в письме американского президента Т. Рузвельта, написанном в 1919 г. его преемнику: «Прежде всего, мы должны настаивать на том, чтобы иммигранты, приехавшие сюда с честными намерениями, стали американцами и ассимилировались с нами; тогда с ними будут обращаться наравне со всеми другими, иначе для них существует опасность дискриминации из-за их религии, места рождения или происхождения... У нас есть место для одного флага, и это американский флаг... У нас есть место для одного языка, и это английский язык... и у нас есть место только для одной лояльности, и это лояльность по отношению к американскому народу»¹. В то время американская интеллектуальная мысль пыталась связать американскую идентичность с идеалами демократии и прогресса².

Относительно малая значимость языка в американском национастроении отражается в отсутствии языковых вопросов в переписях в течение большей части XIX в. В то время существовали государственные двуязычные школы, и некоторые штаты вели обучение на немецком, французском и испанском языках. Это не означает, что двуязычие и языковое разнообразие признавались ценностями: язык считался частным делом и вообще не принимался во внимание, кроме как в качестве социально и политически значимого индикатора расы³. Если к иммигрантским, в первую очередь европейским языкам, отношение было толерантным, то против языков коренных американцев велась организованная кампания по декультурации, включая языковую политику, направленную на уничтожение этих языков.

В первой половине XIX в. расовая идеология в США была на подъеме, и «ползучий расизм» пропитывал весь публичный дискурс американского территориального экспансионизма. Идеологическая связь американской идентичности с декларируемым превосходством Белой расы сопровождалась ростом интереса к евгенике. Ученые, работающие в парадигме научного расизма, лоббировали и добились включения в перепись 1850 г. категории Мулаты, а в последующие периоды были добавлены дополнительные категории.

¹ Theodore Roosevelt's Stance on Immigrants (1907). URL: <https://www.liveabout.com/what-theodore-roosevelt-said-about-immigrants-3957346> (дата обращения: 02.02.2024).

² Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the U.S. Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. № 3. P. 513–514.

³ Pavlenko A. «We have room but for one language here»: Language and national identity at the turn of the 20th century // *Multilingua*. 2002. № 21. P. 163–196.

В результате в перепись 1890 г. были включены следующие расовые категории: Белые, Черные, Мулаты, Квартероны и Октороны, а также Китайцы, Японцы и Индейцы.

Идеологическая связь между национальной идентичностью и англосаксонской расовой идентичностью привела к изменению иммиграционной политики и к призывам к ограничению иммиграции на расовой основе. До этого антииммигрантские выпады были направлены в основном против католиков и обусловлены поисками корней американской политики в англосаксонских традициях и политических институтах. В середине XIX в. произошел перелом: в отношении к группам европейских иммигрантов также стал практиковаться расовый подход, а не подход, основанный на национальных, культурных или политических традициях.

Независимо от их подозрительного расового статуса, иммигранты из стран Южной и Восточной Европы стали относиться к Белым, но в перепись 1850 г. был добавлен вопрос о месте рождения. В 1870 г. была добавлена категория Китайцы, а с ней вопрос о месте рождения родителей. Дети иммигрантов из Европы считались отдельной категорией, а их внуки уже включались в категорию Коренного белого населения. Такой подход к переписям отражал двухступенчатую структуру социально-политической иерархии, в которой дихотомия Белый/Небелый неизменно переходила из поколения в поколение и имела большее значение, чем различия между Белыми, которые исчезали со второго поколения.

В это же время в общественном сознании стала укрепляться мысль о связи американской идентичности с английским языком. Хотя еще в колониальный период высказывались соображения о связи английского языка с американским гражданством, только в конце XIX в. США стали осознавать себя англоязычной нацией. До этого «способность к самоуправлению» признавалась только за представителями Белой расы, но в 1906 г. был принят первый федеральный закон, требующий знания английского для получения гражданства¹. О возрастающей роли английского свидетельствует и появление первого языкового вопроса в переписях 1890 и 1900 гг. Переписчики должны были фиксировать, говорят ли респонденты на английском или могут только понимать его. На пороге XX в. организаторы переписей отдавали приоритет численности резидентов (иммигрантов и коренного населения), не говорящих по-английски, а не идентификации языков, на которых говорили не говорящие по-английски.

Данные, полученные после обработки результатов переписи 1890 г., содержали информацию о расе, месте рождения и языке в свете растущего значения противопоставления Белый/Небелый.

¹ *Jacobson M.F. Whiteness of a Different Color: European Immigrants and the Alchemy of Race. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 338 p.*

Для Белых владение английским определялось по месту рождения. Ответ на вопрос о месте рождения имел три варианта: 1) коренной от коренных родителей, 2) коренной от родителей-иммигрантов, 3) иммигрант. Напротив, для Небелых этот вопрос отсутствовал. Таким образом, для Белых распределение по месту рождения представляло континуум национальной принадлежности, который мог применяться для оценки степени ассимиляции, тогда как Небелые считались неассимилируемыми и иностранцами независимо от места рождения¹.

На грани XIX–XX вв. произошли изменения иммиграционной политики, вызванные ростом потока иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы и подъемом антииммигрантских настроений. Под влиянием евгенических исследований нативисты рассматривали различия между недавними иммигрантами и коренными белыми как расовые, включая ссылки на физические отличия вновь прибывающих. Поскольку **язык** традиционно идеологически связывался с национальной идентичностью, формирование национальной идентичности как имеющей расовый, политический и культурный характер, закрепило за языком роль индикатора расы. Эта связь расы и языка четко прослеживается в публикациях официальных лиц, журналистов и лингвистов о том, что иммиграция представляет опасность для нации и ведет к расовой и языковой катастрофе².

Связка язык — раса постоянно фигурировала в официальных публикациях. Так, в Докладе сенатской комиссии по иммиграции сравнивались экономический успех различных иммигрантских групп и степень их ассимиляции. Этот доклад из сорока двух томов включал всеобъемлющий «Словарь рас и народов», применяющий двухуровневую классификацию народов мира. На первом уровне на основе физических и соматических критериев выделялись пять «великих рас» или «больших делений человечества»: Белые, Черные, Желтые, Коричневые и Красные. На втором уровне с помощью языковых критериев большие расы делились на более мелкие. В докладе описываются многие характерные черты каждой группы, такие как форма и размер головы, тип тела, черты лица, а также моральные и интеллектуальные качества. Язык рассматривался как идеологический атрибут расы, наследуемая физическая характеристика, определяющая социальную ценность человека.

На основе данных переписи Комиссия пришла к заключению, что «новые» иммигранты из стран Южной и Восточной Европы менее

¹ Leeman J. Racializing language. A history of linguistic ideologies in the US Census // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3 (3). P. 516.

² Bonfiglio P.T. Race and the Rise of Standard American. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. 258 p.

желательны, чем «старые» иммигранты из Северной Европы, и рекомендовала ввести ограничения на иммиграцию из этих стран¹.

Параллельно с тем, как язык использовался как индикатор расы, укреплялась связь между языком и национальной идентичностью, подкрепляемая трехчастной идеологической конструкцией «принадлежность к белой расе — английский язык — американская идентичность». Движение за американизацию, в котором участвовали гражданские организации, бизнес, работодатели и местные советы по образованию, требовали обязательного обучения иммигрантов английскому и основам гражданственности, что еще больше усиливало идеологическую связь языка и национальной идентичности.

Поскольку английский стал тесно связан с лояльностью Соединенным Штатам, толерантность по отношению к многоязычию начала исчезать. «Американцы через дефис» (итало-американцы, испано-американцы и т.д.) и те, кто поддерживал культурные, политические или языковые связи с другой страной, считались неполноценными американцами и находились под подозрением. Предполагалось, что выучив английский язык, человек должен прекратить говорить на своем этническом языке. В результате, на пороге XX в. обязательное образование все больше осуществлялось только на английском, а некоторые штаты даже запрещали обучение на других языках. Накануне Первой мировой войны почтовое законодательство запретило периодические издания на других языках. Английский с иностранным акцентом стал признаком потенциальной нелояльности американскому государству.

В 1910 г. американский Сенат принял поправку к 13-му Закону о переписи, гласившую, что население, родившееся за границей, должно классифицироваться по расам². С тех пор в переписи включаются вопросы о материнском языке резидентов, родившихся за границей или от родителей, родившихся за границей, которые должны были указывать *материнский язык* каждого из родителей. Материнский язык использовался как чисто расовый индикатор: «Как индикатор расового характера и происхождения, материнский язык имеет большее значение, чем обычно придается языку, на котором говорит человек»³.

¹ US Senate Immigration Commission (Dillingham Commission). Abstracts of the Immigration Commission, with Conclusions, Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, DC: Government Printing Office, 1911. 864 p.

² US Senate Immigration Commission (Dillingham Commission). Abstracts of the Immigration Commission, with Conclusions, Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, DC: Government Printing Office, 1911.

³ US Census. 13th Census of the United States (1910). Vol. 1 (Population). Washington, DC: Government Printing Office, 1913. URL: https://archive.org/details/1910_census (дата обращения: 11.01.2024).

Однако при всей кажущейся простоте определение материнского языка человека представляет собой сложную проблему. Для всех определений, касающихся людей, приходится принимать решение относительно того, какое из них является пригодным. Существуют два типа определений: эндоопределения — это определения, которые люди сами дают для понятий «свой язык» или «свой материнский язык»; экзоопределения — это определения тех же понятий, которые дают другие (государственные чиновники, переписчики, юристы, школьные администраторы, ученые и т.д.).

Наиболее употребительные определения материнского языка приведены в табл. 3.1¹.

Таблица 3.1

Определения материнского языка

Критерий	Определение
Происхождение	Язык, выученный первым
Идентификация: внутренняя (собственная) внешняя (другими)	Язык, с которым человек самоидентифицируется Язык, с которым другие идентифицируют человека как носителя от рождения
Компетенции	Язык, который человек знает лучше всего
Функция	Язык, который человек использует чаще всего

К таблице 3.1 необходимо сделать несколько пояснений:

1) один человек может иметь несколько материнских языков, в зависимости от того, какое определение из табл. 3.1 применяется;

2) материнский язык человека может меняться, даже несколько раз в течение жизни человека, в соответствии с определениями из табл. 3.1 (кроме определения по происхождению);

3) человек может иметь несколько материнских языков, особенно с учетом определений по происхождению и по идентификации, а также по другим критериям;

4) определения материнского языка могут образовывать иерархическую структуру в соответствии со степенью их значимости для языковых прав человека. Степень их значимости в обществе может определяться по тому, какие из них эксплицитно или имплицитно используются обществом в его институтах.

Для языковых сообществ, образующих большинство в своих странах, все определения сходятся: они первым изучают нацио-

¹ *Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous Children's Education as Linguistic Genocide and a Crime Against Humanity? A Global View // Gáldu Cála — Journal of Indigenous Peoples Rights. 2010. № 1. P. 31–34.*

нальный язык, самоидентифицируются с этим языком, идентифицируются другими как носители этого языка от рождения и знают этот язык лучше и используют чаще всего. Поэтому для них может использоваться комбинация всех определений.

Что касается членов миноритарных групп, живущих в странах, где доминирует мажоритарный или бывший колониальный язык, этот доминирующий язык обычно становится их самым употребительным языком в большинстве формальных (а часто и неформальных) сфер коммуникации. Поэтому к ним можно было бы применять определение материнского языка по функции (самый используемый язык), пока они сами добровольно не выбрали использование доминирующего языка. Использование условного наклонения в данном случае вызвано тем, что определение по функции нарушает языковые права человека, в частности, право на свободный выбор материнского языка, т.е. на эндоопределение.

Для носителей миноритарных языков оптимальным является сочетание определений материнского языка по происхождению и по внутренней идентификации: материнский язык — это язык(и), выученный(ые) первым(и), с которым(и) человек самоидентифицируется.

При обработке данных переписи резиденты, чьи родители родились за границей, классифицировались по материнскому языку своих родителей, который считался наследственной характеристикой, передаваемой от поколения к поколению, независимо от реально используемого языка. Классификация языков в переписях устанавливалась на основе гегемонических представлений о расе, а не на научных лингвистических критериях. Так, английский и кельтский языки были объединены в одну рубрику вместе с идишем и ивритом. Данные по материнскому языку собирались только для Белых, родившихся за границей.

В начале XX в. данные переписей использовались нативистами, которые считали иммигрантов неспособными к ассимиляции и опасными для общества. В свою очередь, обработчики данных объясняли владение английским с точки зрения антииммиграционных активистов: компетенции в английском у иммигрантов коррелируют с длительностью проживания в США; так как квоты для иммигрантов растут, все большую долю среди них составляют вновь прибывшие, что ведет к понижению значений индексов владения английским. Но Бюро по переписи концентрируется на национальном происхождении: «Быстрый рост не говорящих по-английски среди Белых, родившихся за границей, ведет к значительным социальным последствиям»¹.

¹ US Census. 13th Census of the United States (1910). Vol. 1 (Population). Washington, DC: Government Printing Office, 1913. URL: https://archive.org/details/1910_census (дата обращения: 11.01.2024). P. 1265.

Организаторы американских переписей придерживались эссенциалистской точки зрения на язык и использовали его как индикатор расы, встроенный в гегемоническую двухступенчатую идеологию расовой иерархии. Цвет кожи и язык применялись для определения расы и ассоциировались с политической, юридической и социальной маргинализацией. Эти два типа расовых отличий связывались с физическими характеристиками и считались наследуемыми, однако только цвет кожи рассматривался как постоянный трансгенерационный признак. В отличие от него, язык считался полупостоянной характеристикой, которая могла «улучшаться» в будущих поколениях.

После переписи 1920 г. Нью-Йоркский департамент образования получил разрешение и федеральное финансирование для составления списков людей, зарегистрированных в переписи как неграмотные или неговорящие по-английски. Эти списки передавались в местные образовательные округа для направления таких людей в вечерние школы и курсы по американизации. Таким образом, переписи не только утверждали значимость категорий языка и расы для определения национальной идентичности и количественной оценки доли полноценных граждан, но использовались для оказания давления на тех, кто был обязан приобрести эту американскую идентичность.

В середине XX в., после нескольких десятилетий ограничений иммиграции, концепция Белой расы еще более консолидировалась, хотя различия внутри этой группы стали интерпретироваться не как расовые, а как этнические. Тем не менее принадлежность к Белой расе оставалась неотъемлемой частью американской идентичности. Что касается южно- и восточноевропейской идентичностей, во второй половине XX в. они трансформировались, совершив переход на английский язык, что еще более усилило идеологическую связь между английским и американской идентичностью. Хотя иерархия отличий в целом сохранилась, двухступенчатая конструкция претерпела изменение. Дихотомия Белый — Небелый продолжала сохранять свой физический характер, а различия внутри белой группы интерпретировались как культурные или поведенческие. Но в это противопоставление была добавлена третья ступень — Латиносы, которые рассматривались не только как расовая или этническая, но одновременно как наследуемая и культурная категория.

Хотя по Договору Гваделупе — Идальго 1848 г. мексиканцы получили гражданские права и гражданство, а также «почетную принадлежность к белой расе» в результате аннексии Соединенными Штатами юго-западных территорий Мексики, многие мексиканцы и амеро-мексиканцы имели смешанное испано-индейское происхождение и являлись объектом насмешек и дискриминации. Учитывая связь между языком и расой, испаноговорящие мексиканцы и амеро-мексиканцы были отнесены к категории Мексиканцев, в расовом

отношении более низкой, чем англоязычные Белые. В период высокой безработицы 1930-х и 1950-х гг. большое число иммигрантов и родившихся в США американских граждан мексиканского происхождения были репатриированы в Мексику. Эти массовые депортации свидетельствуют о том, что люди мексиканского происхождения не считались полноценными американскими гражданами, а их расовая идентичность определялась по комбинации фенотипа, языка и культуры¹.

В переписи 1920 г. к расовой категории Мексиканцы были отнесены «все люди, родившиеся в Мексике или имеющие родителей, родившихся в Мексике, которые окончательно не относятся ни к Белым, ни к Черным, ни к Индейцам, ни к Китайцам, ни к Японцам»². Нужно отметить, что определение мексиканской расы не включало родившихся в США внуков людей, родившихся в Мексике. Таким образом, люди, не имевшие статус Белых, могли иметь потомков, относящихся к группе Белых.

Это продолжалось до переписи 1940 г., когда категория Мексиканцы была упразднена, и переписчики получили инструкцию записывать всех мексиканцев Белыми. Тем не менее в общественном мнении мексиканцы, амеро-мексиканцы и остальные Латиносы рассматривались как Небелые, как Смешанная раса или как Коричневые³. Одновременно с упразднением категории Мексиканцы был изменен вопрос о материнском языке, который до этого задавался только людям, родившимся за границей, и их детям. Теперь он включался в 5%-ную выборку, независимо от места рождения респондента, распространяя, таким образом, разделение по языку на белых со второго поколения. Это позволило при обработке данных сформировать категорию Белое население с материнским испанским языком, которая позднее стала называться Население испанского происхождения. Как и прежде, язык использовался как маркер отличий, но уже по материнскому языку внутри белой группы, а другие расы могли спокойно говорить на любом языке.

В этот период произошел очень важный сдвиг: материнский язык перестал рассматриваться как наследуемая характеристика, и впервые Бюро по переписи не стало назначать детям, родившимся в США, материнский язык их родителей. В 1940 г. из переписного листа был

¹ Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the U.S. Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. № 3. P. 520–521.

² US Census. *Measuring America: The Decennial Censuses From 1790 to 2000*. Washington DC, 2002. URL: <http://www.census.gov/prod/2002pubs/pol02marv-pt2.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

³ Rodríguez C. *Changing Race: Latinos, the Census, and the History of Ethnicity in the United States*. New York: New York University Press, 2000. 283 p.

удален вопрос о владении английским языком, так как за предыдущие двадцать лет число иммигрантов резко сократилось.

В переписи 1950 г. из-за протестов против расовой дискриминации населения, усилившихся в послевоенный период, языковые вопросы были вообще исключены. Но для определения численности испаноязычного населения Бюро по переписи нашло оригинальный способ: численность Латиносов определялась по «испанским фамилиям». В 1960 г. вопрос о материнском языке родившихся за границей был восстановлен, а численность людей испанского происхождения определялась комбинированным способом: по материнскому языку, фамилии и месту рождения. В разных штатах использовались разные методы подсчета, свидетельствующие о разных идеологических подходах и приводившие к включению или исключению из этой категории разных групп населения.

В 1970 г. впервые за всю историю американских переписей вопрос о материнском языке задавался всему населению США. Учитывая сложные процессы ассимиляции иммигрантов и смену ими этнических языков на английский, вопрос о языке задавался не в форме Владение английским, как в переписях 1940–1970-х гг., а в форме Изучение английского как первого языка, что позволило включить все группы Белых в немаркированное население США.

Резкие изменения в расовой и этнической политике, происходившие в 1960-е гг., привели к тому, что у демографов и в значительной степени у широкой публики стало складываться понимание того, что раса — это не столько объективный, поддающийся количественной оценке факт, сколько социальный конструкт. Миноритарные группы стали пользоваться результатами подсчетов, предоставляемых органами статистики, для улучшения своего положения в области занятости, образования, голосования и экономической дискриминации. Лидеры Латиносов стали требовать улучшения сбора данных, потому что занижение численности их группы работало против их интересов. Учитывая невозможность объективно определять испанское происхождение, Бюро по переписи ввело новый вопрос о самоидентификации в перепись 1970 г., который без изменений включался в последующие десятилетние переписи. С официальной точки зрения, испанское происхождение — это больше не расовая идентичность, потому что люди испанского происхождения могут быть любой расы. По результатам переписи 1970 г. те, кто указал испанское происхождение и самоидентифицировался как Другая раса, были официально отнесены к Белым¹.

¹ Gibson C., Jung K. Historical Census Statistics on Population Totals By Race, 1790 to 1990, and By Hispanic Origin, 1970 to 1990, For The United States, Regions, Divisions, and States. Working Paper Series № 56. Washington, DC: US Census Bureau, 2002. URL: <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0056.html> (дата обращения: 04.01.2024).

Несмотря на явное признание того, что испанское происхождение больше не является расовой категорией, Бюро по переписи, поддавшись доминирующему предрассудку, продолжило считать его постоянным маркером идентичности, передающимся из поколения в поколение без ограничения длительности. Эта идентичность, хотя и не ориентируется целиком на индивидуальное языковое поведение, как видно из определения 1990 г., тем не менее связана с **языком**: «Человек считается испанского происхождения, если его предками являются мексиканцы, амеро-мексиканцы, чиканосы, пуэрториканцы, доминиканцы, эквадорцы, гватемальцы, гондурасцы, никарагуанцы, перуанцы, сальвадорцы, а также выходцы из других испаноязычных стран Карибских островов, Центральной и Южной Америки или Испании»¹. Эта категория постепенно расширялась и в переписи 2010 г. включала, помимо перечисленных выше, отдельно подкатегории Кубинцы, Костариканцы, Панамцы, Прочие центрально-американцы, Аргентинцы, Боливийцы, Чилийцы, Колумбийцы, Парагвайцы, Уругвайцы, Венесуэльцы, Прочие южноамериканцы и Испанцы.

Таким образом, Бюро по переписи определяло испанское происхождение на основе категорий, связанных с национальными идентичностями, которые, в свою очередь, связаны с испанским языком. Такой способ определения, во-первых, ведет к официальному непризнанию расового, культурного и языкового разнообразия внутри этих наций, многие из которых имеют значительное автохтонное или иммигрантское население, не говорящее по-испански. Во-вторых, он преувеличивает значение иностранного происхождения людей, отнесенных к категории Испанское происхождение, которые оказались навечно связаны с иностранными государствами, независимо от того, сколько поколений их предков жили в США (как, впрочем, и расовые категории Китайцы и Корейцы). В-третьих, все языки, кроме английского, считались «неамериканскими», а поскольку определение испанского происхождения основано на испанском языке, идентичность людей, отнесенных к этой категории, считалась менее американской.

В этой постоянно изменяющейся классификации Латиносов язык неизменно составлял важный компонент индивидуальной идентичности и играл ключевую роль в формировании расовой категории Прочие, составившей третью ступень американской иерархии различий. Хотя эта конструкция эволюционировала в направлении от наследуемой к поведенческой характеристике, испанский язык оставался маркером испанского происхождения даже для тех, кто не нем не говорил. Испанское происхождение было идеологически

¹ US Census. Development of Racial and Ethnic terms for the 1990 Census. New Orleans: Population Association of America, 1998. P. 51.

связано с физическими характеристиками, а дискурсивно оно рассматривалось как наследуемое и долговечное.

Такое положение сохранялось до 1960-х гг., когда США изменили свою миграционную политику: до этого иммиграционные квоты поощряли иммиграцию европейцев, а новые законы открыли дорогу иммигрантам из стран Азии и Латинской Америки. Приток людей, в расовом и культурном отношении отличных от коренного населения, вызывал беспокойство по поводу их способности к ассимиляции и их влияния на американскую идентичность. В то же время доминирующий дискурс о понятиях раса, этничность и язык, а также их юридический статус существенно изменились: расовая дискриминация уже была незаконной, и было нельзя делать публичные заявления о биологических различиях разных групп. Среди людей разного происхождения укреплялось желание строительства в США мультикультурной нации, и этот тренд нашел отражение в решении Бюро по переписи позволить респондентам самоидентифицироваться с более чем одной расовой группой в переписи 2000 г. Одновременно оно признало символическую этническую аффилиацию, которую мог указать себе любой респондент и которая свидетельствовала о более толерантном отношении США к проблеме идентичности.

Сегодня идеологической базой различий между группами являются не физические признаки, а культурные характеристики. Этот переход привел к появлению нового дискурса маргинализации: ответственность за социально-экономическое угнетение возлагается на самих угнетенных, якобы не желающих принимать культурные ценности и поведение, которые ведут к социальному и экономическому успеху.

В этом процессе идеологической эволюции язык выполнял двойную роль: с одной стороны, он продолжает выполнять роль маркера расовых идентичностей, в частности, для латиносов и азиатов. С другой стороны, связь язык — раса была разорвана, и язык стал компонентом культуры и предметом индивидуального выбора. Эта двойственность языка как наследуемой характеристики и как культурного компонента привела к дискриминации по языку,шедшей на смену расовой дискриминации. Поскольку язык является переменным признаком, дискриминация, основанная на языке, считается менее вредной, чем дискриминация, основанная на постоянных признаках, таких как раса и гендер. Эта же двойственность мешает юридическому признанию языковых прав и принятию судебных решений в пользу двуязычных истцов, которым запрещают использовать неанглийские языки на работе¹.

¹ *Cameron C.D.R.* How the García cousins lost their accents: Understanding the language of Title VII decisions approving English-only rules as the product of racial dualism, Latino invisibility, and legal indeterminacy // *California Law Review*. 1997. № 85. P. 1347–1393.

Несмотря на широкую поддержку средним классом языкового разнообразия и мультикультурализма, враждебность по отношению к двуязычию сохранялась, а связь между моноязычием на английском и американской идентичностью остается сильной. Поскольку в соответствии с доминирующей либеральной идеологией языки находятся в постоянной конкуренции, все языки, кроме английского, считаются угрозой национальной и культурной идентичности и национальному единству. Сценарии переписей конструируются так, что английский подается как «нормальный» язык, а остальные языки представляются как исключение из этой нормы. Ответ о нескольких неанглийских языках не допускается. Целью переписей было определение численности респондентов с ограниченными компетенциями в английском, а не тех, кто дома говорит на другом языке. В результате двуязычие многих респондентов не было зарегистрировано при обработке результатов, потому что они заявили, что дома говорят по-английски. Эти ответы были исключены из итоговых таблиц, что понизило численность носителей других языков. Акцент на носителей английского делался из-за гегемонического представления о США как об англоязычной нации, целью которой была ассимиляция и инклюзия в англоязычный социум. Владение другими языками является личным делом каждого гражданина.

Анализ обращения с языковыми данными в истории американских переписей показывает, что их целью была не столько количественная оценка объективной языковой реальности, сколько применение разных идеологий к отношениям между национальной идентичностью, языком и расой. Рассматривая роль языка в построении американской идентичности, нужно отметить, что изначальное отсутствие языковых вопросов совпало с периодом относительной толерантности к языковому разнообразию, в течение которого главным маркером различий была раса, определяемая по цвету кожи. Когда американская идентичность стала связываться с английским языком, в переписях появились вопросы о языках. В это же время иммиграция стала рассматриваться как проблема, что привело к закрытию границ. Сегодня доминирующая идеология позиционирует США как моноязычную англоязычную нацию, другие языки представляются как угроза национальной идентичности и как средство социальной изоляции и индивидуальной ответственности. Эта схема только усиливается от переписи к переписи¹.

3.3.1. Переписи населения в США и расовый вопрос

Переписи играют ключевую роль в определении национальных и групповых идентичностей и тесно связаны с наделением и легитимацией политической власти. Результаты последних переписей

¹ *Leeman J. Racializing language. A history of linguistic ideologies in the US Census // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3 (3). P. 527–529.*

в США показали, что разделение населения на официальные расовые категории ведет к юридической и социальной дискриминации людей, определяемых как Другие.

История переписей в США восходит к Конституции 1789 г., которая постановила, что новое федеральное правительство должно проводить через каждые десять лет перепись населения для распределения мест в Конгрессе и налоговых поступлений между штатами. Ранние переписи не включали языковых вопросов, считавшихся маловажными в целях социальной дифференциации населения, особенно в терминах расы и цвета кожи. К тому же в тот период в США не существовало эксплицитной языковой политики.

Первая перепись населения в США состоялась в 1790 г. и имела целью определение численности мужчин призывного возраста в стране, которая насчитывала тогда всего 3,9 млн человек. Перепись проводилась традиционным образом — с помощью бумаги и карандаша, но уже через сто лет, в 1890 г., при ее проведении стали использоваться табуляторные машины, а служащий Бюро по переписи Герман Холлерит изобрел перфокарту и основал компанию Tabulating Machine Company, на основе которой через пятьдесят лет была создана компания IBM.

Сегодня в США проводятся три вида переписей: 10-летняя перепись населения, Экономическая перепись и Обследование американских общин, позволяющих Конгрессу и лидерам общин принимать информированные решения, на которых основывается американская демократия. После 1790 г. переписи перестали служить только для учета численности населения, а стали отражать экономический рост и национально-социальную структуру общества.

С 1790 г. переписи стали проводиться через каждые 10 лет, причем с каждой переписью их содержание усложнялось. Так, в 1800 г. были добавлены вопросы о численности свободных белых женщин разных возрастных категорий, а индейцы, рабы и свободные чернокожие учитывались как единая категория без деления на возрастные группы. К переписи 1810 г. Конгресс принял закон, обязывавший при проведении переписи указывать число промышленных предприятий в каждом округе.

В 1820 г. респонденты должны были указывать, сколько членов домохозяйства заняты в сельском хозяйстве, торговле или промышленности. Это объясняется тем, что в этот период в США началась Американская промышленная революция.

В 1830 г. в перепись были добавлены вопросы об инвалидности, включая глухоту и слепоту. Сегодня подобные вопросы включены в Обследование американских общин. Эта перепись примечательна еще и тем, что в ней впервые использовались стандартные печатные переписные листы.

В переписи 1840 г. впервые появились вопросы об охвате школьным образованием и о грамотности, а также о занятости населения по семи категориям: добыча полезных ископаемых, садоводство, торговля, деревообрабатывающая промышленность, рыболовство, промышленность и сельское хозяйство. В 1850 г. при переписи стали записываться имена всех свободных членов домохозяйства с датами рождения, смерти и стоимость недвижимости, а в Конгрессе был создан Совет по переписи, который курировал проведение десятилетних переписей и учет домохозяйств.

В 1901 г., по предложению президента США Т. Рузвельта, в целях совершенствования управления и развития научных исследований в этой сфере был учрежден постоянный орган — Управление по переписи, который с 1902 г. стал Федеральным агентством под названием Бюро по переписи (USA Census Bureau).

Перепись 1920 г., во время которой население достигло уже 106 млн человек, примечательна тем, что в нее был включен вопрос о годе натурализации и три вопроса о наследственном этническом языке (native language).

В переписи 1940 г. (и в шести последующих десятилетних переписях) впервые при составлении списка обследуемых домохозяйств была применена случайная выборка. С 2005 г. Обследование американских общин благодаря своей краткости вытеснило десятилетнюю перепись, обработка результатов которой занимала тоже около десяти лет, а случайная выборка стала основным методом организации переписей.

В переписи 1960 г. впервые в истории США была использована почтовая рассылка переписных листов, а в 1970 г. Конгресс разрешил возвращать заполненные листы по почте. В связи с добавлением вопроса о происхождении испаноязычных американцев были изготовлены переписные листы на испанском языке.

В 1990 г. при проведении переписи использовалась новая цифровая система картографирования TIGER, позволившая получить электронные карты для сбора и обработки полученной информации. В 2000 г. Бюро по переписи всячески поощряло использование почты, однако падение доли возвращаемых по почте вопросников в течение последних 30-ти лет сделало актуальным вопрос об использовании интернета. Обследование американских общин в 2020 г. уже планировалось в безбумажной форме с использованием интернета¹.

Еще в 1950 г. Бюро стало использовать цифровые технологии и приобрело первый компьютер UNIVAC I, который весил более

¹ *Koetsier J.* 222 years of the U.S. Census: paper to punch cards, UNIVAC to CD-ROM... to web? URL: <https://venturebeat.com/2012/07/03/222-years-of-census/> (дата обращения: 19.01.2024).

7200 кг и использовал 5000 вакуумных ламп. Это чудо техники выполняло 1900 операций в секунду, а его ЦПУ имело размер $3,7 \times 1,8 \times 1,8$ м и тактовую частоту 2,25 МГц, т.е. в 1300 раз медленнее, чем обычный современный бытовой компьютер.

С 1980 г. результаты переписи стали распространяться в электронном виде на CD-ROM, а сегодня все результаты доступны на сайте www.census.gov, где численность населения обновляется каждые несколько секунд.

В результате при переписи 2010 г. переписной лист включал 10 вопросов, направленных на получение информации о числе проживающих в домохозяйстве, их семейных и прочих отношениях, типе домохозяйства, имени собственника, имени и фамилии, поле каждого члена домохозяйства (два варианта ответов), дате рождения. Восьмой и девятый вопросы были посвящены этническому происхождению респондента. Восьмой вопрос посвящен происхождению испаноязычных американцев, к которым относятся Латиноамериканцы, Латиносы и Испанцы. Они, в свою очередь, учитываются по следующим категориям: Мексиканцы, Американцы мексиканского происхождения, Чиканосы, Пуэрториканцы, Кубинцы и Остальные — аргентинцы, колумбийцы и т.д. Однако они не составляют отдельную расу. Расовому происхождению был посвящен девятый вопрос. В структуре американского населения представлены следующие расы: 1) Белые, 2) Черные, Афроамериканцы или негроиды, 3) Индо-азиаты, 4) Китайцы, 5) Филиппинцы, 6) Японцы, 7) Корейцы, 8) Вьетнамцы, 9) Гавайские аборигены, 10) Гуамани (малайцы) или Чаморро (уроженцы Марианских островов), 11) Самоанцы, 12) Уроженцы прочих тихоокеанских островов, 13) Остальные азиаты, 14) Прочие расы¹.

Сравнение данных переписей позволяет выявлять тренды изменения языковой ситуации и прогнозировать эти изменения в будущем. Особое значение это имеет для тех стран, в которых велика доля иммигрантского населения, потому что способность говорить на мажоритарном языке определяет, будут ли они изолированы или интегрированы в социум. Так, сравнение результатов американских переписей 1990 и 2000 гг., в которых задавался вопрос о языке, используемом в домашней обстановке, показало следующую эволюцию (табл. 3.2). Категория Прочие индоевропейские языки не включала английский и испанский, а в категорию Азиатские языки входили автохтонные языки Азии и островов Тихого океана, а также китайский, японский, телугу и гавайский языки. В этой таблице приводятся данные о респондентах, заявивших, что они говорят на этих языках «очень хорошо». Эти данные основаны на самооценке респондентов, а не на проверке их языковых компетенций.

¹ 2010 U.S. Census Sample Form. URL: <http://www.censusquestions.com/us-census-form.html> (дата обращения: 19.01.2024).

Таблица 3.2

**Языки, используемые в домашней обстановке по результатам
переписей 1990–2000 гг.**

Языки, на которых говорят в домашней обстановке	Перепись 1990		Перепись 2000	
	Числен- ность	Доля (%)	Числен- ность	Доля (%)
Только английский	198 600 798	86,18	215 423 557	82,11
Испанский	17 345 064	7,53	28 101 052	10,71
Проч. индоевропейские	8 790 133	3,81	10 017 989	3,82
Азиатские	4 471 621	1,94	6 960 065	2,65
Прочие	1 238 161	0,54	1 872 489	0,71
Числен. населения > 5 лет	230 445 777	100,00	262 375 152	100,00

Из таблицы 3.2 видно, что за 10 лет, несмотря на увеличение числа американцев, говорящих дома только на английском, более чем на 16 млн человек, их относительная доля в структуре населения снизилась более чем на 4%. В это же время численность испанофонов выросла почти на 11 млн человек (3,18%). Объяснение этому можно найти, если проанализировать динамику изменения численности американцев, родившихся за пределами США (рис. 3.2).

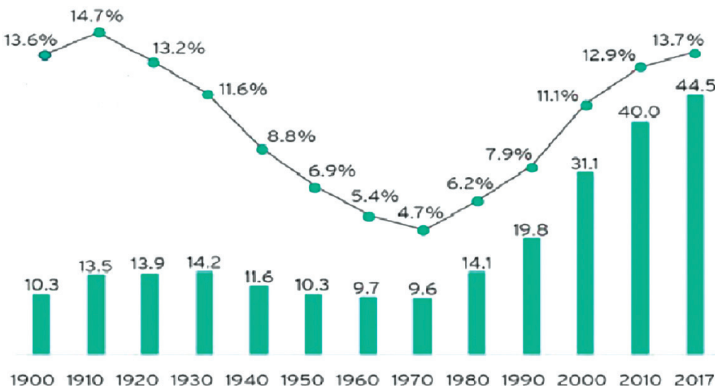

Рис. 3.2. Численность и доли американцев, родившихся за пределами США с 1900 по 2017 г.

Примечание: верхняя кривая — доли людей, родившихся за границей (%); нижняя столбиковая диаграмма — численность населения, родившегося за границей (млн чел.).

Рисунок 3.2 показывает, что начиная с 1970 г. имеет место непрерывный рост доли американцев, родившихся за рубежом, т.е. иммигрантов. Параллельно с этим растут и доли носителей разных иммиг-

рантских языков, «не очень хорошо» (по результатам самооценки) говорящих на английском (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Число американцев, говорящих на английском «не очень хорошо» в 1990–2000 гг.

Языки, на которых говорят в домашней обстановке	Перепись 1990		Перепись 2000	
	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)
Испанский	8 309 995	47,91	13 751 256	48,94
Проч. индоевропейские	2 844 409	32,36	3 390 301	33,84
Азиатские	2 420 355	54,13	3 590 024	51,58
Прочие	407 743	32,93	588 826	31,45
Всего	13 982 502	6,07	21 320 407	8,13

Поскольку США являются многонациональной и многоязычной страной, правительство уделяет большое внимание разъяснительной работе по участию населения в переписи. Так, для переписи 2000 г. разъяснительные материалы распространялись на 17 языках, а для переписи 2010 г. — уже на 28 языках. Перепись 2000 г. была первой в истории, имевшей отдельный бюджет на платную рекламу, оценивавшийся в 100–150 млн долларов. Через десять лет, в 2010 г., рекламный бюджет составил уже 340 млн долларов. Эти расходы считаются необходимыми для того, чтобы получить надежные и всеобъемлющие результаты.

Данные переписи являются фундаментом американской представительной демократии, потому что состав Конгресса меняется каждые 10 лет пропорционально численности населения каждого штата.

К переписи 2010 г. была запущена «Программа языковой помощи», целью которой была помощь в заполнении переписных листов тем, кто не говорит по-английски. Средства были выделены из бюджета Бюро по переписи, которое считало своей обязанностью помочь всем языковым сообществам. Эта программа также позволила снизить общие затраты на перепись за счет уменьшения числа переписчиков, которые должны были ходить от двери к двери и помогать жителям заполнять переписные листы.

В период с 15 по 17 марта 2010 г. 120 млн переписных листов были направлены по почте на домашние адреса резидентов. Их просили заполнить и отослать обратно эти листы сразу после заполнения. Директор Бюро по переписи обращался к каждому жителю и писал, что ему придется заполнить самый короткий вопросник в его жизни: он включает всего 10 вопросов и потребует не более 10 минут времени. Данные, полученные в результате переписи, определяют выделение

более 400 млрд федеральных ресурсов на нужды племен, штатов и местного самоуправления.

Директор Бюро пояснял, что если жители вернут переписные листы по почте, это позволит сэкономить сотни миллионов долларов налогоплательщиков: «намного дешевле посылать ответы по почте, чем посылать переписчиков обходить дома тех, кто не ответил на вопросы». Поквартирный и подворный обход домохозяйств требовал использования более 650 000 переписчиков и стоил больше 2,3 млрд долларов¹.

Если в ранний период строительства США национальная идентичность строилась на принадлежности к белой расе и соблюдении ряда политических принципов, то к концу XIX в. ее основой постепенно стал английский язык. Это произошло из-за того, что в связи с ростом иммиграции в обществе возникло беспокойство относительно того, будут ли новые иммигранты ассимилироваться в доминирующую культуру. Растущая символическая ценность языка нашла политическое закрепление в Законе о натурализации 1906 г., в котором впервые знание английского языка стало условием предоставления американского гражданства.

Антииммигрантские настроения наложились на языковые проблемы и расовую враждебность, потому что нативисты считали иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы сильно отличающимися от доминирующей группы — белых англосаксонских протестантов (WASP). Эти иммигранты, которые на грани двух веков составляли большинство вновь прибывающих в США, рассматривались как угроза расовому составу нации. Законодатели отреагировали на это созданием Бюро по переписи, задачей которого собирать данные о этнорасовом происхождении иммигрантов и их детей. Вместо того чтобы задавать эти вопросы напрямую, Бюро по переписи использовало опыт европейских переписей, в которых язык часто выступал как маркер «культурной национальности». Поэтому в 1910 г. в переписи появился вопрос о материнском языке (*mother tongue*), отвечать на который должны были только респонденты, родившиеся за границей и их потомки. Кроме этого, был введен раздельный учет рас, выделяемых по цвету кожи (Белая и Черная), которые определялись как наследственные различия, бесконечно передаваемые от поколения к поколению. Этнорасовая идентичность определялась по языку, который использовался только для различения разных подгрупп внутри белого сообщества. Данные об ответах на вопрос

¹ U.S. Census Bureau Offers Language Assistance Services to Help Russian Americans Complete the 2010 Census Form. URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/en/article/02-23-2010/us-census-bureau-offers-language-assistance-services-help-russian-americans> (дата обращения: 02.02.2024).

о материнском языке, наряду с данными о знании английского языка, использовались для того, чтобы констатировать, что новые иммигранты изучают английский и ассимилируются медленнее, и призывать к ограничению иммиграции.

Во время Первой мировой войны для укрепления американской идентичности потребовалось объединить традиционный образ жизни с английским языком. Уже было недостаточным выучить английский в дополнение к своему этническому языку: сохранение этих языков стало признаком двойной лояльности. Настоящий патриот должен быть монопольным с одним только английским языком, а обладатель иностранного акцента вызывал подозрения¹.

Идеология монопольности, представляющая собой синтез политической философии, теории государственного строительства и гегемонии английского языка, нашла свое воплощение в документах языкового строительства: в начале 1920-х гг. 34 американских штата приняли законы, ограничивающие образование на всех языках, кроме английского, а также серьезно сократившие число газет и других публикаций на миноритарных языках.

Хотя государственные власти в это время принимали ограниченные меры в поддержку использования миноритарных языков, в частности, испанского, это делалось по чисто прагматическим соображениям их полезности в решении социальных проблем, а не ради признания пользы многоязычия или миноритарных языков. Так, когда Техасская противотуберкулезная ассоциация создала движение «Movimiento Pro Salud», которое занималось распространением санитарно-просветительских брошюр и фильмов на испанском языке, его целью была забота о благополучии всего американского общества благодаря снижению заболеваемости и риска заражения². Такой инструментальный подход к использованию испанского языка не означал признания ценности языка или его носителей и не изменил отношения к мексиканцам и американцам мексиканского происхождения как к людям низшей расы.

В 1920-х гг. антииммигрантское движение добилось серьезного ограничения иммиграции из разных регионов мира, включая Южную и Восточную Европу. Иммиграционные законы, принятые в 1921 и 1924 гг., полностью запретили иммиграцию из стран Азии и ввели квоты для других стран, поощрявшие иммиграцию из стран Северной Европы. Статистические данные, полученные в результате переписей,

¹ Crawford J. Loose ends in a tattered fabric: The inconsistency of language rights in the United States // *Advocating for English learners: Selected essays*. Bristol: Multilingual Matters, 2008. 27 p.

² Martínez G.A. Public health and the politics of Spanish in early twentieth-century Texas / ed. J. Del Valle // *A political history of Spanish: The making of a language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 293–304.

использовались не только для дебатов в Конгрессе, но и для применения системы квот, которые рассчитывались по данным о численности людей разного национального происхождения, полученным по данным переписей 1890 и 1910 гг. Такая иммиграционная политика привела к падению числа иммигрантов и людей, не владеющих английским языком, поэтому начиная с 1940 г. языковые вопросы были удалены из переписных листов. Это не означало, что символическая ценность английского языка понизилась; просто вопрос потерял политическую актуальность.

Однако концепция языка как индикатора этнорасовой идентичности сохранилась, и в 1960-х гг. Бюро по переписи восстановило вопрос о материнском языке для того, чтобы «определять национальность или этническое или языковое происхождение респондентов, родившихся за границей». По мере развития движений в защиту гражданских прав, языковая статистика стала использоваться как довод в пользу предоставления политических прав или для борьбы с неравенством. Гражданские активисты требовали у Бюро по статистике предоставить данные по группам испаноязычных американцев, которые, в отличие от афроамериканцев, азиатов и коренных американцев, официально не признавались «расовыми группами»¹. Поэтому в 1970 г. вопрос о материнском языке задавался всем участникам переписи, а не только рожденным за границей, для того, чтобы «идентифицировать различные этнические группы населения, в частности, испаноязычное население»². Связь языка с этнорасовой идентичностью и концепция языка как наследственной характеристики были закреплены в законе 1976 г., официально закрепившим дискриминацию в отношении лиц с «испаноязычным прошлым» и потребовавшим у федеральных агентств собирать и публиковать статистику по этой группе населения. Изменения языковой политики заставили Бюро по статистике готовить материалы переписей на испанском языке и рекрутировать испаноязычных переписчиков.

При подготовке переписи 1970 г. было принято решение ввести для испаноязычных респондентов прямой вопрос об их испанской самоидентификации, а вопрос о материнском языке был снят в переписи 1980 г. Он вновь появился, когда в перепись стал включаться вопрос о языке, состоявший из трех частей.

В первой части вопроса спрашивалось, есть ли в домохозяйстве члены старше пяти лет, которые в домашней обстановке говорят не на английском. Если ответ был положительным, во второй части

¹ Mora G.C. *Making Hispanics: How activists, bureaucrats, and media constructed a new American*. Chicago: University of Chicago Press, 2014. 256 p.

² United States Bureau of the Census. *1970 Census of Population and Housing. Procedural History*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce, 1976. P. 5–16.

респондентам предлагалось указать этот язык. В третьей части нужно было оценить, насколько хорошо респондент говорит на английском. Этот трехчастный вопрос сохраняется до сих пор, хотя он перекочевал в Обследование американских общин, которое после 2000 г. заменило перепись по длинному вопроснику.

Современная формулировка вопроса о языках отличается от предыдущих тем, что в ней речь идет о языках, используемых в домохозяйствах, ставя языковое поведение над этнорасовой или культурной наследственной идентичностью. В отличие от начала XX века, когда иммигранты и их дети относились к определенной расе на основании наследственной связи с не-английским языком, языковые отличия фиксируются только для тех респондентов, которые на момент переписи говорят не на английском. Перенос акцента на языковое поведение объясняется популярностью дискурсивной конструкции о преимуществах мультирасовой нации, включающей всех, кто «выбрал» ассимиляцию на английском языке. Единственным исключением является продолжающаяся расовая дискриминация латиносов, которые имплицитно и эксплицитно официально продолжают связываться с испанским языком, независимо от того, на каком языке они говорят в настоящее время¹.

Несмотря на приверженность Бюро по переписи этнорасовой и лингвистической классификации, языковая политика, которая была основана на этой классификации, сильно изменилась. Предшествующая расовая классификация была частью официального расизма и расовой политики, а возвращение в 1980 г. вопроса об испанском происхождении свидетельствовало о прогрессе в области гражданских прав и борьбы с социальным неравенством. Прежде языковая статистика собиралась в интересах запретительной расовой иммиграционной политики, а после 1980 г. с ее помощью формируется новая инклюзивная национальная политика, основанная на Законе о гражданских правах 1964 г., запретившем дискриминацию на основе расы, цвета кожи или национального происхождения.

Перемены начались после принятия в 1968 г. Закона о двуязычном образовании, обязавшем образовательные округа обеспечивать двуязычное обучение ученикам, не говорящим по-английски, хотя они этого или нет. В 1974 г. был принят Закон о равных образовательных возможностях, обязавший, в дополнение к Закону о двуязычном образовании, предоставлять детям возможность обучения на языке, на котором они говорят дома.

Имплементация новой образовательной политики потребовала данных о распределении школьников с разными языками в разных

¹ *Leeman J.* It's all about English: the interplay of monolingual ideologies, language policies and the U.S. Census Bureau's statistics on multilingualism // *International Journal of the Sociology of Language*. 2018. № 252. P. 27.

возрастных категориях. Упор делался на недостаточное знание английского языка (а не на принадлежность к миноритарной языковой группе), информацию о котором не мог дать вопрос о материнском языке или домашнем языке. Целью переписи становится выявление людей с ограниченными компетенциями в английском языке и определение языков, на которых они говорят. Однако опрос всего населения об уровне владения английским языком представлялся бесполезным для большинства домохозяйств, моновязычных на английском языке, а также мог запутать моновязычных англофонов, которые могли интерпретировать этот вопрос как попытку оценить их владение стандартной грамматикой. Поэтому трехчастный вопрос был сконструирован таким образом, что его первая часть служила фильтром и позволяла англофонам перейти к следующему вопросу, не останавливаясь на компетенциях в английском языке:

14a. Говорит ли это лицо в домашней обстановке не на английском языке? «Да», «Нет» (Если нет, переходите к вопросу 15).

14b. Укажите этот язык. [Вписать язык].

14c. Как хорошо это лицо говорит по-английски? «Очень хорошо», «Хорошо», «Не хорошо», «Не говорит совсем».

Ограничение только языком, на котором говорят в домашней обстановке, было сделано для того, чтобы отсечь языки, которые не используются на регулярной основе, например, выученные в учебных заведениях и никогда не используемые¹.

Статистика, полученная при помощи трехчастного вопроса о языке, была использована в новых политических целях еще до проведения переписи 1980 г. В 1975 г. Конгресс принял Закон о праве на голосование, предусматривающий защиту граждан, принадлежащих к языковым меньшинствам и исторически исключенных из политического процесса, перечисленных в законе как «американские индейцы, американские азиаты, аляскинские аборигены или потомственные испанцы». Закон обязал директора Бюро по переписи определить округа, в которых не менее 5% жителей принадлежат к исторически дискриминируемым миноритарным языковым группам, и где уровень грамотности был ниже среднего по стране. В этих округах переписные материалы должны были распространяться на миноритарных языках.

Несмотря на более инклюзивную политику в отношении этнорасовых меньшинств, признание связи между языком и этнорасовой идентичностью сформировало отрицательное отношение ко всем языкам, за исключением английского, и в особенности к испанскому языку. В результате гегемоническое положение английского только

¹ *Kominski R.* How good is 'how well'? An examination of the census Englishspeaking ability question // American Statistical Association 1989 proceedings of the Social Statistics Section, 1989. P. 335.

укрепилось. Новая языковая политика, вопреки декларируемым инклюзивным задачам, относилась к языкам как к проблеме, такой же, как проблема бедности или проблема улучшения жилищных условий.

Американский подход к языковым правам, объявляя язык элементом этнорасовой или культурной идентичности, признавал за меньшинствами только негативное право быть свободным от дискриминации, но не позитивное право на обучение или госуслуги на миноритарных языках. Юридическая и финансовая поддержка, оказываемая двуязычному образованию в соответствии с Законом о двуязычном образовании, распространялась только на период ликвидации отставания в знании английского языка, но вовсе не предусматривала повышения статуса или поддержку миноритарных языков как таковых. Она прекращалась, когда учащийся мог перейти на обучение на английском языке¹. Эта политика воспроизводила языковую иерархию, укрепляя позицию английского как языка, производящего и передающего знания, языка академического и профессионального успеха, подчиняющего все другие языки.

Идеология моноязычия, воплощенная в официальную языковую политику и судебные решения, широко распространена в публичном дискурсе, который рассматривает владение английским языком как основное условие личного благосостояния и успешности, а другие языки — как ущерб, наносимый и индивиду, и нации в целом.

Хотя все миноритарные языки и их носители являются объектами унижения и нападок, самой частой их целью стал испанский — миноритарный язык, имеющий наибольшее число носителей, ассоциирующийся с самым большим этнорасовым меньшинством и самой большой группой незаконных мигрантов. Периодически повторяющиеся кампании по объявлению английского официальным языком, провоцируются испанофобией и дискурсом о нелегальной иммиграции, дискриминирующими всех латиносов, независимо от места рождения, гражданства и иммиграционного статуса².

Хотя инклюзивная языковая политика провозглашает защиту людей с ограниченными компетенциями в английском языке, моноязычная идеология значительно ограничивает возможности этой политики. Так, несмотря на федеральные требования для программ здравоохранения с федеральным финансированием о предоставлении медицинских услуг на языках пациентов, провайдеры медицинских услуг убеждены, что пациенты имеют моральное обязательство изучать английский язык и препятствуют распространению меди-

¹ *García O.* Bilingual education in the twenty-first century: A global perspective. West Sussex, UK: John Wiley & Sons, 2009.

² *Dick H.P.* Making immigrants illegal in small-town U.S.A. // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2011. № 21. P. 42.

цинской информации и оказанию медицинских услуг на испанском языке.

Американские суды часто принимают решения, основанные на убеждении, что все языки, кроме английского, вредны для людей. В штате Техас судья приговорил двуязычную женщину говорить по-английски со своей дочерью, мотивируя это тем, что другой язык (испанский) нарушает права ребенка, и угрожал изъять ребенка из семьи. В штате Теннесси суд обязал двух женщин (одна говорила на испанском, другая на языке племени мексиканских индейцев микстек) изучать английский, также под угрозой изъятия ребенка¹.

Строительство США как государства моноязычной англофонной нации и использование расового дискурса, неразрывно связывающего латинскую идентичность с испанским языком, привели к формированию образа Другого, не способного к ассимиляции. Этот образ используется в призывах к запрету иммиграции, укреплению неприступности границ и запрету на оказание услуг на миноритарных языках. Примером испанофобии, основанной на неприятии языка, служат данное спикером Палаты Представителей Конгресса США (1995–1999) Ньютом Гингричем определение двуязычного обучения как «изучение языка для жизни в гетто»² или внесение в Конгресс резолюции об исполнении государственного гимна только на английском языке, являющееся реакцией на публикацию в 2006 г. версии гимна на испанском языке.

Точкой, в которой языковая идеология пересекается с языковой политикой, всегда было Бюро по переписи, потому что его назначение — получение статистических данных, необходимых для осуществления определенных политических задач, направленных на укрепление гегемонистской идеологии.

Кроме обслуживания политических задач, подкрепляющих идеологию моноязычия, формулировки вопросов также имеют идеологическое содержание.

Первая часть вопроса о языке подразумевает, что английский — нормальный язык, на котором нужно говорить, а все остальные — исключения и отклонения от нормы. Акцент на язык, используемый в домашней обстановке, ведет к исключению языков, которые используются нерегулярно или выучены в школе, что отрицает публичную ценность других языков.

¹ *Barry E.* Learn English, judge tells moms. Los Angeles Times, 14 febr. 2005. URL: <http://articles.latimes.com/2005/feb/14/nation/na-english14> (дата обращения: 16.02.2024).

² *Hunt K.* Gingrich: Bilingual classes teach 'ghetto' language // The Washington Post, 31 March 2007. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/03/31/> (дата обращения: 17.02.2024).

Вторая часть вопроса, в которой от респондента требуется назвать (один!) разговорный миноритарный язык и которая не допускает множественного ответа, укрепляет представление о моноязычии как норме. То, что вопрос о компетенциях в английском языке следует сразу же после вопроса о разговорном неанглийском языке, также подтверждает моноязычную концепцию о том, что использование миноритарного языка представляет опасность для английского¹.

Значение имеют не только те вопросы, которые задаются при переписи, но и те, которые не задаются. То, что упоминаемый выше трехчастный вопрос включен в Обследование американских общин, а в самой переписи вопрос о языке отсутствует, и что языковая информация собирается выборочным методом, тогда как данные о расе, этничности и поле поступают от всех резидентов, свидетельствует о том, что язык считается менее важным, чем эти социальные категории. Ни в одном опросе, проводимом Бюро по переписи, нет вопросов о компетенциях в других языках, что подчеркивает доминирующее положение английского и малую ценность миноритарных языков. В отличие от тех стран и регионов, в которых языковые политики ориентированы на развитие, и где языковые переписи и мониторинги включают оценку населением языковой политики и изменений языковой ситуации (например, смена языка или обратная смена языка), американская языковая политика, ориентированная на языковую ассимиляцию, не нуждается в статистике о компетенциях в миноритарных языках.

Способы табулирования и представления результатов переписи также определяются языковой идеологией. Так, сравнивая ответы респондентов с разными уровнями владения английским с ответами моноязычных англофонов, специалисты Бюро по статистике относят всех, ответивших, что они говорят на нем хуже, чем «очень хорошо», к категории «ограниченные компетенции в английском», потому что эти данные необходимы для применения Закона о праве на голосование и для Департамента образования. Поэтому в отчетах об Обследовании американских общин четыре категории ответов сведены в две: «очень хорошо» и «не очень хорошо». Все, кто не попал в категорию «очень хорошо» должны получать услуги на миноритарном языке². Это создает впечатление, что большая доля носителей миноритарных языков не владеет английским и, в свою очередь, порождает призывы к ужесточению иммиграционной политики, высылке незаконных иммигрантов и активизации политики англий-

¹ Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the U.S. Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. № 3. P. 507–534.

² Leeman J. It's all about English: the interplay of monolingual ideologies, language policies and the U.S. Census Bureau's statistics on multilingualism // *International Journal of the Sociology of Language*. 2018. № 252. P. 35.

ского моноязычия. Так осуществляется связь идеологии, политики и статистики.

3.4. ВНУТРЕННИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ США: ОТ ПЛАВИЛЬНОГО КОТЛА К САЛАТНИЦЕ

Современные идеологии языкового империализма имеют два варианта — внутренний и внешний, в зависимости от того, идет ли речь об автохтонных, региональных или миноритарных языках внутри одной страны или о навязывании чужого языка жителям других стран или целых регионов.

Настоящими коренными жителями США являются американские индейцы, инуиты (эскимосы), алеуты и население территорий, аннексированных или приобретенных США, например, Луизианы, Новой Мексики, Техаса, Калифорнии и т.д.

К началу европейской колонизации на континенте существовало большое этническое и культурное разнообразие. Одним из самых заметных сообществ были индейцы-ирокезы, живущие в долине реки Св. Лаврентия, вокруг озер Эри и Онтарио, в долине реки Гудзон и в западной части Аппалачских гор. Ирокезы разделялись на шесть больших племен: тускароры, сенеки, кайюги, онейды, онондаги, могавки. Потомки всех этих племен живут сегодня на территории США и Канады. Рядом с ними жили индейцы-алгонкины. Эта народность также состояла из разных племен, постоянно воюющих друг с другом: оттавы, шайены, арапахо, черноногие, шауни и т.д. Южнее, от Миссисипи до Атлантики, жили индейцы-маскоги: крики, чероки, чоктау, чикасо, семинолы. На территории нынешних Вирджинии и Северной Каролины и в центре континента жили индейцы-сиу: ассинибойны, кроу, дакоты, лакоты, хидатсы, айова, канзасы, осейджи, омаха, пона, куапа. На юго-западе, в полупустынях, жили индейцы-атапаски: хопи, навахо, апачи. Атапаски жили также на севере: каска, танана, чиппева, кучины и т.д. На Аляске жили инуиты, близкие родственники российских эскимосов.

Наименование «индейцы» коренные народы Северной Америки получили по недоразумению: Христофор Колумб и его спутники-испанцы ошибочно считали, что они попали в Индию, потому и называли жителей открытой ими страны *Indios* (англ. *Indians*, франц. *Indiens*). Сегодня в США предпочитают использовать другие наименования: *Aboriginal peoples*, *Natives*, *tribal group*, реже *Autochtons*. В Канаде используются термины *First Nations*, *Premières Nations*, *Amerindiens*.

Европейские переселенцы, считавшие себя первыми американцами, верили, что они получили от Провидения священную миссию завоевания континента и приобщения туземцев к благам цивилизации. Их любимым спортом стала охота на индейцев, «к вящей

славе Господней». На территории Северной Америки (США, Канада и Мексика) существовало восемь крупных языковых семей (до того как большая часть их носителей была уничтожена колонистами): эскимосско-алеутская, атапаскская, алгонкинская, ирокезская, сиу-анская, салишская, уто-ацтекская, маскогская.

Колонизация Северной Америки европейцами началась в XVI в. и в XVII–XVIII вв. она велась в основном Испанией, Францией, Англией и в меньшей степени Голландией.

Испанцы первыми проникли на территорию нынешних США. Уже в 1580 г. испанский король принял решение о создании колоний Западная Флорида (нынешний штат Алабама) и Восточная Флорида (нынешний штат Флорида). Испанское владычество сначала простиралось на территории, называемые ныне Флорида, Техас, Калифорния, а затем на большую часть американского Запада. После подписания Парижского договора 1763 г. испанцы приобрели у французов всю Луизиану. Испанцы позволяли туземцам говорить на своих этнических языках и не противились тому, чтобы в Луизиане французы (канадцы и акадийцы) говорили на французском: они даже строили для них школы и сделали французский административным языком Луизианы.

Французы проникли на территорию Северной Америки из бассейна реки Св. Лаврентия. Начав с Квебека, они распространили свою власть на огромную территорию, вплоть до Луизианы, названной в честь Людовика XIV. До заключения Утрехтского договора 1713 г. Франции принадлежала большая часть Северной Америки, включая Ньюфаундленд, Акадию, Канаду и Луизиану. По Утрехтскому договору Франция потеряла Акадию, а по Парижскому договору — все остальные владения в Северной Америке¹.

Для поддержания своего господства Франция должна была опираться на союз с коренным населением. Удивительно, но французам удалось обеспечить поддержку почти всех индейских племен, проживающих на подвластной им территории. Они смогли установить тесные, хотя и патерналистские отношения с индейцами, кроме ирокезов, с которыми они постоянно воевали до заключения Великого мира в 1701 г.

Сначала французы попытались ассимилировать индейцев, но быстро убедились в утопическом характере идеи франсизации. Тогда они сами принялись изучать их языки: миссионеры, охотники-следопыты и многие канадские офицеры свободно говорили на одном или нескольких индейских языках. Многие молодые французы жили среди индейцев и изучали их языки, чтобы стать переводчиками. Губернаторы Новой Франции пользовались услугами офицеров-по-

¹ Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. Т. 1–2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007, 2008.

лиглотов, поскольку они не доверяли услугам следопытов, неверно излагавших содержание речей индейских вождей.

Семилетняя война, закончившаяся заключением Парижского договора, называлась в Англии War of the Conquest, British Conquest, War for Empire, реже Seven Years' War, но американцы всегда называли ее French and Indian War, что свидетельствует о крепости франко-индейского союза в этой войне.

В результате перехода большей части территории под власть **англичан** Америка стала прибежищем протестантов, сначала английских, а потом и выходцев из других стран, где зачастую они подвергались гонениям.

Мечтой первых европейских колонистов, большая часть которых имела англосаксонское происхождение, было говорить на хорошем английском языке и читать книги английских писателей. Когда они вспоминали Англию, они просто говорили at home. Всем другим для того чтобы интегрироваться в американское общество, нужно было принять британскую культурную модель и забыть языки своих предков. По этой причине французские, немецкие, ирландские, шотландские, голландские и другие иммигранты быстро утрачивали свои этнические языки¹.

В эту эпоху многие языковые сообщества открывали свои собственные школы, ориентирующиеся на религиозную конфессию данного сообщества. Так, ирландцы, ненавидящие англичан, предпочитали кооперироваться с другими католиками или с шотландцами и немцами. В большинстве школ обучение чтению и письму велось на языке данного сообщества. Самыми распространенными языками были английский, нидерландский, немецкий и французский, причем в некоторых районах, например, в Пенсильвании, концентрация немецких иммигрантов была настолько высока, что немецкий был самым распространенным языком образования. Проблема их интеграции стала серьезно беспокоить федеральные власти. В 1753 г. президент Б. Франклин отмечал, что поведение германоязычного населения, продолжающего говорить и писать по-немецки, делало невозможным его англизацию. Его знаменитое высказывание, датированное тем же годом, считается первым документом американской языковой политики: «Почему мы должны позволять этим пфальцским мужланам, нахлынувшим в наши колонии и скопившимся в них, вводить там свои языки и свои обычаи в ущерб нашим? Почему Пенсильвания, основанная англичанами, должна превратиться в колонию иностранцев, которые скоро станут настолько многочисленны, чтобы германизировать нас, вместо того, чтобы быть

¹ Histoire sociolinguistique des États-Unis. La colonisation européenne (XVIe – XVIIIe – siècles). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-2histoire.htm (дата обращения: 04.12.2023).

англизированными нами, не в большей степени способных принять наш язык и наши обычаи, чем приобрести наш цвет кожи?»¹

Хотя первые контакты с коренным населением были относительно мирными, отношения между колонистами и индейцами быстро испортились, потому что переселенцы из Англии были очень охочи до индейских земель. Кроме того, большинство индейцев были союзниками французов, что делало из них врагов вдвойне. Когда колонисты убивали индейцев, говорили о «прогессе цивилизации к вящей славе Господней», когда индейцы убивали колонистов, сгоняющих их со своих исконных территорий, говорили о «кровавой резне, устроенной дикарями». Индейцы представлялись не иначе, как «творения дьявола». Английские колонисты быстро поверили, что они должны выполнить священную миссию — очистить территории, дарованные им Провидением, от этих дьяволов. После ухода англичан дело истребления индейцев поддерживали американцы, продолжая политику, которая в наше время может быть названа только одним словом — геноцид. А. де Токвиль писал по этому поводу в 1835 г.: «Испанцы, с беспримерной жестокостью, покрыв себя несмываемым позором, не смогли уничтожить индейскую расу. Американцы из США достигли этого результата с чудесной легкостью: спокойно, легально и филантропически, не нарушив ни одного из великих моральных принципов в глазах всего мира. Никто не смог бы уничтожать людей, лучше соблюдая человеческие законы»². Каждый из штатов осуществлял свою собственную политику в отношении индейцев, но все они сводились к их истреблению. Федеральный офис по делам индейцев предписывал проводить политику постепенного вытеснения индейцев на запад. Сначала эта политика называлась переселением (move of Indians), а позднее обозначалась термином изгнание (removal of Indians). Выжившие индейцы были загнаны в резервации, получив за все компенсацию в 15 млн долларов, в то время как отнятые у них земли составляли более двух миллионов квадратных километров.

После геноцида наступил период гонений на языки индейцев. Дети индейцев, обучающиеся в американских школах и застигнутые за употреблением своего языка, подвергались физическим наказаниям и моральному унижению. Их заставляли отказываться от своего языка; даже миссионеры, занимавшиеся катехизацией туземного населения, отказывались переводить Библию на языки коренных народов, выполняя инструкции Офиса по делам индейцев: «Все обу-

¹ Histoire sociolinguistique des États-Unis. La colonisation européenne (XVIe — XVIIIe siècles). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-2histoire.htm (дата обращения: 04.12.2023).

² Цит. по: Histoire sociolinguistique des États-Unis. La colonisation européenne (XVIe — XVIIIe siècles). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-2histoire.htm (дата обращения: 04.12.2023).

чение должно проводиться на английском языке, кроме случая, когда родной язык учеников необходим для передачи знания английского языка; разговоры и общение между учениками и учителем должны вестись, насколько возможно, на английском языке».

Последствия американской территориальной экспансии оказали решающее влияние на судьбы языков народов, проживающих на территории США. Кроме языков индейцев, были практически ликвидированы французский язык в Луизиане и испанский язык на завоеванных или аннексированных территориях; эти языки были заменены на английский, который вытеснял их, неся за собой американскую модель цивилизации.

До 1924 г., когда индейцы получили американское гражданство, индейские резервации больше походили на концентрационные лагеря. Индейцы постепенно ассимилировались, а их этнические языки исчезали. Инуиты, живущие на Аляске, были согнаны с побережья, но смогли сохранить свои языки. Почти все языки коренных народов США сегодня относятся к группе агонизирующих, а молодые индейцы говорят только по-английски и знают всего несколько слов из своего этнического языка.

Не больше везло после 1861 г. французскому языку в Луизиане. Английский стал официальным языком, а Конституция 1864 г. установила, что начальное образование должно вестись исключительно на английском языке. Янки навязали английский язык белому населению Луизианы в отместку за то, что оно воевало на стороне южан, акадийцам за то, что они не осмелились выступить на стороне северян, а франкоязычным чернокожим — чтобы интегрировать их в плавильном котле (*melting pot*). Репрессии победивших северян против южан приняли в Луизиане антифранцузский характер.

Вся юго-западная часть территории США до войны с Мексикой (1846–1848) была заселена людьми, говорящими по-испански. Испаноязычные сообщества расселились на этой территории задолго до англофонов, захвативших их земли военным путем. Став американскими, штаты Техас, Калифорния, Юта, Невада, Аризона и Нью-Мехико стали официально англоязычными, но население не перестало говорить по-испански. Конституция Калифорнии 1849 г., например, разрешала публикацию законов штата на двух языках, но в 1878 г. поправки к Конституции убрали из нее упоминания об испанском языке.

Первый конституционный документ США — Статьи Конфедерации и вечного союза, принятый в 1777 г. и ратифицированный всеми тринадцатью штатами, был опубликован на английском, французском и немецком языках, что являлось имплицитным признанием многоязычия. В течение некоторого времени наблюдалась напряженность в отношениях между английским, французским,

немецким и испанским языками, три последние из которых долго сопротивлялись ассимиляции, хотя соответствующие сообщества никогда не требовали для них особого статуса. В первые годы Конгресс даже публиковал некоторые документы на французском и немецком с целью обеспечить лучший охват населения. Население США иммигрировало из разных стран и говорило на многих языках, и новое государство столкнулось с проблемой многоязычия, которая была характерна для некоторых европейских национальных государств. Неудивительно, что США в начальный период своей истории стали применять якобинскую языковую политику навязывания единого языка с эффективностью, которой могли бы позавидовать многие старые государства. Для американских руководителей было очевидно, что навязывание английского не должно ограничиваться рамками Конституции. Поэтому они никогда не считали необходимым включать в Конституцию какую-либо статью об официальном языке.

По этому поводу не велось никаких дискуссий, хотя существует некий миф об обсуждении языкового вопроса: якобы Конгресс на заседании 13 января 1795 г. голосовал по вопросу о выборе между английским и немецким, и английский победил с перевесом в один голос. В основе этого мифа лежит так называемая «Легенда Мюленберга» о том, как 9 января 1794 г. немецкие иммигранты из штата Вирджиния обратились в Конгресс с требованием публиковать законы и на немецком языке. Это требование было отклонено 42 голосами против 41 голоса. Спикер Палаты представителей Фридрих Муленберг, немец по происхождению, воздержался при голосовании, а позднее заявил, что чем скорее немцы станут американцами, тем будет лучше.

Точно так же не существует исторических подтверждений того, что Т. Джефферсон, известный франкофил, предлагал выбрать французский официальным языком США, чтобы лучше отметить разрыв с бывшей метрополией.

Среди отцов американской Конституции только будущий президент Дж. Адамс серьезно интересовался языковым вопросом. Он был убежден, что новое государство нуждается в едином языке, и этим языком должен стать английский. Он даже предложил создать, по примеру Французской академии, Академию американского языка, задачей которой была бы пурификация, улучшение и сохранение языка. Свои аргументы он изложил в письме спикеру Конгресса от 5 сентября 1780 г.: «Английский предназначен стать, в будущем и последующих веках, самым распространенным языком в мире, каким была латынь в прошлом, а французский в настоящем. Причина этого очевидна, потому что рост населения Америки, ее отношения и ее широкие контакты со всеми нациями будут иметь следствием, учитывая еще и влияние Англии в мире, большее или меньшее на-

вязывание ее языка для всеобщего употребления, несмотря на препятствия, которые могут возникнуть на его пути»¹.

Девятью годами позже малоизвестный преподаватель из штата Коннектикут Н. Вебстер объявил настоящую войну королевскому английскому (King's English): «Поскольку мы являемся независимой нацией, наша честь требует, чтобы мы имели свою собственную систему, как в языке, так и в правлении. Великобритания, детьми которой мы являемся и на чьем языке мы говорим, не должна более быть нашей нормой, вкус ее авторов уже испорчен, а ее язык находится в упадке. Но даже если бы это было не так, этот язык находится на слишком большом расстоянии, чтобы быть образцом для нас и учить нас принципам нашего собственного языка»². Вебстер защищал идею необходимости создания отдельной орфографии американского языка, отличающей его от британского варианта. Именно благодаря ему американцы пишут color вместо colour, honor вместо honour, humor вместо humour, theater вместо theatre, center вместо centre и т.д. Однако идеи Вебстера не сразу получили поддержку в национальном масштабе, поэтому Американская конституция 1787 г. была написана на стандартном английском языке. Сам по себе английский язык в Конституции не упоминался, и это объясняется не забывчивостью, а намерением авторов избегать политического вмешательства в эту область. Большинство американских политиков, за исключением, пожалуй, Дж. Адамса, считали языковой интервенционизм монархической политикой, применяемой в Европе. Кроме того, в то время в мире ни одна страна, кроме Швейцарской Конфедерации, не имела закона о статусе языка.

Между 1815 и 1860 гг. в Америку иммигрировали 2,7 млн жителей Великобритании и 1,5 млн немцев, скандинавов и голландцев. Таким образом, в первой половине XIX в. США заселялись европейцами, больше половины из которых эмигрировали из Великобритании. Большинство этих людей были убеждены в превосходстве белых англосаксонских протестантов над остальной частью человечества. Большую популярность у них имела опубликованная под псевдонимом книга Р. Чамберса, разъяснявшая, что кавказская (белая) раса была самой высшей в дереве эволюции³.

В эпоху американского экспансионизма президент Теодор Рузвельт (1901–1909) категорически отрицал его связь с империализмом

¹ Adams J. Proposal for an American Language Academy. URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/USA-Adams-anglais.htm. (дата обращения: 21.11.2023).

² Histoire sociolinguistique des États-Unis. La révolution américaine (1776–1783). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-3histoire.htm. (дата обращения: 18.12.2023).

³ Chambers R. Vestiges of the Natural History of Creation. London & Edinburgh: W.&R. Chambers, 1884. 400 p.

и отвергал сравнение политики США с европейской колониальной политикой. Все приобретения американского экспансионизма оправдывались цивилизаторской миссией США и моральным превосходством их граждан. Хотя США, преодолев свой традиционный изоляционизм, вступили в Первую мировую войну только в апреле 1917 г., американские войска, насчитывавшие около 2 млн человек, сыграли важную роль в победе союзных войск. Между делом США, оказав сильное давление, купили у Дании Виргинские острова. Силовая политика, проводимая американцами, способствовала распространению английского языка повсюду, где они появлялись.

Окончание Первой мировой войны было оформлено подписанием 28 июня 1919 г. Версальского договора между Германией и союзными государствами. Текст договора был составлен на английском и французском языках, имеющих одинаковую юридическую силу. Французский президент Ж. Клемансо, владеющий английским языком и женатый на американке, не смог устоять перед настойчивыми просьбами британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа и американского президента В. Вильсона и создал прецедент, который положил конец эпохе использования французского языка как единственного официального языка западной дипломатии. С этого времени США стали демонстрировать снисходительное, даже презрительное отношение ко всем другим языкам.

В 1920-е гг. США переживали период бурного экономического роста, но страдали от ксенофобии, порождаемой страхом перед массовой иммиграцией представителей других рас, считающихся низшими по отношению к белой расе. Большое распространение получила книга М. Гранта, в которой излагалась теория превосходства нордической расы¹. Грант противопоставлял нордическую расу альпийской и средиземноморской расам, которые страдали от скрещиваний с негроидными народами. В 1919 г., еще до своего избрания президентом (1933–1945), Франклин Рузвельт сделал заявление в пользу английского как единственного языка государства: «У нас есть место только для одного языка, и это английский язык, потому что мы намерены увидеть, как (плавильный. — *Прим. наше*) котел превращает наш народ в американцев, американцев по национальности, а не постояльцев многоязычного постоялого двора»². Тем не менее в 1923 г. постановление Верховного суда разъяснило, что конституционная защита распространяется на всех граждан, даже

¹ Grant M. The passing of the great race; or, The racial basis of European history. 4th rev. ed., with a documentary supplement, with prefaces by Henry Fairfield Osborn. New York: Scribner, 1922.

² Histoire sociolinguistique des Etats-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm. (дата обращения: 08.12.2023).

не говорящих по-английски: «Защита Конституции распространяется на всех, как на тех, кто говорит на других языках, так и на тех, кто родился с английским языком».

Затем в области языковой политики наступило затишье до 1960-х гг. В 1965 г. был принят Закон о праве на голосование (Voting Rights Act of 1965), а через несколько лет Конгресс признал, что права людей, говорящих на языках, отличных от английского, ущемлялись в ходе избирательного процесса. В 1975 г. Конгресс внес изменения в Закон о праве на голосование, защитив права граждан, не владеющих в должной степени устной или письменной формами английского языка. Позднее были приняты решения о выдаче водительских прав на других языках, о формулярах налоговых деклараций на нескольких языках и даже о возможности натурализации в американское гражданство на другом языке. Использование двух языков в некоторых профессиях, где раньше употреблялся только английский, привело к введению премий за двуязычие. С тех пор тысячи учителей, полицейских, медицинских работников получают эти премии. Многие государственные службы используют двуязычие своих сотрудников, хотя официально оно не запрещается, не поощряется и не признается. Официальное признание таких практик привело бы к полному параличу государственных учреждений. Верховный суд штата Калифорния так определил эту проблему: «Если бы это (право. — *Прим. наше*) было принято в таком космополитическом обществе, как наше, обогащенном иммиграцией людей из многих стран с различным языковым и культурным наследием, оно имело бы следствием практическую остановку процесса управления. Ведение официальных дел, включая процедуры и законодательную деятельность Конгресса, судов и административных органов, было бы почти невозможно. Исполнение федеральных законов, законов штата, регламентов и процедур находилось бы под серьезной угрозой»¹. На практике суды, как правило, признают нарушение раздела 4 Закона о гражданских правах, если доказано, что языковая практика, используемая в учреждении, делает невозможным доступ к государственным услугам значительного числа людей, не говорящих по-английски.

Суды разных уровней принимают решения о тестах на знание английского языка при приеме на работу, поскольку такие тесты ущемляют права кандидатов, для которых английский не является материнским языком. Эти тесты признаются дискриминационными, если только работодатель не докажет функциональную зависимость между знанием английского языка и профессиональными требо-

¹ Histoire sociolinguistique des Etats-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm. (дата обращения: 08.12.2023).

ваниями. Законодательство содержит положение о том, что отказ в приеме на работу из-за иностранного акцента также является дискриминацией. Однако в 1990 г. Верховный суд США отказал в пересмотре решения суда низшей инстанции на Гавайях по иску человека, которому работодатель отказал в приеме на работу из-за акцента.

В 1978 г. Федеральное правительство приняло Директиву № 15 (Federal Directive No. 15), в которой официально признавались четыре расово-этнические группы (racial and ethnic groups):

1) Американские индейцы (American Indians) и аборигены Аляски (Alaskan Natives).

2) Выходцы из Азии (Asians) и выходцы с островов Тихого океана (Pacific Islanders).

3) Черные (Blacks).

4) Латиноамериканцы (Hispanics).

В начале 2000 гг. в Федеральную директиву № 15 были внесены изменения, и она стала включать пять групп: 2-я группа стала включать в себя категории Выходцы из Азии (Asians), с одной стороны, и Гавайские аборигены (Native Hawaiians) и Выходцы с других островов Тихого океана (Other Pacific Islanders), с другой. Кроме того, была добавлена группа Этнические белые (White ethnics). Эта официальная классификация свидетельствует о затруднениях американских властей перед этническим и языковым разнообразием американского населения: так, категория Латиноамериканцы выделяется по языковому критерию, хотя включает в себя лузофонных бразильцев и франкоязычных гаитян, в то время как категории Аборигены Аляски, Выходцы из Азии, Гавайские аборигены и Выходцы с других островов Тихого океана основаны на применении географического критерия. Категория Черные выделяется по цвету кожи, а категории Американские индейцы и Белые — по этническому происхождению. Доминирующей группой являются белые англосаксонские протестанты (WASP), культурные и языковые ценности которых должны ассимилировать все другие группы населения.

Давление представителей испаноязычного населения США привело к тому, что в 1960-е гг. Конгресс был вынужден принять несколько законов о двуязычном образовании. Конгрессменам пришлось принять во внимание постоянно растущее число школьников, вынужденных бросать школу из-за плохого знания английского языка. Оказалось, что у большинства этих школьников материнским языком был испанский, а их численность росла из-за исхода кубинцев во Флориду, мексиканцев в штаты, приграничные с Мексикой, пуэрториканцев в штаты Нью-Йорк и Новая Англия.

В 1965 г. при президенте Линдоне Джонсоне был принят Закон о двуязычном образовании (Bilingual Education Act), полное название которого Закон о начальном и среднем образовании (Elementary

and Secondary Education Act). В 1968 г. была принята расширенная версия этого закона: расширение сводилось к тому, что теперь закон распространялся на всех детей, которые ограниченно владели английским. Закон предусматривал федеральные дотации тем штатам, в которых школы вводили двуязычное образование. Штаты получали ежегодно 428 млн долларов по разделу 7 и 8,6 млрд долларов по разделу 1. Из 3,5 млн школьников, охваченных этим образованием, 65% составляли испанофоны, а остальные 35% приходились на 150–300 других языков, в основном азиатских, индейских и французский (в штатах Луизиана и Мэн). По статистическим данным на 1990 г., 72% школьников с ограниченным знанием английского языка проживали в шести штатах: Калифорнии, Флориде, Иллинойсе, Нью-Джерси, Нью-Йорке и Техасе. Нужно отметить, что этот закон имел в первую очередь социальную задачу — помощь детям иммигрантов из бедных семей (под программу двуязычного обучения попадали дети из семей с месячным доходом не более 3000 долларов). Языковой аспект был только вторичным. Хотя закон был принят в 1968 г., впервые он был применен в штате Массачусетс в 1971 г., а на всю территорию страны он распространился в 1974 г. Двуязычное образование означало, что в школах должны были организовываться подготовительные курсы по английскому языку, и двуязычное обучение, при котором миноритарный язык, наряду с английским, используется в качестве языка обучения в первые годы обучения.

В постановлении Верховного суда от 21 января 1974 г. были определены некоторые языковые права: право на двуязычные избирательные бюллетени, право на двуязычное образование, право на предоставление переводчика в суде, право на получение информации о предоставлении социальной помощи на испанском или других языках, право использовать свой родной язык на рабочем месте. Суд, однако, не касался вопроса о статусе миноритарных языков, потому что это означало бы их официальное использование и защиту. Тем не менее двуязычное образование стало правом для семей и обязанностью для штатов, потому что с этого дня каждый школьный округ, на территории которого проживало не менее двадцати детей, принадлежащих к одной миноритарной группе, был обязан организовать для них, по их желанию, параллельное обучение.

Закон о двуязычном образовании многократно подвергался изменениям, а в 1994 г., при президенте Б. Клинтоне, он был переименован в Закон, улучшающий американские школьные законы (Improving America's Schools Act). Кроме того, Конгрессом были приняты другие законы: Чрезвычайный закон о помощи школам 1972 г. (Emergency School Aid Act, 1972), Закон об образовании коренных народов 1972 г. (Indian Education Act), Программа по этническому наследию 1972 г. (Ethnic Heritage Program). Объектом всех этих законов были дети

с недостаточным знанием английского языка. Причиной их появления стало беспрецедентное увеличение численности испаноязычного сообщества, начавшееся в 1970-х гг.

Главной проблемой этих законов является то, что они принимаются тогда, когда языки находятся уже в стадии агонии. Кроме того, в законах часто речь идет о выживании языков, а не об их развитии или определении норм (например, Native American Language Survival School). С другой стороны, создается впечатление, что их цель — скорое улучшение качества преподавания английского как второго языка в ожидании, пока он не станет первым.

В 1981 г. президент Р. Рейган попытался отменить Закон о двуязычном образовании и другие программы помощи детям из бедных семей. Когда это ему не удалось, он смог уменьшить финансирование до такой степени, что большинство федеральных программ в области образования выполнялись с десятилетним опозданием. Президент Дж. Буш — старший продолжал реформы в том же роде, в результате чего в 2003 г. Комиссия по образованию Конгресса была вынуждена констатировать, что 65% выпускников средних школ не могут понять содержания газетной статьи, 55% не способны правильно заполнить анкету, а 52% не способны разобраться в выписке из банковского счета.

После почти целого века мечтаний о плавильном котле, в котором переплавятся все языки, все расы и все культуры, США оказались перед лицом реальности, которую они долго старались не замечать — мультикультурного и многоязычного общества.

Перепись 2000 г. показала, что каждый пятый американец не владеет свободно английским языком. Впервые в истории США большинство иммигрантов говорят только на одном языке, и этим языком был не английский. Приток детей школьного возраста, не говорящих по-английски, создает серьезные проблемы в преподавании английского языка в школах. Число детей из иммигрантских семей велико как никогда в истории — 11 млн человек. В 2003 г. организация Pro English заявила, что система образования не может справиться с обучением детей новых иммигрантов и что нужно ограничивать иммиграцию. В средней школе в предместьях Бостона учатся дети 63 национальностей, говорящие на 46 языках. В такой же школе в Сан-Франциско — дети, говорящие на 55 языках, приехавшие в основном из Мексики, Индии, Лаоса и Филиппин и т.д. Идеология плавильного котла (melting pot) вынуждена уступить место идеологии салатницы (salad bowl). В учебнике по истории для 10 класса сообщается: «Как и салат, Соединенные Штаты образованы из различных ингредиентов народов и культур. Хотя они перемешиваются, эти ингредиенты остаются различимыми. И подобно тому, как в салате каждый ком-

понент имеет особый вкус, каждый культурный вклад способствует разнообразию американской жизни»¹.

Расчеты демографов показывают, что если иммиграция будет продолжаться в таких же темпах, к 2050 г. Белые будут составлять 52% населения, Латиноамериканцы образуют главную миноритарную группу с 22%, за ними будут следовать Черные (14%) и Выходцы из Азии (10%) — рис. 00².

В наше время США переживают период радикальных преобразований. Президент Б. Клинтон предупреждал американцев, что через 30–40 лет ни одна раса не будет доминировать в США и что следует привыкать к этой мысли. Как либеральный демократ, Клинтон призывал к расовой терпимости и восхвалял преимущества мультикультурализма. В выступлении, озаглавленном «США, земля разнообразия и надежды» (1999), он заявил: «В будущем веке мы сможем стать первой по-настоящему мультирасовой и мультиэтнической демократической страной в мире. Наши государственные школы никогда не принимали столько учеников с таким разнообразным происхождением: фактически каждый пятый школьник является выходцем из семьи иммигрантов. В Вирджинии, например, совсем рядом со столицей нашей страны, на другом берегу Потомака, который омывает Вашингтон, в школьном округе графства Ферфакс учатся дети, принадлежащие к 180 расовым, национальным и этническим группам и говорящие более чем на 100 родных языках. Мы должны следить за тем, чтобы наша система образования воспитывала креативность в каждом из наших школьников, чтобы она дала каждому из них компетенции и знания, которые понадобятся им для реализации их потенциала и чтобы она предоставила им возможность преуспеть в жизни и в той карьере, которую они выберут»³.

В 2000 г. президент Б. Клинтон подписал декрет ЕО 13166 «Improving access for people of limited English proficiency» об облегчении доступа к услугам для лиц с ограниченными компетенциями в английском языке. Этот декрет обязывает все правительственные агентства обращаться к неанглофонам на их этническом языке.

Б. Обама, первый президент США с афро-негритянскими корнями, не принадлежащий к белому протестантскому англосаксонскому большинству, также считает, что культурное разнообразие не представляет опасности для национального единства. В своей

¹ Histoire sociolinguistique des Etats-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm. (дата обращения: 08.12.2023).

² Ibid.

³ Clinton B. The United States: a Nation of Diversity and Promise. URL: www.4uth.gov.ua/usa/english/society/ijse0699/clin.htm. (дата обращения: 13.12.2023).

первой речи после избрания президентом он заявил: «Мы являемся нацией христиан, мусульман, иудеев, индуистов и атеистов. Мы строились благодаря каждому языку и каждой культуре, пришедшим со всех уголков земли, и поскольку мы вкусили горечь гражданской войны и сегрегации и вышли из этого темного периода более сильными и более едиными, мы не можем запретить себе мечтать, что однажды старая ненависть пропадет, племенные границы исчезнут...»¹ Сам Обама говорит по-испански, по-индонезийски и немного по-китайски.

Переизбрание Б. Обамы на второй президентский срок подтвердило, что идеология плавильного котла отживает свой срок и должна уступить место идеологии культурного разнообразия. Однако многие американцы оспаривают легитимность такого изменения национальной политики. Правая республиканская пропаганда вела экстремистскую агитацию против президента, иммигрантов и мусульман под лозунгом, принадлежащим Т. Джефферсону: «Время от времени нужно поливать дерево свободы кровью патриотов и тиранов» (*The tree of liberty must be refreshed from time to time with the blood of patriots and tyrants*). Перед опасностью испано-католицизма и исламизма белые англосаксонские протестанты сделали Библию символом своего сопротивления. Языковой вопрос в США часто подается как религиозная проблема, потому что в Библии говорится, что до возведения Вавилонской башни люди говорили на одном языке. Вавилонское смешение языков считается наказанием Господним, поэтому они хотят вернуться к библейским источникам: использование исключительно английского языка является лучшим продолжением культурных традиций американского народа.

Борцы за моноязычие продолжают попытки провозгласить английский официальным языком США, потому что считают недопустимым, чтобы доминирующий мировой язык находился под угрозой в своем самом сильном бастионе.

Как писал П. Бурдьё, «любое символическое доминирование предполагает, со стороны тех, кто ему подвергается, форму соучастия или пассивного подчинения внешнему принуждению, если не открытое согласие с его ценностями. Признание легитимности официального языка... практически вписывается в предрасположенности, которые неизбежно прививаются в ходе длительного и медленного процесса его изучения, под воздействием санкций на языковом рынке, и которые соответствующим образом согласуются, без какого-либо циничного расчета или сознательно ощущаемого давления, с шансами на материальную или символическую выгоду, которую законы цено-

¹ Histoire sociolinguistique des Etats-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui) // www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm. (дата обращения: 08.12.2023).

образования на данном рынке объективно предлагают держателям данного языкового капитала»¹.

Одной из первых попыток было внесение в Конгресс в 1983 г. проекта поправки к Конституции «English Language Amendment», которая провозгласила бы английский официальным языком США. Эта поправка не была принята, однако в 1996 г., благодаря активности ассоциаций US English и English Only, Палата представителей 259 голосами против 169 проголосовала за проект закона, провозглашающего английский официальным языком Федерального правительства США — The Bill Emerson English Language Empowerment Act of 1996. Этот проект рассматривался внесшими его республиканцами как механизм защиты американского общества от угроз мультикультурализма. В проекте закона говорилось, что представители Федерального правительства обязаны вести всю официальную деятельность на английском языке, а также подтверждалось право граждан обращаться к представителям правительства и получать от них ответы на английском языке.

Однако этот проект не был принят Сенатом; как выразился один конгрессмен, «думать, что язык Шекспира нуждается в официальной поддержке для своего выживания, оскорбительно для этого языка», тем более что в эпоху Шекспира на английском говорили 4 млн человек, а сегодня — более миллиарда (с первым и вторым языком). Сама по себе мысль о том, что США нуждаются в законодательной поддержке для сохранения позиций английского языка внутри страны, свидетельствует о сомнениях в его будущем. Кроме того, главным результатом каждой попытки сделать английский официальным языком является очередное обострение недовольства этнических групп.

Поскольку под давлением резкой критики в средствах массовой информации законы о двуязычном образовании Bilingual Education Act, Elementary и Secondary Education Act, переименованный в 1994 г. в Improving America's Schools Act, потеряли практическое значение, они были отменены 8 января 2002 г. Президент Дж. Буш подписал новый закон No Child Left Behind Act of 2001 (Ни одного не охваченного ребенка), из которого было удалено любое упоминание о двуязычии, включая само это слово. Ради повышения эффективности закон ограничил тремя годами срок пребывания ребенка в «двуязычных программах», которые отныне называются «программами по развитию английского языка для детей с ограниченным знанием английского языка». Многие американцы восприняли этот закон как поворотный момент в изменении федеральной образовательной политики в сторону всеобщей англоизации.

¹ Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge: Polity, 1992. P. 51.

В 2005 г. новый проект закона о провозглашении английского официальным языком English Language Unity Act of 2005 был внесен в Палату представителей. Помимо повторения основных положений проекта 1996 г., этот проект требовал отмены обязанности администраций разных уровней принимать на работу двуязычных (со знанием испанского языка) служащих, отмены дорогостоящей системы оказания государственных услуг на 16 языках и печати избирательных бюллетеней на 28 языках. Таким образом, у иммигрантов должна возникнуть мотивация к скорейшему изучению английского языка.

Очередной всплеск дискуссий по языковому вопросу произошел в 2006 г. по поводу поправки к закону о реформе иммиграционной системы Comprehensive Immigration Reform Act of 2006, в которой содержалось положение, что никто не вправе требовать от американского правительства или его представителей использовать другой язык, кроме английского, а также провозглашалась обязанность правительства охранять и увеличивать роль английского как национального языка США. Для того чтобы обеспечить «патриотическую интеграцию будущих граждан США», проект предусматривал обязательное знание английского языка для получения американского гражданства и даже вида на постоянное жительство. Поправка была принята 63 голосами сенаторов против 34, но для того, чтобы не будоражить избирателей, Сенат принял еще одну поправку, в которой английский язык квалифицировался не как официальный, а как национальный и объединяющий язык (national and unifying language). Заменяя термин «официальный язык» на «национальный язык», сенаторы пытались преуменьшить символическое значение этого закона. Но этот проект надолго застрял в Палате представителей и, возможно, его ждет участь остальных языковых законов.

В 2008 г. республиканцы внесли в Сенат еще один проект закона об официальном языке, похожий на проект 2006 г., но содержащий требование лишить федерального финансирования те школы, которые разрешают или требуют от учеников произнесения клятвы верности или пения национального гимна на другом языке. Целью этого закона также являлось поощрение скорейшей ассимиляции иммигрантов с помощью «общего языка США».

Обе основные политические партии, как демократы, так и республиканцы, не склонны принимать закон об официальном языке. Многие конгрессмены боятся потерять часть своего электората, состоящего из латиноамериканцев и представителей других иммигрантских меньшинств, поэтому они стараются избегать любых публичных дискуссий на эту тему¹.

¹ Histoire sociolinguistique des Etats-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui). URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm (дата обращения: 08.12.2023).

Тем не менее влиятельные ассоциации US English и English Only продолжают протестовать против использования «иностранных языков» федеральными агентствами и официальными лицами. Так, 5 мая 2001 г., в день национального мексиканского праздника президент Дж. Буш публично выступил на испанском языке, что вызвало протесты этих ассоциаций, требующих, чтобы президент обращался к гражданам только по-английски. Президент Дж. Буш — старший свободно говорил по-французски, что тщательно скрывалось его окружением как постыдная тайна. Во время президентской кампании 2001 г. сторонники демократического кандидата Дж. Керри как государственный секрет скрывали, что он свободно говорит по-немецки, по-французски и по-испански. Его супруга, португалка по рождению, Т. Керри обратилась к делегатам съезда Демократической партии на французском, итальянском, испанском и португальском языках, но из-за протестов публики ей пришлось прекратить свое выступление. В 2008 г. эти ассоциации обвинили Б. Абама в недостаточном интеллекте за то, что он в Майами выступил на испанском языке и призвал к изучению иностранного языка в американских школах, начиная с начальных. В 2012 г. даже республиканский кандидат М. Ромни, строго соблюдающий все мормонские заповеди, был обвинен в том, что он говорит по-французски, хотя он выучил его в возрасте 19 лет, проведя два года во Франции.

Отчаявшись добиться результата на федеральном уровне, сторонники моноязычия решили действовать на уровне законодательства отдельных штатов. Различные ассоциации, US English, English Only, English First и Save Our Schools (SOS), вели настоящие политические бои под лозунгом «Не стройте в Америке Вавилонскую башню» (Don't build Babel tower in America).

3.5. ВНЕШНИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ США

Современное положение английского (вернее, американо-английского) языка является результатом политики языкового империализма. Языковой империализм определяется как культурное доминирование при помощи языка и может быть включен в более общее понятие культурного империализма. Изначально это понятие применялось к языковой политике колониальных держав, которая приводила к маргинализации местных языков, вплоть до их полного исчезновения. В наше время содержание этого понятия расширилось: оно применяется также к языковой политике мировой сверхдержавы по отношению ко всем другим языкам.

Определение языкового империализма и отношение к этому термину в сильной степени зависят от того, как каждый человек относится к политической, экономической и военной мощи западных

англоязычных государств. Хотя этот термин может применяться по отношению к любому языку, чаще всего он применяется к английскому.

Термин *linguistic imperialism* широко употребляется с начала 1990-х гг. благодаря книге Р. Филлипсона, который определил англоязычный языковой империализм как «утвердившееся и поддерживаемое истеблишментом доминирование и сохранение структурного и культурного неравенства между английским и другими языками»¹. Филлипсон анализировал исторический процесс распространения английского языка в качестве международного и механизмы сохранения его доминирующего положения в постколониальный период (Индия, Пакистан, Уганда, Зимбабве) и главным образом в неоколониальный период (континентальная Европа). Основным тезисом Филлипсона является то, что в странах, где английский не является материнским, он становится в первую очередь языком элит. Те, кто владеет этим языком, могут контактировать с иностранцами, с ООН, с Всемирным банком и т.д. Благодаря этому, англофоны имеют возможность принимать решения за тех, кто этим языком не владеет.

В течение пяти веков западные страны формировались и определяли себя в диалектическом отношении ко всему миру. Однако существование единой западной цивилизации является мифом, предназначенным для того, чтобы скрывать гегемонию одной супердержавы и создавать видимость того, что остальные европейские нации имеют что-то общее с этой супердержавой². В Европе существуют разные цивилизации: французская, испанская, русская, английская, греческая, австрийская и т.д. Европейцы не составляют единого сообщества, разделяющего одну культуру, ценности, принадлежащего к единой цивилизации. Так, французы в культурном отношении ближе к канадцам, чем к немцам или финнам. У них больше общих черт с Африкой, Магрибом или Ливаном, чем с Нидерландами или Великобританией. Испанцы, естественно, ближе к мексиканцам, чем к шведам. Единственное, что объединяет европейские страны в плане культуры, это порабощение американской субкультуры.

Решающий шаг для распространения английского языка был сделан в период после Второй мировой войны, когда американское влияние охватило большую часть земного шара. Английский язык работал как средство доставки американской мощи и англо-американской технологии и финансов. Британский и американский варианты английского стали олицетворять для очень многих людей, особенно молодых, надежду на лучшее будущее, материальное благополучие,

¹ *Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.*

² *El Tibi Z. Face à la globalisation, le salut des cultures passe par la souveraineté des nations // La revue du Liban. URL: <http://www.rdl.com.lb/2009/q1/4190/index.html> (дата обращения: 13.05.2023).*

доступ к профессиональным и научным знаниям. Во всем мире идеи массового потребления, международной торговли, поп-искусства, конфликта поколений и технократии выражаются при помощи американо-английских и британо-английских слов и выражений.

Английский стал мировым языком не только благодаря политическим усилиям. После Второй мировой войны были образованы важнейшие финансовые институты, в которых доминировали США. Выполняя план Маршалла, США самым непосредственным образом участвовали в послевоенном экономическом восстановлении Европы, Японии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Корейская, а затем вьетнамская войны продолжили процесс расширения американского влияния. Значительную роль в регулировании международных экономических отношений и внедрении свободного рынка в странах, в которых традиционно существовал централизованный контроль, сыграла Бреттон-Вудская система. Многие страны стали открыты для глобальных финансовых потоков, товаров, знаний и культуры, что привело к увеличению влияния английского языка.

Сегодня английский язык стал международным средством общения и в сфере науки и технологий, но так было не всегда. Ренессанс британской науки в XVII в. выдвинул научные публикации на английском языке, такие как *Philosophical Transactions*, основанные Королевским обществом в 1665 г., на передний край мировой науки. Но вскоре английский уступил эту позицию немецкому языку, который оставался доминирующим международным научным языком до Первой мировой войны. Растущее влияние США вернуло английскому языку его роль мирового научного языка.

После Второй мировой войны научные журналы во многих странах стали переходить с публикации на своем национальном языке на публикацию на английском. Иногда этот процесс происходил постепенно: так, мексиканский медицинский журнал *Archivos de Investigación Médica* сначала печатал резюме на английском, потом переводы на английский всех статей, затем был продан американскому издателю, стал принимать статьи только на английском и, наконец, поменял название на *Archives of Medical Research*. Процесс перехода на другой язык происходил повсеместно: в начале 1980-х гг. две трети публикаций французских ученых издавались на английском языке. В 1950 г. все статьи в немецком журнале *Zeitschrift für Tierpsychologie* публиковались на немецком языке, а в 1984 г. 95% статей были уже на английском. Два года спустя журнал был переименован в *Ethology*.

Еще более наглядным стало превосходство английского языка в области книгоиздания. ЮНЕСКО публикует статистику количества названий книг, издаваемых ежегодно в разных странах. Так, Великобритания лидирует в списке стран, издающих наибольшее число наименований книг. Конечно, в мире есть страны, публику-

ющие больше книг на душу населения или издающие книги большими тиражами, но нет стран, издающих так много разных книг. Многие из этих книг идут на экспорт или вовлекаются в глобальный процесс книготорговли, когда издание готовится в одной стране, печатается в другой, а продается в третьей. Трудно сравнивать степень культурного влияния огромных тиражей книг из небольшого списка наименований с книгами широкого спектра наименований, издаваемых небольшими тиражами, но статистика показывает, что огромный объем интеллектуальной собственности, ценность которой увеличивается, доступен на английском языке.

В выигрыше от этого оказываются США, которые пользуются при этом тремя своими преимуществами, которых нет у европейских стран¹.

Первое преимущество заключается в практически неограниченной способности США привлекать и обучать интеллектуальные элиты со всего мира: в течение последней четверти века американские университеты и исследовательские центры вобрали в себя почти всех лучших чернокожих интеллектуалов планеты, включая и тех, которые учились во Франции, но перед которыми были наглухо закрыты двери французских научных учреждений.

Второе преимущество носит расовый характер. Наличие в США афроамериканского сообщества, средний и буржуазный классы которого успешно интегрировались в политические структуры и очень заметны на культурной сцене, имеет огромную притягательность, несмотря на то, что оно продолжает подвергаться разным формам дискриминации. Большое число американцев африканского происхождения занимают ответственные должности в армии, федеральном правительстве, Сенате и Конгрессе, не говоря уже о должности президента США, которую впервые занял потомок выходца из Кении Барак Обама.

Третье преимущество состоит в том, что культурная глобализация, проводником которой являются США, в таких областях, как музыка, мода, танцы, спорт, кино и т.д., уже очень многие годы питается продуктами креативности африканских диаспор. Многочисленные филантропические заведения (фонды, церкви и пр.) через дотации программам, которые они финансируют, играют значительную роль в «американизации» деловых людей, активистов и африканских элит.

Впервые с конца XIX в. возникновение мировой сверхдержавы сопровождалось открытым империалистическим дискурсом, оправдывающим применение силы. Один из идеологов американских новых правых Ч. Краутхаммер писал, что после Рима ни одна страна не была настолько доминирующей в экономическом, техническом

¹ Марусенко М.А. Языковая политика Франции. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012.

и военном отношении, и что Америка как колосс возвышается над миром. Так же, как XVIII в. был французским, XIX в. — английским, а XX в. — американским, будущий век также будет американским¹. Поэтому американские правые стараются обеспечить безопасность и процветание США с помощью военной силы, подчиняя себе страны третьего мира, свергая правительства непокорных государств, применяя репрессии к тем, которые не соответствуют их моральным ценностям.

Большинство американцев искренне не понимают, почему другие народы противятся языковой ассимиляции, что, с их точки зрения, было бы так просто и позволило бы избежать многих конфликтов. Они считают, что весь мир должен перейти на английский язык и на единую культуру; это соответствует идеологии белых англосаксонских протестантов, согласно которой они избраны Богом для колонизации Америки и должны вести весь мир к свободе и демократии. В рамках этой идеологии навязывание английского языка всему миру является естественным воплощением этого Божественного выбора. Доминирование английского языка практически во всех областях международной коммуникации делает в их глазах многоязычие элементом утопии или фольклора.

Гегемония английского языка является реальной целью США и достигается путем дискредитации конкурирующих языков, называемых региональными, устаревшими, даже архаичными. Основным недостатком этих языков, с точки зрения американцев, является отсутствие у них универсальности. Они уверены, что многоязычие является злом и источником конфликтов, а английский моноязычие, наоборот, представляет собой символ единства и эффективности. Суть американской языковой идеологии сформулировал Р. Барчфилд, считавший, что любой образованный человек в мире испытывает лишения, если не знает английского².

В секретном отчете Англо-американской конференции по преподаванию английского языка за рубежом, состоявшейся в 1961 г., была выработана стратегия его распространения: «Английский должен стать доминирующим языком, заменяющим другие языки и их видения мира; хронологически родной язык должен изучаться первым, но английский — это язык, который, благодаря своему использованию

¹ *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment — America and the World 1990 // Foreign Affairs, Winter 1990/1991. Vol. 70. № 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment> (дата обращения: 22.11.2023).

² *Burchfield R.W.* The English Language. Oxford: Oxford University Press, 1985. 194 p.

и своим функциям, станет основным языком»¹. Коалиция в области языковой политики между США и Великобританией и совместные действия в этой сфере рассматривались как инструмент внешней политики этих стран, и поскольку отчет был предназначен для внутреннего пользования, его содержание отличалось от того, что было опубликовано. Британский совет проводил такую политику начиная с 1950-х гг., но позднее возникла необходимость в координации усилий и устранении конкуренции между двумя государствами. Вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1947 г., была создана глобальная разведывательная сеть «Эшелон», членами которой являлись США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Все государства — участники этой сети являются англоязычными, и ими было принято решение, что в послевоенном мире английский язык должен стать доминирующим мировым языком.

Уже в тот период главенствующая роль в этом тандеме принадлежала США: «Преподавание английского языка в мире должно рассматриваться как продолжение задачи, которая стояла перед Америкой, когда речь шла о навязывании английского в качестве общего национального языка ее собственному иммигрантскому населению»². Процесс распространения английского языка значительно ускорился благодаря укреплению США в роли мировой военной, финансовой и технологической сверхдержавы, вкладывающей в него огромные государственные и частные средства, начиная с 1950-х гг. Речь, вероятно, идет о самых больших в истории человечества суммах, потраченных на распространение языка.

Говоря о распространении английского языка, не стоит верить рассуждениям о его собственных достоинствах, поскольку речь идет о целенаправленных усилиях по изменению естественной эволюции языка и облегчению его экспансии. О политических целях и возможных препятствиях на этом пути свидетельствует Р. Филлипсон: «Обучение английскому носителей не от рождения может радикально изменить все мировоззрение тех, кто его изучает. Если и когда новый язык становится по-настоящему употребительным в слаборазвитой стране, это меняет всю структуру мировоззрения студентов. Министерство образования, под давлением националистов, может не быть хорошим выразителем интересов своей страны. Национальный дух может разрушить всякую надежду английского стать вторым языком»³. Новые независимые государства могут, из националисти-

¹ Цит. по: *Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais*. URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 02.12.2023).

² *Troike R.C.* Editorial: The Future of English // *The Linguistic Reporter*. 19.8.1977.

³ *Phillipson R.* *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

ческих соображений, сопротивляться английскому языку, но в таком случае необходимо действовать наперекор их воле (That in such cases, their wishes should be over-ruled). Неанглоязычные страны могут сами определять свою политику, но они нуждаются в руководстве, чтобы понять, в чем заключается их благо. Поэтому, если министры образования других стран, ослепленные своим национализмом, не могут согласиться с этой истиной, долг представителей основных англоязычных стран дать им необходимые советы. Англофоны считают, что самым простым и экономичным решением для всего мира стал бы переход на английский язык. Это решение совсем не очевидно для неанглоязычных стран (92% человечества), вынужденных инвестировать огромные суммы в изучение английского языка, в то время как англоязычные страны ежегодно экономят огромные суммы на знании английского языка и зарабатывают на его преподавании. Великобритания только в рамках ЕС экономит на этом не менее 25 млрд долларов в год. В прежние эпохи англичане и американцы посылали за границу пушки и дипломатов, сегодня они посылают преподавателей английского языка. Далеко не все сторонники пананглийского осознают несправедливый характер этой ситуации, хотя эти 25 млрд долларов представляют собой подарок, которые государства — члены ЕС ежегодно делают Великобритании, соглашаясь на гегемонию английского языка. Так, Франция расходует в 4 раза больше средств на изучение иностранных языков, чем Великобритания.

США, отменив обязательное преподавание иностранных языков в средних учебных заведениях, ежегодно экономят более 16 млрд долларов.

Англо-американская языковая политика имеет целью распространение английского моноязычия и сокращение языкового разнообразия и многоязычия, которые очень отрицательно оцениваются в США, особенно после латиноамериканского бума. Английский историк Э. Хобсбаум так объясняет американскую потребность в экспансии: «Америка — это не просто государство; она стремится изменить весь мир по определенной модели. Так, американская культурная гегемония имеет политическое измерение, которого не было у британской... Желание выступать в качестве универсальной модели неотъемлемо от американской системы»¹.

Еще в 1997 г. ЦРУ представило доклад, в котором отмечалось, что ближайшие годы будут решающими для укрепления английского в качестве единственного международного языка. Особый акцент в докладе делался на быстроте действий, «пока еще во всем мире не развернулись многочисленные враждебные реакции против США,

¹ *Hobsbawm E.J.* Les enjeux du XXe siècle, entretien avec Antonio Polito. Bruxelles: Editions Complexe, 2000. 199 p.

их политики и американизации планеты»¹. ЦРУ опасалось, что если слишком долго выжидать, результат станет вообще невозможным. Неотложной задачей оно считало организацию атак на национальные законодательства, защищающие национальные языки.

К. Райс, государственный секретарь США при президенте Дж. Буше заявила в 2002 г.: «Остальному миру будет выгодно, что Америка защищает свои собственные интересы, потому что американские ценности универсальны»². Однако почему-то вселенские ценности всегда оказываются связанными с англосаксонской глобализацией и с использованием одного английского языка, отказываясь от китайского, арабского, французского, испанского, русского, португальского и т.д.

В США самыми ярыми защитниками пананглийского и единой культуры являются белые англосаксонские протестанты, придерживающиеся мифа о божественном выборе, самым видным представителем которых был президент Дж. Буш — младший.

Однако с очень давних времен существует функциональная дифференциация языков. Еще император Карл V (1500–1556) говорил: «Я говорю по-английски с торговцами, по-итальянски с женщинами, по-испански с Богом, по-немецки с моим конем».

Американский истеблишмент придерживается другой точки зрения, которая была сформулирована техасским политиком М. Фергюсоном в ходе дебатов о провозглашении английского официальным языком: «Если уж Иисус Христос довольствовался английским языком, Техасу также достаточно его»³. Полное игнорирование истории свидетельствует о крайнем эгоцентризме американцев, просто не желающих знать, что Иисус говорил по-арамейски, а Библия была написана на древнееврейском языке.

Это не удивительно, если учесть, что президент Дж. Буш — младший был убежден, что мексиканцы говорят на мексиканском языке, кубинцы — на кубинском, бразильцы — на бразильском и т.д. В беседе с Т. Блером, содержание которой было воспроизведено в газете *Times* от 10 июля 2001 г., Буш заявил: «Проблема французов в том, что у них нет слова предприниматель (в тексте — *entrepreneur*. — М.М.)». Буш не знал, что *entrepreneur* — это заимствование из французского языка. Специально для обозначения перлов Буша американские газеты изобрели термин бушизм (*Bushism*).

¹ *Crystal D. English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

² *Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais*. URL: http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 12.02.2013).

³ *Ibid.*

К сожалению, сегодня не только англосаксы убеждены в превосходстве своего языка над всеми остальными. Другие нации, желая избежать языкового апартеида, также желают пользоваться английским языком. Эти нации сами являются сообщниками англо-американского языкового империализма, хотя они жалуются на маргинализацию своих национальных языков. Разделяя идеологию проанглийского либерализма, они тоже способствуют распространению английского языка. Так, две мировые державы, Россия и Китай, вышедшие из экономической изоляции и решившие участвовать в экономической глобализации, стали активно развивать изучение английского языка.

Чем больше распространение английского языка, тем сильнее влияние колониального типа, которое США, а за ними Великобритания, оказывают на национальные государства. Нельзя забывать, что настоящую выгоду от глобализации всегда будут получать только англосаксы, заинтересованные в распространении английского языка в ущерб другим. Любая международная организация, использующая английский язык, автоматически попадает под контроль англофонов по рождению, единственных, кто может гарантировать качество документов и переводов.

Американцы считают любую попытку сопротивления доминированию английского языка аррьергардными боями (rearguard actions), обреченными на поражение. В редакционной статье газеты The Economist от 20 декабря 2001 г. приводятся рассуждения о причинах распространения английского в мире¹. Автор издевается над французским языком и законодательными попытками французов и квебекцев остановить спад использования французского языка, называя это абсурдной языковой политикой. Вообще французы стали любимым и безопасным объектом издевательства для американцев, в отличие от итальянцев, немцев, евреев и греков, миллионы потомков которых образуют немалую часть американского электората, в то время как франкоязычного лобби в США просто не существует.

В международном плане **английский** постепенно вытесняет другие международные языки, например, французский, испанский, арабский и русский; это происходит не для того, чтобы доставить удовольствие американцам или из-за большой любви к ним. После терактов 11 сентября 2001 г. они, считаящие себя предметом восхищения и зависти всего мира, с удивлением констатировали, что есть люди, смертельно ненавидящие их.

¹ The triumph of English. A World Empire by Other Means. English Becoming The New World Language // The Economist. 20 December 2001. URL: <http://www.tlfg.ulaval.ca/axl/amnord/USA-Economist-ANGLAIS2001.htm> (дата обращения: 06.04.2023).

Во всех концепциях современного языкового империализма намеренно преувеличивается роль языка и совершенно недооценивается роль политиков и носителей языка, а также экономических и социальных ситуаций, сложившихся в разных странах. Сегодня предпочитают говорить о языковом доминировании, представляя его как естественный, вполне приемлемый процесс, сопровождающийся, однако, стремлением к политическим, экономическим и культурным завоеваниям.

Наступательное движение английского языка во многих регионах мира привело к изменению представления о его принадлежности. Он используется независимо, без участия носителей от рождения, в интересах носителей английского как второго языка. Даже в бывших колониальных странах он уже не воспринимается как колониальный язык и используется исходя из чисто прагматических соображений. Так, английский является официальным языком Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая не является ни пробританской, ни проамериканской. Те преимущества, которые в период распространения английского языка получают англоязычные страны, являются временными и действуют только в течение переходного периода. Все большее число молодых людей в мире начинают изучать английский с детского возраста и успешно конкурируют с носителями от рождения за литературные и журналистские премии.

Все чаще приходится констатировать, что влияние широко распространенного языка на менее распространенные языки оказывается особо губительным в области специальных языков, в которой специалистам становится все труднее общаться на своем национальном языке. Это явление получило название потери функциональности (англ. *domain loss*, франц. *perte de domaines*, *perte de fonctionnalité*) и возникает в случаях, когда в определенных областях деятельности исчезает возможность говорить, работать, учиться и преподавать на национальном языке. Таким образом, потеря функциональности — это потеря возможности коммуникации на всех уровнях языка в определенной области из-за недостаточного развития ресурсов специальных языков¹.

Уже достаточно давно эта проблема и в особенности ее последствия привлекают внимание лингвистов, занимающихся языковым строительством в северных и скандинавских странах², а также терминологов, поскольку они тесно связаны с разработкой терминологий на национальных языках.

¹ *Laurén Ch., Myking J., Picht H. Language and Domains: a Proposal for a Domain Dynamics Taxonomy // LSP & Professional Communication. 2002. Vol. 2 (2). P. 23–30.*

² Дания, Гренландия, Исландия, Норвегия, Швеция, Фарерские острова, Финляндия.

Потеря функциональности является прямым следствием перевода языковых практик научно-педагогических и технических специалистов на иностранный язык. Большинство этих специалистов ведут научные исследования, преподают и пишут на своем языке, а когда наступает момент подготовки к публикации, они, подчас с большим трудом, переводят свои тексты на английский язык. Однако по мере совершенствования знания английского языка и увеличения числа образовательных программ на английском наступает момент, когда терминология на национальном языке перестает передаваться поколению студентов, которое быстро оказывается неспособным формулировать свои знания на своем языке.

Когда язык оказывается в такой ситуации, это свидетельствует о начале его конца. Так случилось, например, со шведским языком, который стал первым национальным европейским языком, потерявшим свой статус универсального языка, т.е. пригодного для использования во всех сферах коммуникации. Уже давно языком специального образования в Швеции является английский язык, и шведы ощущают реальную опасность: «Статус шведского языка не так очевиден, как в прошлом. В некоторых кругах, особенно среди людей с высоким уровнем технического, медицинского и естественно-научного образования, шведский практически заменен английским... Защитники языка опасаются, что в ближайшие годы шведский подвергнется такому же отступлению в других секторах производственной жизни и политики»¹. Если не будут приняты соответствующие меры, шведский присоединится к группе неуниверсальных языков, таких как финский, который стал национальным языком Финляндии только в 1963 г., наравне со шведским. Финские специалисты в области физики, информатики, философии и т.д. пишут свои работы на английском, так же, как раньше они писали их на шведском или немецком, не ощущая неудобства от доминирования английского языка. Финский никогда не был универсальным языком, несмотря на более чем пятисотлетнюю литературную традицию.

Наиболее остро эта проблема проявляется в сферах высшего образования и научных исследований. В области естественных наук 70% учебных занятий проводятся на английском языке, на котором публикуется к тому же 87% научной периодики. Подавляющее большинство учебно-научной литературы издается также на английском языке, в результате чего студентам трудно участвовать в коммуникации на профессиональные темы на шведском языке. Основными источниками тревоги научного сообщества являются следующие: использование учебных пособий, большая часть которых написана

¹ Sydsvenska Dagbladet 19.03.2008. URL: http://www.eurotopics.net/fr/home/presseschau/archiv/archiv_newsletter/NEWSLETTER-2008-03-19 (дата обращения: 30.01.2024).

на английском; лекции, а по некоторым специальностям, например, по медицине, все занятия ведутся на английском; большинство выпускных работ пишутся на английском языке. Практически все докторские диссертации представляются на английском языке, причем для диссертаций, написанных на шведском языке, обязательными являются резюме на английском, а для диссертаций, написанных на английском, резюме на шведском не требуется¹.

За наукой и образованием следует сфера бизнеса, в которой английский все чаще становится рабочим языком в частных компаниях, причем, чем выше занимаемая должность, тем больше стремление к использованию английского языка.

Большая опасность потери функциональности существует в сфере международной политики. Хотя вступление Швеции в Европейский союз в 1995 г. способствовало поднятию престижа шведского языка, он очень редко используется европейскими парламентариями и чиновниками².

Последствия потери функциональности шведского языка в разных областях уже сказываются на населении Швеции. Оно оказывается в ситуации, когда английский де-факто является публичным языком (образование, государственное управление, производственная жизнь), а шведскому остается сфера повседневного домашнего общения. В рамках шведской модели диглоссии высоким языком (НЛ) является английский, а на долю шведского остаются функции низкого языка (ЛЛ).

Такая ситуация, при которой сосуществуют высокий и низкий языки, не является уникальной. Она характерна для многих постколониальных стран, в которых бывший колониальный язык используется в системе образования, в то время как население говорит на другом языке (языках). Опыт таких стран не заслуживает подражания: в целом, для них характерны низкий уровень образования и социальная напряженность.

¹ Pourquoi la langue maternelle est-elle importante? URL: <http://www.2-2.se/fr/11.html> (дата обращения: 16.06.2013).

² В Европейском союзе, несмотря на декларируемое равенство языков всех государств-членов, признается существование так называемых *полуискусственных* (или *возрожденных*) языков (термин, введенный еще Э. Сепиром), к которым относятся национальные языки новых независимых государств, ранее входивших в состав распавшихся империй (Австро-Венгерской, Российской), а после Второй мировой войны оказавшихся в составе СССР или других многонациональных государств, например, Югославии. В силу исторических условий эти языки никогда не выполняли всей совокупности «высоких» функций языка, а в условиях глобализации коммуникацию на этих уровнях обеспечивает английский язык. К этой же группе почему-то относятся украинский и белорусский языки.

По тому же саморазрушительному пути идут и другие языки, например, норвежский, датский, нидерландский и даже немецкий. В Норвегии, например, Совет по норвежскому языку принял план действий по противодействию потере функциональности норвежского языка в сфере образования. Что касается менее распространенных языков, например, лапландского (саамского) или гренландского (эскимосского), там ситуация резко отличается, потому что уже давно многие области были безвозвратно потеряны или даже не существовали вообще.

В такой же ситуации оказываются и такие *сильные языки*, как, например, французский. Потеря функциональности затронула не только такие области, где она проявляется во всех странах (образование, наука и т.п.), но и область, где, казалось, у французского не было конкурентов — спорт. Французский язык является официальным языком 68% из спортивных организаций и федераций. Правило 23 Олимпийской хартии однозначно указывает: «1. Официальными языками МОК являются французский и английский языки... 3. В случае несоответствия текстов Олимпийской хартии и любого другого документа МОК на французском и английском языках текст на французском языке имеет преимущество, если иное не оговорено в письменном виде»¹. Однако статистика устных и письменных переводов, частота использования официальных и рабочих языков в спортивных организациях свидетельствует об откате французского и других официальных языков (немецкий, испанский, русский и арабский). Даже такой вид спорта, как фехтование, родившийся во Франции, и исконная терминология которого создавалась на французском языке, до недавнего времени звучавшем на всех фехтовальных дорожках мира, подвергается сильному давлению англоязычных стран. После введения видеоарбитража арбитры общаются друг с другом на английском, а избрание российского предпринимателя А. Усманова президентом Международной федерации фехтования привело к тому, что английский язык стал языком-посредником Исполкома МФФ² [13]. Символическое использование французского языка в Олимпийском движении является только данью уважения его основателю — французцу Пьеру де Кубертену.

Происходящее обеднение национальных языков может привести к разделению соответствующих обществ на тех, кто владеет английским, и на тех, кто им не владеет. Это представляет прямую

¹ Олимпийская хартия (в действии с 8 июля 2011 г.)// Международный олимпийский комитет. 2010. С. 25.

² *Jaberg S.* Sur le terrain du sport, le français joue sa survie. URL: http://www.swissinfo.ch/fre/Dossiers/LArchipel_francophone/La_politique_en_jeu/Sur_le_terrain_du_sport_le_francais_joue_sa_survie.html?cid=28279262 (дата обращения: 13.11.2023).

угрозу демократии. В качестве единственной меры противодействия расколу общества предлагается развивать сначала частичное, а затем и полное школьное образование на английском языке, чтобы страна не оказалась на задворках глобализованного и конкурентного мира.

Процесс потери функциональности может распространиться на другие языки и государства. В этой ситуации огромная ответственность лежит на руководителях университетов, которые принимают решения, могущие иметь тяжелые последствия, о которых они даже не подозревают, без предварительного демократического обсуждения, в котором могли свободно высказаться все участники процесса. Пока что такое обсуждение не ведется ни в университетах, где руководители, навязывающие использование английского языка, считают, что они находятся на пике прогресса, ни в среде политиков, не отдающих себе отчет в опасности, ни в СМИ¹.

Причины, по которым принимаются решения в пользу английского языка, различны. Две из них лежат на поверхности: это убеждение, что свой национальный язык не имеет будущего, и глобалистский конформизм руководителей. Есть и третья, неназванная причина, заставляющая открывать такие элитистские программы: когда заявляют, что открытие программ на английском языке необходимо для привлечения иностранных студентов, на самом деле хотят создать особые условия для обучения студентов, чьи семьи предусмотрительно вложили средства в их обучение английскому языку, включая, в частности, и зарубежные стажировки.

Это первое поколение элит, получивших высшее образование на английском языке, естественно, захочет передать свои привилегии своим детям. Это приведет к переносу английского, как языка образования, на уровень среднего образования, и во многих странах уже существуют школы, учебный процесс в которых ведется полностью на английском языке.

Наглядным примером двойного подхода, характерного для американской политики, является отношение к многоязычию внутри страны и за ее пределами. В то время как внутри страны происходит радикальный разворот от политики ассимиляции к политике мультикультурализма (от «плавильного котла» к «салатнице»), неотъемлемой частью которого является многоязычие, внешний языковой империализм резко отрицательно относится к мультикультурализму.

¹ Frath P. L'enseignement et la recherche doivent continuer de se faire en français dans les universités francophones. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=perte%20de%20domaine&source=web&cd=155&ved=0CEYQFjAEOJYB&url=http%3A%2F%2Fwww.res-per-nomen.org%2Frespernom-en%2Fpubs%2Fdid%2FDID27-Pfrath-univ-frangl.doc&ei=C5FIUJuLKofh4QTL94HgBg&usg=AFQjCNH8rTUdUiuOt> (дата обращения: 20.06.2023).

Реализуемые в большинстве таких стран политики мультикультурализма становятся объектом критики. Эта критика ведется с двух точек зрения. Первая, философская, утверждает, что мультикультурализм несовместим с базовыми либерально-демократическими принципами. В течение многих лет, особенно в 1980–1990 гг., эта точка зрения была доминирующей в научной литературе. Но с середины 1990-х гг. на смену ей пришел новый эмпирический аргумент против политики мультикультурализма: она не позволяет сохранять сильное государство всеобщего благосостояния (далее — ГВБ)¹, потому что ее применение разрушает межличностное доверие, социальную солидарность и политические коалиции, на которых основано ГВБ.

Часто эти два вида критики — философская и эмпирическая — используются вместе². Так, исследователи, считающие, что мультикультурализм имеет своей основой философский либерализм, также легко соглашаются, что он разрушает ГВБ.

Прилагательное мультикультурный используется в социологическом и демографическом контекстах и относится к обществу с высоким уровнем этнического или расового разнообразия. Общество считается мультикультурным в демографическом смысле, если оно включает расовые или этнические меньшинства, независимо от того, как государство к ним относится. Некоторые исследователи полагают, что демографический мультикультурализм сам по себе представляет угрозу для ГВБ. Он затрудняет достижение и поддержание ГВБ, независимо от того, активно ли поддерживает государство это разнообразие или только терпит его. Считается, что страны с расово однородным населением и принимающие немного иммигрантов легче и быстрее могут построить ГВБ, чем страны с большим демографическим разнообразием.

Рассмотрим основные обвинения, выдвигаемые против результатов применения политики мультикультурализма.

Эффект вытеснения (the crowding out effect). Политика мультикультурализма снижает эффективность перераспределения средств, отвлекая время, энергию и деньги от перераспределения к поддержке мультикультурализма. Люди, которые иначе активно занимались бы перераспределением средств или защитой ГВБ от бюджетных сокра-

¹ Государство всеобщего благосостояния (социальное государство, государство всеобщего благоденствия, нем. *Sozialstaat*; англ. *Welfare state*) — политическая система, перераспределяющая материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_государство (дата обращения: 02.16.2023).

² *Banting K., Kymlicka W. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics & International Affairs. 2006. Vol. 20 (3). P. 281–304.*

щений, вынуждены тратить свое время на решение проблем мультикультурализма. Так, например, студенты Университета штата Калифорния в Лос-Анжелесе упорно боролись против увеличения числа студентов, принадлежащих к меньшинствам. В то же время они оставили практически без внимания большие сокращения бюджета системы образования штата, которые затрудняли студентам из меньшинств учебу в нем. Таким образом, общественная энергия и активность, которые должны были быть направлены на защиту государственного образования, расходовались на склоки с потенциальными союзниками.

Коррозионный эффект (the corroding effect). Политика мультикультурализма мешает перераспределению из-за коррозии доверия и солидарности граждан, а также массовой поддержки перераспределения. Мультикультурализм разрушает солидарность, поскольку он подчеркивает различия между гражданами, а не их сходства. Исторически граждане поддерживали ГВБ и соглашались на жертвы в пользу поддержки своих обездоленных сограждан, потому что они относились к ним как своим, разделяя с ними общую идентичность и чувство единой принадлежности. Мультикультурализм разрушает эту общую идентичность, говоря гражданам, что принадлежность к различным этнокультурным группам важнее чем то, что их объединяет, и что сограждане, принадлежащие к разным группам, разнятся между собой. Признание миноритарных групп в рамках мультикультурализма влечет за собой возникновение исторической обиды за патерналистское и снисходительное отношение доминирующего сообщества, включающее унижения во время школьного обучения, в СМИ и в других больших национальных нарративах. Ощущение обиды ведет к недоверию между членами разных групп и затрудняет создание межэтнических коалиций.

Другой причиной разрушения солидарности является мультикультурализм в форме институциональной сегрегации. Группы, живущие как бы в параллельных мирах, с трудом находят взаимопонимание и формируют привычку к сотрудничеству и доверию.

Соответственно, существуют две концепции мультикультурного образования: первая требует, чтобы все дети обучались по единым программам, включающим информацию обо всех группах, проживающих в данной стране, вторая — создания отдельных школ с разными программами для разных групп. Второй вариант особенно вреден для климата доверия и солидарности.

Эффект ошибочного диагноза (the misdiagnosis effect). Мультикультурализм внушает людям неправильное представление о проблемах, с которыми сталкиваются меньшинства. Они начинают думать, что проблемы миноритарных групп коренятся, прежде всего, в непризнании их *культур*, и что их решение лежит на пути госу-

дарственного признания этнических идентичностей и культурных практик. На практике такие решения не дают большого результата, потому что корни настоящих проблем лежат гораздо глубже.

Этот эффект проявляется в двух вариантах: в первом утверждается, что акцент на культурных различиях отвлекает внимание от расовых различий, которые являются основной проблемой, стоящей перед такими группами, как афроамериканцы: «Расисты презирают не культуру черных, а самих черных. Не конфликт между черной и белой культурами является источником расовых конфликтов. Сумма знаний об архитектурных памятниках Нубии не гарантирует уважения к афроамериканцам... Культура — это не проблема, и это не решение проблемы»¹.

Во втором варианте говорится о том, что акцент на расовых и этнических различиях отвлекает внимание от классовой принадлежности. Реальной проблемой является не непризнание культуры, а экономическая маргинализация, а ее решением — не проведение политики мультикультурализма, а улучшение положения данной группы на рынке труда, расширение доступа к хорошо оплачиваемой работе, образование и т.д. Мультикультурный подход создает у людей впечатление, что плохо оплачиваемые пакистанские иммигранты в Великобритании нуждаются в том, чтобы их культура, религия, одежда получили более высокий социальный статус, в то время как в реальности они нуждаются в приличном жилье, образовании и хорошо оплачиваемой работе. Эту потребность вместе с ними разделяют обездоленные члены других этнических групп, и она может быть удовлетворена, только если в обществе возникнет классовый межэтнический союз.

Оба варианта этого эффекта сходятся на том, что политика мультикультурализма не только отвлекает энергию от насущных расовых и классовых проблем, но и мешает народам понять причины их страданий, поскольку она не принимает во внимание реальный расизм и классовое неравенство. Маккиавелистская версия этого эффекта гласит, что правые политики и экономические элиты проводят политику мультикультурализма именно для того, чтобы отвлечь людей от расизма и экономической маргинализации².

¹ *Barry B.* Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001. 416 p.

² *Banting K., Kymlicka W.* Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // *Ethics & International Affairs*. 2006. Vol. 20 (3). P. 281-304.

Заключение

Анализ возникновения и развития языковых идеологий показывает явную преемственность между традиционными европейскими языковыми идеологиями, создававшимися начиная с XVI в. и связанными с формированием идеологии эпохи модерна, и постмодерновыми американскими языковыми идеологиями, якобы возникшими на чисто американской почве благодаря исследованиям американских ученых. Существует даже конкретное лицо, послужившее своеобразным мостиком между этими двумя идеологическими течениями — американский антрополог Франц Боас, немецкий еврей, получивший образование в Европе и иммигрировавший в США, где он стал основоположником нового междисциплинарного направления в науке — лингвистической антропологии.

Благодаря Боасу, идеи, заложенные крупнейшими европейскими идеологами эпохи модерна, Фр. Бэконом, Дж. Локком, И.Г. Гердером и братьями Я. и В. Гримм, получили вторую, постмодерновую жизнь применительно к новым историческим, политическим и социальным условиям. Это относится в первую очередь к примордиальному единству языка, нации и государства, к признанию доминирования стандартного языка и неприятия нестандартных вариантов, к сохранению доминирования властных социальных групп, что послужило базой для формирования американской языковой идеологии, интегрировавшей проблемы языка и расовой идентичности, и американского языкового империализма (как внутреннего, так и внешнего), основанного на идее об универсализме английского языка.

Историографический анализ языковых идеологий свидетельствует не столько об их производстве, сколько о постоянном воспроизводстве. Это не удивительно, поскольку конфликты и споры вокруг одних и тех же проблем, связанных с языком, воспроизводятся в разных странах в разных исторических и социальных условиях. Так, если рассматривать роль языковых идеологий в формировании социальных идентичностей (включая этническую, гендерную, автохтонную и национальную), видно, что языки в разных странах и в разные эпохи используются для определения границ между социальными группами, что четко просматривается, например, в истории американских переписей.

Стандартизация национальных языков, декларируемой целью которой обычно является повышение эффективности коммуникации, ведет к распространению идеологии стандартного языка. Борьба американцев с миноритарными этнолектами ведет к появлению норм, которые создают языковые иерархии, в результате которых формы речи, отклоняющиеся от стандартных норм, вместе со своими носи-

телями, считаются неполноценными. Идеология стандартного языка приводит к нормативному моноязычию, утверждающему, что моноязычие на стандартном языке является оптимальным представлением для идеального национального государства. Последствием этой эксклюзивной идеологии становится стигматизация миноритарных вариантов языка (афроамериканского, чиканского и т.д.). Другим последствием является языковой пуризм, при котором носители стараются избегать заимствований из других языков, чтобы не запятнать стандартный вариант нестандартными и тем самым неполноценными языковыми формами.

Продолжая идеи Локка, американцы уделяют большое внимание системе образования, постоянно изменяя свое образовательное законодательство в сфере обучения языкам, согласуя его с меняющимися целями и задачами иммиграционной и национальной политики.

Содержание нашей работы служит еще одним подтверждением факта, что в триаде «языковая идеология → языковая политика → языковое строительство» целеполагающей является языковая идеология.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М.М. Бахтин // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
2. *Богданов С.И.* Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков) [Текст] / С.И. Богданов, М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. — 304 с.
3. *Бурдьё П.* Различение: социальная критика суждения [Текст] / П. Бурдьё; пер. с фр. О.И. Кирчик // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 680 с.
4. *Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин).* Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке [Текст] / В.Н. Волошинов (Бахтин М.М.); коммент. В. Махлина. — М.: Лабиринт, 1993. — 189 с.
5. *Грамши А.* Тюремные тетради [Электронный ресурс] / А. Грамши. — URL: https://civisbook.ru/files/File/Gramshi_tetrad.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
6. *Мазуркевич А.* От эпистемы к эпистеме. «Археологический подход» Мишеля Фуко [Электронный ресурс] / А. Мазуркевич. — URL: <https://concepture.club/post/filosofskie-koncepcii-istoricheskogo-processa/statja-5-ot-epistemy-kepisteme-arheologicheskij-podhod-mishelja-fuko> (дата обращения: 06.11.2023).
7. *Марусенко М.А.* Внутренний языковой империализм США: от «плавильного котла» к «салатнице» [Текст] / М.А. Марусенко // *США & Канада: экономика, политика, культура*. — 2013. — № 10. — С. 46–62.
8. *Марусенко М.А.* Франкофония Северной Америки. Т. 1–2 [Текст] / М.А. Марусенко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 2008.
9. *Марусенко М.А.* Языковая политика Франции [Текст] / М.А. Марусенко. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. — 624 с.
10. *Марусенко М.А.* Образовательная языковая политика в современном мире. Т. 1. Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики [Текст] / М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 387 с.
11. *Марусенко М.А.* Образовательная языковая политика в современном мире. Т. 2. Двухязычное обучение [Текст] / М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 330 с.
12. *Марусенко М.А.* Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии [Текст] / М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко // *США & Канада: экономика, политика, культура*. — 2021. — № 51(12). — С. 61–75.
13. Олимпийская хартия (в действии с 8 июля 2011 г.) [Текст] // Международный олимпийский комитет. — 2010. — 58 с.

14. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре [Текст] / У. Эко. — СПб.: Alexandria, 2007. — 423 с.
15. 2010 U.S. Census Sample Form [Electronic resource]. — URL: <http://www.censusquestions.com/us-census-form.html> (дата обращения: 19.01.2024).
16. Adams J. Proposal for an American Language Academy [Electronic resource] / J. Adams. — URL: www.tlfiq.ulaval.ca/axl/amnord/USA-Adams-anglais.htm (дата обращения: 21.11.2023).
17. African American English and Chicano English [Electronic resource]. — URL: <https://ndla.no/en/subject:1:c8d6ed8b-d376-4c7b-b73a-3a1d48c3a357/topic:59a2daf8-db7f-4f47-8160-551f9d9c582c/resource:5b4fc826-5bb4-455e-b6a7-9856759590a3> (дата обращения: 06.12.2023).
18. Alim H.S. You Know My Steez: An Ethnographic and Sociolinguistic Study of Style shifting in a Black American Speech Community [Text] / H.S. Alim. — Durham: Duke University Press, 2004. — 309 p.
19. Alim H.S. Articulate while Black: Barack Obama, language, and race in the U.S. [Text] / H.S. Alim, G. Smitherman. — N.Y.: Oxford University Press, 2012. — 32 p.
20. Alim H.S. Obama's English [Text] / H.S. Alim, G. Smitherman // The New York Times. — Sept. 8, 2012.
21. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [Text] / B. Anderson. — Revised edition. — London: Verso, 1991. — 224 p.
22. Ansaldo U. Contact Languages. Ecology and Evolution in Asia [Text] / U. Ansaldo. — Cambridge University Press, 2009. — 257 p.
23. Anti-Lynching Bill [Electronic resource]. — URL: <https://documents.alexanderstreet.com/d/1002913442> (дата обращения: 10.12.2023).
24. Augoustinos M. 'Too Black or not Black enough': Social identity complexity in political rhetoric of Barack Obama [Text] / M. Augoustinos, S. De Garis // European Journal of Social Psychology. — 2012. — Vol. 42. — P. 564–577.
25. Bacon F. De augmentis scientiarum [Text] / F. Bacon // The Works of Francis Bacon. — Cambridge University Press, 2011. — P. 413–414.
26. Bacon F. Novum Organum [Text] / F. Bacon. — Bottom of the Hill Publishing, 2012. — 166 p.
27. Banting K. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State [Text] / K. Banting, W. Kymlicka // Ethics & International Affairs. — 2006. — Vol. 20 (3). — P. 281–304.
28. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism [Text] / B. Barry. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 416 p.
29. Barry E. Learn English, judge tells moms [Electronic resource] / E. Barry // Los Angeles Times. — 14 febr. 2005. — URL: <http://articles.latimes.com/2005/feb/14/nation/naenglish14> (дата обращения: 16.02.2024).
30. Baumann R. Voices of Modernity Language Ideologies and the Politics of Inequality [Text] / R. Baumann, C.L. Briggs. — Cambridge University Press, 2003. — 374 p.

31. *Bernstein B.* Class, codes and control. Vol. 1 — Theoretical studies towards a sociology of language [Text] / B. Bernstein. — London: Routledge & Kegan Paul, 1971. — 238 p.
32. *Blackall E.* The Emergence of German as a Literary Language, 1700–1775 [Text] / E. Blackall. — Ithaca: Cornell University Press, 1978. — 552 p.
33. *Boas F.* Anthropology and Modern Life [Text] / F. Boas. — London: Routledge, 2021. — 226 p.
34. *Boas F.* Handbook of American Indian Languages [Text] / F. Boas. — Cambridge University Press, 2013. — 570 p.
35. *Boas F.* On Alternating Sounds [Text] / F. Boas // American Anthropologist. — 1889. — Vol. 2. — P. 47–53.
36. *Boas F.* Primitive Art [Text] / F. Boas. — Dover Publications, 1955. — 372 p.
37. *Boas F.* Race and Democratic Society [Text] / F. Boas. — New York: J.J. Augustin, 1945. — 219 p.
38. *Boas F.* The Educational Functions of Anthropological Museums [Text] / F. Boas; ed. G.W. Stocking // A Franz Boas Reader. — New York: Basic Books, 1992. — P. 297–300.
39. *Boas F.* The Mind of Primitive Man [Text] / F. Boas. — Macritchie Press, 2008. — 300 p.
40. *Bonfiglio P.T.* Race and the Rise of Standard American [Text] / P.T. Bonfiglio. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. — 258 p.
41. *Bourdieu P.* Language and symbolic power [Text] / P. Bourdieu. — Cambridge: Polity, 1992. — 320 p.
42. British Council. Press pack for English 2000 project [Text]. — British Council, 2000. — S/p.
43. *Burchfield R.W.* The English Language [Text] / R.W. Burchfield. — Oxford: Oxford University Press, 1985. — 194 p.
44. *Burrow A.L.* Racial identity as a moderator of daily exposure and reactivity to racial discrimination [Text] / A.L. Burrow, A.D. Ong // Self & Identity. — 2010. — № 9. — P. 383–402.
45. *Cameron C.D.R.* How the García cousins lost their accents: Understanding the language of Title VII decisions approving English only rules as the product of racial dualism, Latino invisibility, and legal indeterminacy [Text] / C.D.R. Cameron // California Law Review. — 1997. — № 85. — P. 1347–1393.
46. *Cavanaugh J.* Living Memory: The Social Aesthetics of Language in a Northern Italian Town [Text] / J. Cavanaugh. — Malden, MA: Wiley Blackwell, 2009. — 272 p.
47. *Chakrabarty D.* Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for Indian Pasts? [Text] / D. Chakrabarty // Representations. — 1992. — Vol. 37. — P. 1–26.
48. *Chambers R.* Vestiges of the Natural History of Creation [Text] / R. Chambers. — London; Edinburgh: W. & R. Chambers, 1884. — 400 p.
49. *Chatterjee P.* The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories [Text] / P. Chatterjee. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. — 296 p.
50. *Clark H.H.* Referring as a collaborative process [Text] / H.H. Clark, D. Wilkes-Gibbs // Cognition. — 1986. — Vol. 22. — P. 1–39.

51. *Clinton B.* The United States: a Nation of Diversity and Promise [Electronic resource] / B. Clinton. — URL: www.4uth.gov.ua/usa/english/society/ijs0699/clin.htm (дата обращения: 13.12.2023).
52. *Crawford J.* Loose ends in a tattered fabric: The inconsistency of language rights in the United States [Text] / J. Crawford // *Advocating for English learners: Selected essays.* — Bristol: Multilingual Matters, 2008. — 27 p.
53. *Crystal D.* English as a Global Language [Text] / D. Crystal. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 212 p.
54. *Curry-Stevens A.* The Slavic Community in Multnomah County: An Unsettling Profile [Text] / A. Curry-Stevens & Coalition of Communities of Color. — Portland, OR: Portland State University, 2014. — 87 p.
55. *Cutler S.* A trait-based approach to national origin discrimination [Text] / S. Cutler // *Yale Law Journal.* — 1985. — № 94. — P. 1164–1181.
56. *Derrida J.* De la grammatologie [Text] / J. Derrida. — Paris: Les Editions de Minuit, 1967. — 450 p.
57. *Dick H.P.* Making immigrants illegal in small-town U.S.A. [Text] / H.P. Dick // *Journal of Linguistic Anthropology.* — 2011. — № 21. — P. 35–55.
58. *DiGiacomo S.M.* Language ideological debates in an Olympic city: Barcelona 1992–1996 [Text] / S.M. DiGiacomo; ed. J. Blommaert // *Language Ideological Debates.* — Mouton de Gruyter, 1999. — P. 105–142.
59. *Dorian N.* Western Language Ideologies and Small Language Prospects [Text] / N. Dorian; ed. L. Grenoble, L. Whaley // *Endangered Languages.* — Cambridge University Press, 1998. — P. 3–21.
60. *Durand Ch.-X.* Le français, une langue pour la science (I à VIII) [Electronic resource] / Ch.-X. Durand. — URL: http://www.voxlatina.com/vox_dsp2.php3?art=831 (дата обращения: 20.05.2023).
61. Education in a multilingual world [Electronic resource]. — Paris: UNESCO, 2003. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000129728> (дата обращения: 26.12.2023).
62. *El Tibi Z.* Face à la globalisation, le salut des cultures passe par la souveraineté des nations [Electronic resource] / Z. El Tibi // *La revue du Liban.* — URL: <http://www.rdl.com.lb/2009/q1/4190/index.html30.6.01> (дата обращения: 13.05.2023).
63. *Enfield N.J.* Linguistic epidemiology: Semantics and grammar of language contact in mainland Southeast Asia [Text] / N.J. Enfield. — London: Routledge Curzon, 2003. — 416 p.
64. Ethnologue. Languages of the World [Electronic resource]. — URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 19.12.2023).
65. *Fairclough N.* Language and power [Text] / N. Fairclough. — 3rd ed. — London: Routledge, 2014. — 274 p.
66. *Foucault M.* The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences [Text] / M. Foucault. — New York: Psychology Press, 2002. — 422 p.
67. *Fowler H.W.* Pocket Fowler's Modern English Usage [Text] / H.W. Fowler, R.E. Allen; ed. R.E. Allen. — Oxford University Press, 1999. — 634 p.
68. *Frath P.* L'enseignement et la recherche doivent continuer de se faire en français dans les universités francophones [Electronic resource] / P. Frath. — URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rect=j&q=perte%20>

- de%20domaine&source=web&cd=155&ved=0CEYQFjAEOJYB&url=ht
tp%3A%2F%2Fwww.res-per-nomen.org%2Frespernomen%2Fpubs%2Fdi
d%2FDID27-Pfrath-univ-frangl.doc&ei=C5FIUJuLKofh4QTL94HgBg
&usg=AFQjCNH8rTUdUiuOt (дата обращения: 20.06.2023).
69. *Fuller J.* Spanish speakers in the US [Text] / J. Fuller. — Bristol: Multilingual Matters, 2012. — 200 p.
 70. *Gal S.* Contradictions of standard language in Europe; Implications for practices and publics [Text] / S. Gal // *Social Anthropology*. — 2006. — Vol. 14 (2). — P. 163–181.
 71. *Galloway N.* Introducing global Englishes [Text] / N. Galloway, H. Rose. — Abingdon: Routledge, 2015. — 312 p.
 72. *Gans J.* Vivek Ramaswamy argues Obama's race remarks are part of 'toxic' ideology [Text] / J. Gans // *The Hill*. — 06.17.2023.
 73. *García O.* Bilingual education in the twenty-first century: A global perspective [Text] / O. García. — West Sussex, UK: John Wiley & Sons, 2009. — 481 p.
 74. *Gibson C.* Historical Census Statistics on Population Totals By Race, 1790 to 1990, and By Hispanic Origin, 1970 to 1990, For The United States, Regions, Divisions, and States [Electronic resource] / C. Gibson, K. Jung // *Working Paper Series № 56*. — Washington, DC: US Census Bureau, 2002. — URL: <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0056.html> (дата обращения: 04.01.2024).
 75. *Gold S.J.* Immigration Benefits America [Text] / S.J. Gold // *Springer Science & Business Media*. — 2009. — Vol. 46. — P. 408–411.
 76. *Grant M.* The passing of the great race; or, The racial basis of European history [Text] / M. Grant. — 4th rev. ed., with a documentary supplement, with prefaces by Henry Fairfield Osborn. — New York: Scribner, 1922. — 455 p.
 77. *Grimm J.* On the Origin of Language [Text] / J. Grimm; trans. A. Raymond Wiley. — Leiden: E. Brill, 1984. — 48 p.
 78. *Grimm J.* Foreword [Text] / J. Grimm, W. Grimm; ed. D. Ward // *The German Legends of the Brothers Grimm. Vol. I*. — Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1981. — P. 1–11.
 79. *Haeringen C.B., van.* Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak [Text] / C.B. Haeringen, van // *De Nieuwe Taalgids*. — 1924. — № 18. — P. 65–86.
 80. *Hansen R.J.* Trump, Pence in Arizona: Dueling appearances as primary election nears [Text] / R.J. Hansen // *Arizona Republic*. — July 23, 2022.
 81. *Haque E.* Multiculturalism With in a Bilingual Framework: Language, Race, and Belonging in Canada [Text] / E. Haque. — Toronto: University of Toronto Press, 2012. — 309 p.
 82. *Harvey D.* The new imperialism [Text] / D. Harvey. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 288 p.
 83. *Herder J.G.* Sämtliche Werke [Text] / J.G. Herder; ed. B. Suphan. — Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967. — Vol. 33.
 84. *Herder J.G., von.* Treatise on the Origin of Language [Text] / J.G. Herder, von // *Philosophical Writings*. — Cambridge University Press, 2002. — P. 65–164.

85. *Hernandez S.J.* Are they all language learners? Educational labeling and raciolinguistic identifying in a California middle school dual language program [Text] / S.J. Hernandez // *Catesol Journal*. — 2017. — Vol. 29 (1). — P. 133–154.
86. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La colonisation européenne (XVIe – XVIIIe siècles) [Electronic resource]. — URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-2histoire.htm (дата обращения: 04.12.2023).
87. Histoire sociolinguistique des États-Unis: l'Amérique multiculturelle (de 1960 jusqu'à aujourd'hui) [Electronic resource]. — URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-7histoire.htm (дата обращения: 08.12.2023).
88. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La révolution américaine (1776–1783) [Electronic resource]. — URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/amnord/usa_6-3histoire.htm (дата обращения: 18.12.2023).
89. Histoire sociolinguistique des États-Unis. La superpuissance et l'expansion de l'anglais [Electronic resource]. — URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/usa_6-8histoire.htm (дата обращения: 02.12.2023).
90. *Hobbes T.* The Leviathan [Text] / T. Hobbes. — Create Space Independent Publishing Platform, 2011. — 118 p.
91. *Hobsbawm E.J.* Les enjeux du XXe siècle, entretien avec Antonio Polito [Text] / T.J. Hobsbawm. — Bruxelles: Editions Complexe, 2000. — 199 p.
92. Hou v. Pennsylvania Department of Education [Text]. — Federal Supplement. — 1983. — № 573. — P. 1539–1549.
93. *Hunt K.* Gingrich: Bilingual classes teach 'ghetto' language [Electronic resource] / K. Hunt // The Washington Post. — 31 March 2007. — URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/03/31/> (дата обращения: 17.02.2024).
94. *Hymes D.H.* Essays in the History of Linguistic Anthropology [Text] / D.H. Hymes. — Amsterdam: John Benjamins, 1983. — 406 p.
95. Internet Word Stats. Usage and Populations Stats [Electronic resource]. — URL: <http://www.internetworldstats.com/> (дата обращения: 18.05.2023).
96. *Irvine J.T.* When talk isn't cheap: Language and political economy [Text] / J.T. Irvine // *American Ethnologist*. — 1989. — Vol. 16. — P. 248–267.
97. *Irvine J.* Language ideology and linguistic differentiation [Text] / J. Irvine, S. Gal; ed. P.V. Kroskrity // *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*. — Santa Fe: School of American Research Press, 2000. — P. 35–83.
98. *Jaberg S.* Sur le terrain du sport, le français joue sa survie [Electronic resource] / S. Jaberg. — URL: http://www.swissinfo.ch/fre/Dossiers/LArchipel_francophone/La_politique_en_jeu/Sur_le_terrain_du_sport_le_francais_joue_sa_survie.html?cid=28279262 (дата обращения: 13.11.2023).
99. *Jacobson M.F.* Whiteness of a Different Color: European Immigrants and the Alchemy of Race [Text] / M.F. Jacobson. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. — 338 p.
100. *Jacobson R.* Closing Statement: Linguistics and Poetics [Text] / R. Jacobson; ed. T.A. Sebeok // *Style in Language*. — Cambridge, MA: MIT Press, 1960. — P. 350–377.

101. *Jakobson R.* Franz Boas' Approach to Language [Text] / R. Jakobson // International Journal of American Linguistics. — 1944. — Vol. 10 (4). — P. 188–195.
102. Joe Biden's policies on immigration issues [Electronic resource]. — URL: <https://www.isidewith.com/candidates/joe-biden-2/policies/immigration> (дата обращения: 14.01.2024).
103. *Jespersen O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view [Text] / O. Jespersen. — Oslo: H. Aschehoug & Co, 1925. — 221 p.
104. *Kamali S.* White nationalism is a political ideology that mainstreams racist conspiracy theories [Electronic resource] / S. Kamali. — URL: <https://theconversation.com/whitenationalism-is-a-political-ideology-that-mainstreams-racist-conspiracytheories-184375> (дата обращения: 14.01.2024).
105. *Kant I.* Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose [Text] / I. Kant; ed. H. Reiss; trans. H.B. Nisbet // Kant: Political Writings. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [1784]. — P. 41–53.
106. *Kant I.* Perpetual Peace: A Philosophical Sketch [Text] / I. Kant; ed. H. Reiss; trans. H.B. Nisbet // Kant: Political Writings. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [1795]. — P. 93–130.
107. *Keller E.F.* Reflections on Gender and Science [Text] / E.F. Keller. — New Haven, CT: Yale University Press, 1985. — 212 p.
108. *Kilpatrick J.J.* Papers, 1925–1966. University of Virginia Library, Charlottesville, Va, 1999 [Electronic resource] / J.J. Kilpatrick. — URL: <http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml> (дата обращения: 08.12.2013).
109. *Kirkpatrick A.* World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching [Text] / A. Kirkpatrick. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 257 p.
110. *Koetsier J.* 222 years of the U.S. Census: paper to punch cards, UNIVAC to CD-ROM ... to web? [Electronic resource] / J. Koetsier. — URL: <https://venturebeat.com/2012/07/03/222-years-of-census/> (дата обращения: 19.01.2024).
111. *Kiroglu S.* Trump's use of Mock Spanish. How does our president use the Spanish language to divide society and further his agenda? [Electronic resource] / S. Kiroglu, S. Bartolo, N. Carranza. — URL: <https://www.colorado.edu/linguistics/2020/04/22/trumps-use-mock-spanish> (дата обращения: 16.01.2024).
112. *Kominski R.* How good is 'how well'? An examination of the census English speaking ability question [Text] / R. Kominski // American Statistical Association 1989 proceedings of the Social Statistics Section. — 1989. — P. 333–338.
113. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment — America and the World 1990 [Electronic resource] / Ch. Krauthammer // Foreign Affairs, Winter 1990/1991. — Vol. 70. — № 1. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment> (дата обращения: 22.11.2023).
114. *Kroskrity P.V.* Language ideologies [Text] / P.V. Kroskrity; ed. A. Duranti // A companion to linguistic anthropology. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2004. — P. 496–517.

115. *Kroskrity P.V.* Language Ideologies [Text] / P.V. Kroskrity // Handbook of Pragmatics. — 2010. — Vol. 14. — P. 1–24.
116. *Kroskrity P.V.* Language ideologies: Evolving perspectives [Electronic resource] / P.V. Kroskrity. — P. 192–211. — URL: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives (дата обращения: 12.12.2023).
117. *Kroskrity P.V.* Regimenting Languages [Text] / P.V. Kroskrity; ed. P. Kroskrity // Regimes of language: Ideologies, politics, and identities (School of American Research Advanced Seminar Series). — Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, 2000. — P. 1–34.
118. *Labov W.* The Logic of Non-Standard English [Text] / W. Labov // Monographs on Language and Linguistics. — Georgetown, 1969. — Vol. 22. — P. 1–33.
119. *Laslett P.* Introduction [Text] / P. Laslett; ed. P. Laslett // Two Treatises of Government by John Locke. — Cambridge: Cambridge University Press, 1960. — P. 15–135.
120. *Latour B.* We Have Never Been Modern [Text] / B. Latour; trans. by C. Porter. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. — 168 p.
121. *Laurén Ch.* Language and Domains: a Proposal for a Domain Dynamics Taxonomy [Text] / Ch. Laurén, J. Myking, H. Picht // LSP & Professional Communication. — 2002. — Vol. 2 (2). — P. 23–30.
122. *Leeman J.* It's all about English: the interplay of monolingual ideologies, language policies and the U.S. Census Bureau's statistics on multilingualism [Text] / J. Leeman // International Journal of the Sociology of Language. — 2018. — № 252. — P. 21–43.
123. *Leeman J.* Racializing language: A history of linguistic ideologies in the U.S. Census [Text] / J. Leeman // Journal of Language and Politics. — 2004. — № 3. — P. 507–534.
124. *Lin A.* Special Issue Introduction: Coloniality, postcoloniality, and TESOL... Can a spider weave its way out of the web that it is being woven into just as it weaves? [Text] / A. Lin, A. Luke // Critical Inquiry in Language Studies. — 2006. — Vol. 3 (2 & 3). — P. 65–73.
125. *Lippy-Green R.* Accent, Standard Language Ideology, and Discriminatory Pretext in the Courts Author(s) [Text] / R. Lippy-Green // Language in Society. — 1994. — Vol. 23 (2). — P. 163–198.
126. *Lippy-Green R.* English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States [Text] / R. Lippy-Green. — 2nd ed. — London; New York: Routledge, 2012. — 384 p.
127. *Lippy-Green R.* Language subordination [Text] / R. Lippy-Green. — Amsterdam: StudeerSnel, 2023. — P. 67–77.
128. *Lippy-Green R.* The standard language myth [Text] / R. Lippy-Green // *Lippy-Green R.* English with an accent. — Routledge, 2011. — P. 55–65.
129. *Liss J.E.* The Cosmopolitan Imagination: Franz Boas and the Development of American Anthropology [Text] / J.E. Liss // Unpublished Ph.D. dissertation. — University of California, Berkeley, 1990. — 392 p.
130. *Locke J.* An Essay Concerning Humane Understanding [Text] / J. Locke. — Penguin Classics, 1998. — 816 p.

131. *Locke J.* Some Thoughts Concerning Education and of the Conduct of the Understanding [Text] / J. Locke. — Hackett Publishing Company, Inc., 1996. — 227 p.
132. *Locke J.* The Reasonableness of Christianity, as Delivered in the Scriptures [Text] / J. Locke. — Clarendon Press, 2000. — 408 p.
133. *Locke J.* Two Treatises of Government [Text] / J. Locke. — Cambridge University Press, 1988. — 464 p.
134. *Martínez G.A.* Public health and the politics of Spanish in early twentieth-century Texas [Text] / G.A. Martínez; ed. J. Del Valle // A political history of Spanish: The making of a language. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — P. 293–304.
135. *Matsuda M.J.* Voice of America: Accent, antidiscrimination law, and a jurisprudence for the last reconstruction [Text] / M.J. Matsuda // Yale Law Journal. — 1991. — № 100. — P. 1329–1407.
136. *Mazrui A.* The World Bank, the language question and the future of African education [Text] / A. Mazrui // Race and Class. — 1997. — Vol. 38 (3). — P. 35–48.
137. *McKay S.L.* Researching second language classrooms [Text] / S.L. McKay. — Routledge, 2006. — 194 p.
138. *Michaelis-Jena R.* The Brothers Grimm [Text] / R. Michaelis-Jena. — London: Routledge and Kegan Paul, 1970. — 224 p.
139. *Milani T.M.* CDA and language ideology: Towards a reflexive approach to discourse data [Text] / T.M. Milani, S. Johnson; eds. I.H. Warnke, J. Spitzmuller // Methoden der Diskurslinguistik Sprachwissenschaftliche Zugaenge zur transtextuellen Ebene. — Mouton de Gruyter, 2008. — P. 361–84.
140. *Mora G.C.* Making Hispanics: How activists, bureaucrats, and media constructed a new American [Text] / G.C. Mora. — Chicago: University of Chicago Press, 2014. — 256 p.
141. *Morton H.V.* Atlantic meeting [Text] / H.V. Morton. — London: Methuen Publishing Limited, 2016. — 197 p.
142. *Nobles M.* Racial categorization and censuses [Text] / M. Nobles; eds. D.I. Kertzer, D. Arel // Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 43–70.
143. *Nordquist R.* The Meaning of Linguistic Imperialism and How It Can Affect Society [Electronic resource] / R. Norquist // ThoughtCo. — Aug. 28, 2020. — URL: [thoughtco.com/what-is-linguistic-imperialism-1691126](https://www.thoughtco.com/what-is-linguistic-imperialism-1691126) (дата обращения: 18.12.2023).
144. *Obama B.* Floor Statement of Senator Barack Obama on Immigration Reform [Electronic resource] / B. Obama. — URL: https://en.wikisource.org/wiki/Floor_Statement_of_Senator_Barack_Obama_on_Immigration_Reform (дата обращения: 13.01.2024).
145. *Obama B.* Remarks by the President in Address to the Nation on Immigration [Electronic resource] / B. Obama. — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-pressoffice/2014/11/20/remarks-President-address-nation-immigration> (дата обращения: 13.01.2024).
146. *Obama B.* The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream [Text] / B. Obama. — Reprint edition. — Vintage, 2008. — 464 p.

147. *Ostler N.* The Last Lingua Franca. English Until the Return of Babel [Text] / N. Ostler. — London: Penguin (Allen Lane), 2010. — 352 p.
148. *Parijs P., van.* Europe's linguistic challenge [Text] / P. Parijs, van // Archives Européennes de Sociologie. — 2004. — Vol. XLV (1). — P. 113–154.
149. *Pavlenko A.* «We have room but for one language here»: Language and national identity at the turn of the 20th century [Text] / A. Pavlenko // Multilingua. — 2002. — № 21. — P. 163–196.
150. *Phillipson R.* Imperialism and colonialism [Text] / R. Phillipson; ed. B. Spolsky // The Cambridge Handbook of Language Policy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — P. 203–235.
151. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism [Text] / R. Phillipson. — Oxford: Oxford University Press, 1992. — 190 p.
152. *Phillipson R.* Linguistic imperialism continued [Text] / R. Phillipson. — New York; London: Routledge, 2009. — 289 p.
153. *Phillipson R.* Native speakers in linguistic imperialism [Electronic resource] / R. Phillipson. — URL: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2016/12/14-3-4.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).
154. *Phillipson R.* The linguistic imperialism of neoliberal empire [Text] / R. Phillipson // Critical Inquiry in Language Studies. — 2008. — Vol. 5 (1). — P. 1–43.
155. *Phillipson R.* Realities and Myths of Linguistic Imperialism [Text] / R. Phillipson // Journal of Multilingual and Multicultural Development. — 1997. — Vol. 18 (3). — P. 238–248.
156. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism and Endangered Languages [Text] / R. Phillipson, T. Skuttnab-Kangas; eds. T.K. Bhatia, W.C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism. — 2nd ed. — Wiley-Blackwell, MA: WileyBlackwell, 2013. — P. 495–516.
157. *Pollock S.* Cosmopolitan and Vernacular in History [Text] / S. Pollock // Public Culture. — 2000. — Vol. 12 (3). — P. 591–625.
158. *Ravindranath M.* Sociolinguistic variation and language contact [Text] / M. Ravindranath // Language and Linguistics Compass. — 2015. — Vol. 9 (6). — P. 243–255.
159. *Richards I.A.* So much nearer. Essays toward a world English [Text] / I.A. Richards. — New York: Harcourt: Brace & World, 1968. — 274 p.
160. *Richards J.* Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics [Text] / J. Richards, R. Schmidt. — 4th ed. — London: Pearson, 2010. — 595 p.
161. *Richland J.B.* Arguing With Tradition: the Language of Law in Hopi Tribal Court [Text] / J.B. Richland. — University of Chicago Press, 2008. — 176 p.
162. *Rickforf J.R.* What is Ebonics (African American English)? [Electronic resource] / J.R. Rickforf. — URL: <https://www.linguisticsociety.org/content/what-ebonics-africanamerican-english> (дата обращения: 04.12.2023).
163. *Ricoeur P.* The Course of Recognition [Text] / P. Ricoeur; trans. D. Pellauer. — Harvard University Press, 2005. — 320 p.

164. *Rodríguez C.* Changing Race: Latinos, the Census, and the History of Ethnicity in the United States [Text] / C. Rodríguez. — New York: New York University Press, 2000. — 283 p.
165. *Rodríguez I.* The role of linguistic ideologies in language contact situations [Text] / I. Rodríguez // Language and Linguistics Compass. — 2019. — Vol. 13 (1). — P. 1–26.
166. *Rosa J.D.* Language ideologies [Text] / J.D. Rosa, C. Burdick; eds. O. García, N. Flores, M. Spotti // The Oxford Handbook of Language and Society. — New York: Oxford Univ. Press, 2016. — P. 103–124.
167. *Rothkopf D.* In praise of cultural imperialism [Text] / D. Rothkopf // Foreign policy. — 1997. — June 22. — P. 38–53.
168. *Rutten G.* Standardization and the myth of neutrality in language history [Text] / G. Rutten // International Journal of the Sociology of Language. — 2016. — № 242. — P. 25–57.
169. *Sato C.J.* Sociolinguistic variation and language attitudes in Hawaii [Text] / C.J. Sato; ed. J. Cheshire // English around the world: Sociolinguistic perspectives. — Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1991. — P. 647–663.
170. *Schieffelin B.B.* Language Ideologies: Practice and Theory [Text] / B.B. Schieffelin, K.A. Woolard, P.V. Kroskrity. — Oxford University Press, 1998. — 352 p.
171. *Shapin S.* A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth century England [Text] / S. Schapin. — Chicago: University of Chicago Press, 1995. — 512 p.
172. *Sidnell J.* African American Vernacular English (Ebonics) [Electronic resource] / J. Sidnell. — URL: <https://www.hawaii.edu/satocenter/langnet/index.html> (дата обращения: 05.12.2023).
173. *Silverstein M.* Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life [Text] / M. Silverstein // Language & Communication. — 2003. — Vol. 23. — P. 193–229.
174. *Silverstein M.* Language and the Culture of Gender: At the Intersection of Structure, Usage and Ideology [Text] / M. Silverstein; eds. E. Mertz, R. Parmentier // Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives. — Orlando: Academic Press, 1985. — P. 219–259.
175. *Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology [Text] / M. Silverstein; eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer // The Elements. — Chicago Linguistics Society, 1979. — P. 193–248.
176. *Silverstein M.* Monoglot «Standard» in America: Standardization and Metaphors of Linguistic Hegemony [Text] / M. Silverstein; eds. D. Brenneis, R.H.S. Macauley // The Matrix of Language. — Boulder: Westview, 1996. — P. 284–306.
177. *Skutnabb-Kangas T.* Linguicism [Text] / T. Skutnabb-Kangas; eds. G. Gertz, P. Boudreault // The sage deaf studies encyclopedia. Vol. 3. — Thousand Oaks: Sage Publications, 2016. — P. 583–586.
178. *Skutnabb-Kangas T.* Indigenous Children's Education as Linguistic Genocide and a Crime Against Humanity? A Global View [Text] / T. Skutnabb-Kangas, R. Dunbar // Gáldu Cála — Journal of Indigenous Peoples Rights. — 2010. — № 1. — 128 p.

179. *Smith N.* American empire. Roosevelt's geographer and the prelude to globalization [Text] / N. Smith. — Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 2003. — 557 p.
180. Standard English [Electronic resource]. — URL: <https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/> (дата обращения: 07.12.2023).
181. *Spolsky B.* Language policy [Text] / B. Spolsky. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 250 p.
182. Statement about Standard Language Ideology and Equity among Languages [Electronic resource]. — URL: <https://lsa.umich.edu/linguistics/about-us/valuesstatement/standard-language-ideology-statement.html> (дата обращения: 28.10.2023).
183. *Stocking G.W., Jr.* A Franz Boas Reader: The Shaping of American Anthropology, 1883–1911 [Text] / G.W. Stocking, Jr. — New York: Basic Books, 1992. — 368 p.
184. *Swift J.* A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue [Electronic resource] / J. Swift. — URL: <https://jacklynch.net/Texts/proposal.html> (дата обращения: 07.12.2023).
185. Sydsvenska Dagbadet [Electronic resource]. — 19.03.2008. — URL: http://www.eurotopics.net/fr/home/presseschau/archiv/archiv_newsletter/NEWSLETTER-2008-03-19 (дата обращения: 30.01.2024).
186. *Tatar M.* The Hard Facts of the Grimms' Fairy Tales [Text] / M. Tatar. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. — 68 p.
187. The British Council's Annual Report 1960–1961 [Electronic resource]. — URL: http://www.teachingenglish.org.uk/sites/teaching/files/F044%20ELT-29%20The%20English%20Language%20Abroad_v3.PDF (дата обращения: 20.12.2023).
188. The English Language Abroad: Extracted from the British Council's Annual Report, 1960–1961 [Text]. — 27 p.
189. The Merriam-Webster Dictionary [Text]. — Revised edition. — Merriam-Webster Mass Market, 2004. — 939 p.
190. The triumph of English. A World Empire by Other Means. English Becoming The New World Language [Electronic resource] // The Economist. — 20 December 2001. — URL: <http://www.tlfg.ulaval.ca/axl/amnord/USAEconomistANGLAIS2001.htm> (дата обращения: 06.04.2023).
191. Theodore Roosevelt's Stance on Immigrants (1907) [Electronic resource]. — URL: <https://www.liveabout.com/what-theodore-roosevelt-said-aboutimmigrants-3957346> (дата обращения: 02.02.2024).
192. *Thompson J.B.* Studies in the theory of ideology [Text] / J.B. Thompson. — Cambridge: Polity Press, 1984. — 347 p.
193. *Tinshe S.* Who are Americans? Analysis of Abama and Trump's Political Speeches on Immigration [Text] / S. Tinshe, J. Junaidi // CELTIC: A Journal of Culture, English Language Teaching, Literature & Linguistics. — 2019. — Vol. 6. — № 2. — P. 73–87.
194. Title VII of the Civil Rights Act of 1964 [Electronic resource]. — URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/title-vii-civil-rights-act-1964> (дата обращения: 09.12.2023).

195. *Troike R.C.* Editorial: The Future of English [Text] / R.C. Troike // The Linguistic Reporter. — 19.08.1977.
196. United States Bureau of the Census. 1970 Census of Population and Housing. Procedural History [Text]. — Washington, DC: U.S. Department of Commerce, 1976. — P. 5–16.
197. United States General Accounting Office. Immigration Office. Employer Sanctions and the Question of Discrimination [Electronic resource]. — 1990. — URL: <https://www.gao.gov/assets/ggd-90-62.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).
198. *Urciuoli B.* Exposing Prejudice: Puerto Rican Experiences of Language, Race, and Class [Text] / B. Urciuoli. — Boulder, CO: Westview, 1966. — 240 p.
199. *Urciuoli B.* Skills and Selves in the New Workplace [Text] / B. Urciuoli // American Ethnologist. — 2008. — Vol. 35 (2). — P. 211–228.
200. US Census. 13th Census of the United States (1910). Vol. 1 (Population) [Electronic resource]. — Washington, DC: Government Printing Office, 1913. — URL: https://archive.org/details/1910_census (дата обращения: 11.01.2024).
201. U.S. Census Bureau Offers Language Assistance Services to Help Russian Americans Complete the 2010 Census Form [Electronic resource]. — URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/en/article/02-23-2010/us-census-bureau-offers-language-assistance-services-help-russianamericans> (дата обращения: 02.02.2024).
202. US Census. Development of Racial and Ethnic terms for the 1990 Census [Text]. — New Orleans: Population Association of America, 1998. — 251 p.
203. US Census. Measuring America: The Decennial Censuses From 1790 to 2000 [Electronic resource]. — Washington DC, 2002. — URL: <http://www.census.gov/prod/2002pubs/pol02marv-pt2.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).
204. US Senate Immigration Commission (Dillingham Commission). Abstracts of the Immigration Commission, with Conclusions, Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1 [Text]. — Washington, DC: Government Printing Office, 1911. — 864 p.
205. *Watson M.* Contesting Standardized English. What harms are caused when we insist on a common dialect? [Electronic resource] / M. Watson // American Association of University Professors. — 2018. May – June. — URL: <https://www.aaup.org/article/contesting-standardized-english> (дата обращения: 05.12.2023).
206. *Weber T.* Principles in the emergence and evolution of linguistic features in World Englishes [Text] / T. Weber. — Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2014. — 100 p.
207. *Weijen D. van.* The Language of (Future) Scientific Communication [Electronic resource] / D. Weijen, van. — URL: <http://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientificcommunication> (дата обращения: 05.01.2024).
208. *Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems [Text] / U. Weinreich. — Walter de Gruyter, 2010. — 160 p.
209. *Wilkins J.* An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language [Text] / J. Wilkins. — London: Scholar Press, 1968. — 454 p.

210. *Wood R.* The Ruins of Balbec, Otherwise Heliopolis in Coelosyria [Text] / R. Wood. — Farnborough: Gregg International Publishers, 1971 [1775]. — 28 p.
211. *Woodmansee M.* The Construction of Authorship: Textual Appropriation in Law and Literature [Text] / M. Woodmansee, P. Jaszi. — Durham: Duke University Press, 1994. — 472 p.
212. *Woolard K.* Bernardo De Aldrete and the Morisco Problem: A Study in Early Modern Spanish Language Ideology [Text] / K. Woolard // Comparative Studies in Society and History. — 2002. — Vol. 44 (3). — P. 446–480.
213. *Woolard K.* Language ideology [Text] / K. Woolard; ed. J. Stanlaw // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. — John Wiley & Sons, 2021. — P. 1–21.
214. *Woolard K.* Language Ideology: Issues and Approches [Text] / K. Woolard // Pragmatics. — 1989. — Vol. 2 (3). — P. 235–249.
215. *Zentella A.C.* Spanglish [Text] / A.S. Zentella; eds. D.R. Vargas, L. La Fountain-Stokes, N.R. Mirabal // Keywords for Latina/o Studies. — New York: New York University Press, 2017. — P. 209–211.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. Языковые идеологии эпохи модерна	16
1.1. Языковые идеологии и образование	27
1.2. Язык, общество и наука в XVII веке.....	29
1.2.1. Френсис Бэкон и научное недоверие к языку	31
1.2.2. От Френсиса Бэкона к Джону Локку.....	35
1.2.3. Джон Локк и его миссия.....	37
1.2.4. Учение Локка о знаках	42
1.2.5. Языковые реформы, социальное неравенство и общественный порядок	45
1.2.6. Иоганн Готфрид Гердер: язык, поэзия и Volk.....	50
1.2.7. Братья Гримм и немецкая филология: на службе нации	59
1.3. Франц Боас и лингвистическая антропология	68
Глава 2. Американские Языковые идеологии эпохи постмодерна	75
2.1. Институционализация гегемонии английского языка в США	86
2.1.1. Соотношение языка и власти в официальном английском	91
2.2. Стандартный английский язык.....	97
2.2.1. Нестандартные варианты американского английского	105
2.2.2. Стандартный американский английский как миф.....	109
2.2.3. Противодействие стандартному английскому.....	115
2.2.4. Идеология стандартного американского английского.....	116
Глава 3. Американский языковой империализм	125
3.1. Что такое языковой империализм.....	125
3.2. Американская языковая идеология.....	137
3.3. Связь расовой идентичности и языка в американской языковой идеологии	155
3.3.1. Переписи населения в США и расовый вопрос	176
3.4. Внутренний языковой империализм США: от плавильного котла к салатнице	190
3.5. Внешний языковой империализм США.....	206
Заключение.....	223
Библиографический список	225

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа):
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел. (495) 280-33-86 (доб. 222, 564)
E-mail: books@infra-m.ru

•

Отдел «Книга—почтой»:
тел. (495) 280-33-86 (доб. 222)

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

**Марусенко Михаил Александрович,
Марусенко Наталия Михайловна**

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И АМЕРИКАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

МОНОГРАФИЯ

Оригинал-макет подготовлен в НИЦ ИНФРА-М
ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Подписано в печать 00.00.2024.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 0,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 00000
ТК 842819-2171043-000024

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29